КРАСНАЯ ЛИНИЯ

Коричневая пуговка

РАССКАЗЫ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Коричневая пуговка

Рувим Исаевич Фраерман, Сергей Владимирович Михалков, Иван Батурин, Лев Абрамович Кассиль, Самуил Яковлевич Маршак, Владимир Сергеевич Курочкин, Евгений Аронович Долматовский, Богдан Иосифович Чалый, Иван Андрианович Багмут

Аннотация
Рувим Исаевич Фраерман, Сергей Владимирович Михалков, Иван Батурин, Лев Абрамович Кассиль, Самуил Яковлевич Маршак, Владимир Сергеевич Курочкин, Евгений Аронович Долматовский, Богдан Иосифович Чалый, Иван Андрианович Багмут. Коричневая пуговка
Вместо эпиграфа. Эти пионеры поймали шпиона
Рувим Исаевич Фраерман. Шпион
I. Ти-Суеви вполне доволен тем, что ему предстоит
II. Прокаженный мальчик все время молчит
III. В большом Тазгоу поймали много рыбы
IV. Долог весенний день

V. В лесу появилась паутина
VI. Старик, который мало спит
VII. Ти-Суеви и Натка следят за врагом
VIII. Бабочка-монашенка
IX. В тайге за Фазаньей падью
X. Красноармеец Сизов стреляет метко
Сергей Владимирович Михалков. Шпион
Иван Батурин. Коричневая пуговка
Лев Абрамович Кассиль. Дядя Коля, мухолов
Глаза на затылке
Странный дачник
Кот Чернобрыс и пчела Жоржетта
«Общество Зеленого Сачка»
«Зеленый сачок, черный жучок...»
Пояснения капитана К
Самуил Яковлевич Маршак. Пограничник
Владимир Сергеевич Курочкин. Морской чёрт
1
2
3
4
5
Евгений Аронович Долматовский. Пуговка
Богдан Иосифович Чалый. Конец чёрного ворона
Картина первая
Картина вторая

Иван Андрианович Багмут. Знак на стене
Сергей Владимирович Михалков. Граница
Содержание

Аннотация

Дети всегда с удовольствием «экспроприировали» произведения, для них совсем не предназначенные. Романы Жюля Верна, Уэллса, Беляева давно и прочно перейти в золотой фонд детской литературы. Туда же перекочевали книги Купера. Майна Рида и других авторов, свято веривших, что они творят для взрослой аудитории. Не стал исключением и детективный жанр: многие из нынешних читателей серии в детстве с упоением «глотали» бесконечные приключения инспектора Лосева, сыщика Гурова, Нила Кручинина. Переживали за Пронина и Штирлица…

Но не нужно думать, что никто не писал именно для детей. Таких произведений тоже было достаточно и доказательством тому — этот сборник, в котором собрана лишь часть «шпионских» сочинений, адресованных детям. Несмотря на то, что в числе авторов встречались и именитые, талантливые писатели, именно эти рассказы, повести и стихи не смогли пережить испытание временем. Но зато, как нам кажется, с еще большим

удовольствием будут прочитаны новым поколением любителей жанра.

Рувим Исаевич Фраерман, Сергей Владимирович Михалков, Иван Батурин, Лев Абрамович Кассиль, Самуил Яковлевич Маршак, Владимир Сергеевич Курочкин, Евгений Аронович Долматовский, Богдан Йосифович Чалый, Иван Андрианович Багмут
Коричневая пуговка

КРАСНАЯ ЛИНИЯ

красная линия

выпуск 9

коричневая пуговка

произведения для детей

екатеринбург
2015

Вместо эпиграфа
Эти пионеры поймали шпиона

ЭТИ ПИОНЕРЫ ПОЙМАЛИ ШПИОНА

На опушке ребята играли в футбол. Ловкий и стремительный Геня Суменков, нападающий, получил мяч. Он быстро провел его по краю, хитро обманул защитника, резко ударил. Гол! Удар был сильный, вратарь не устал опомниться, и мяч покатился далеко от поляны к самому лесу.

Не останавливаясь, Геня побежал за мячом. Он выкатил его из-за двух сосен, поставил в удобное положение, взял небольшой разгон и... остановился. Ему послышалась крадущиеся шаги. Тогда он послал мяч команде, а сам остался на месте,

всматриваясь в полутьму между деревьями.

Теперь он отчетливо видел двигающуюся навстречу сгорбленную фигуру. Еще минута — и перед Геней стоял старик в лохмотьях и с большой, до пояса, рыжей бородой.

— Вам, дидусь, куда?

— Я нищий. Хлеба, сыночек, прошу…

— А вы откуда?

Стада назвал деревню. Геня решил проверить, правду ли говорит старик, и пошел на хитрость.

— Так вы сюда через мост перешли?

— Какой там мост! Разве не знаешь, нет там моста, и старик двинулся дальше.

Геня стоял в раздумье. Старик сказал правду — моста, действительно, нет. Скоро Геня увидел бегущих к нему Юру Малькова и Володю Турчина.

— Иди играть! — кричали они.

Геня прижал ладонь к губам, жестом показывая: «Молчите!»

Потом указал на удаляющуюся фигуру «нищего». Ребята переглянулись и, ни слова не сказав, стали незаметно идти по пятам рыжебородого старика.

«Нищий» шел по направлению, где расположена Н-ская воинская часть.

— Только бы не упустить, — думали ребята.

А рыжебородый, оглянувшись по сторонам, скрылся в подъезде одного дома.

Геня, Юра и Володя остановились. Как быть: идти следом, или ждать, пока выйдет?

— Вы стойте и глядите в оба, я пойду, — сказал Геня и пошел следом за стариком.

Геня увидел, как «нищий» забрался на верхнюю площадку лестницы. На дверях чердака висел замок. Старик достал инструменты, и замок заскрипел в сильных руках. Из-за отвороченного старого пиджака Геня увидел оружие.

Но тут старик заметил Геню. Его лицо перекосилось. Но, встретив глаза мальчика, он старческим, дребезжащим голосом сказал:

— Горе, сынок. Куда ни стучу, никто поесть не дает.

Геня молчал. Он оторопел. Рыжая борода на правой щеке чуть-чуть отклеилась. Старик тоже это заметил и стал креститься, прикладывал три пальца к правой щеке, стараясь незаметно приклеить бороду.

Геня сунул руку в карман и достал серебряную монету.

— Возьмите, дедушка, купите хлеба, — сказал он, делая вид, что ничего не подозревает.

Старик жадно схватил деньги.

— Ой, спасибо тебе, сыночек!

Володе и Юра не спускали глаз с двери, куда вошли старик и Геня. Но дороге, возвращаясь домой, шел Витя Суменков, брат Гени. Ребята подозвали его.

Первым показался старик. Ребята насторожились. Прошло еще две-три минуты, и вышел Геня.

— Беги за командиром, — сказал он брату.

Рыжебородый, перепрыгивай кустарники, быстрыми шагами спешил к лесу. Следом, стараясь оставаться незамеченными, шли Геня, Юра и Володя. Скоро их нагнали командир Сапыгин и Витя.

«Нищего» задержали.

Так совсем недавно пионеры Геня и Витя Суменковы, Юра Мальков и Володя Турчин помогли задержать шпиона, который пытался проникнуть в расположение одной воинской части.

Е. ЧЕРВИНА,

А. ГЕРШБЕРГ

УССР, Н-ская часть, западная граница.

Пионерская правда, 22 мая 1939 г.

Рувим Исаевич Фраерман
Шпион

Рувим Фраерман

Шпион

I. Ти-Суеви вполне доволен тем, что ему предстоит

Ти-Суеви был только младшим сыном шкипера Суеви, но и младшим сыном можно гордиться, если он ходит уже в школу, рисует тушью на фанере и стальным пером пишет на бумаге все, что он хочет сказать другим.

Одно было плохо: в школу приходилось ходить далеко — через Фазанью падь, мимо мыса Трех братьев, в колхоз Большой Тазгоу.

От деревни, где жил Ти-Суеви, туда вели две дороги — верхняя и нижняя.

Если Ти-Суеви хотелось поесть вареных ракушек, которые так вкусно умела готовить его мать, он шел по нижней дороге, по берегу океана.

Если же ему хотелось видеть друзей, то он шел по верхней — через тайгу, мимо колонии прокаженных и пограничной заставы.

Но какую бы дорогу Ти-Суеви ни выбирал, он всегда шел по ней широким шагом, не торопясь и не отдыхая, как ходят люди, привыкшие к долгому пути, — охотники и красноармейцы.

А между тем Ти-Суеви был только мальчиком, сыном рыбака, и, как все корейские дети, носил штаны из небеленой ткани, перевязанные у щиколотки черной ленточкой.

В это утро шел дождь.

Ти-Суеви почувствовал это еще спросонья по запаху дыма, вгоняемого обратно в фанзу через трубу.

Ти-Суеви открыл глаза и поднял голову с подушки, набитой мякиной.

Под котлом горел огонь. В котле кипела вода. Мать просеивала муку для пампушек. Она делала это каждое утро, с тех пор как отец Ти-Суеви стал шкипером на шаланде номер три.

Как ни мало лет было Ти-Суеви, но все же он знал, что муку просеивают те, у кого ее много. Поэтому, несмотря на дождь, стучавший в дверь фанзы, Ти-Суеви проснулся с легким сердцем, вполне довольный тем, что ему предстоит: во-

первых, хорошо поесть, во-вторых, пройти семь километров до колхоза Большой Тазгоу.

Ти-Суеви встал и вышел из фанзы. Перед ним, почти у самого порога, лежало море. Ни одна шаланда еще не вернулась с ночного лова, нигде не видно было парусов. Вода легко плескалась в океане.

И Ти-Суеви подумал:

«Будет хороший день».

Он вернулся в фанзу и прилег на теплые нары, на кан.

Мать поставила перед ним чашку с рисом и рыбой и положила палочки для еды.

— По какой дороге пойдешь ты сегодня? — спросила она. — Если пойдешь по нижней, то надень новые ботинки — там много острых камней. А если пойдешь по верхней, не надевай — там грязь и глина у Фазаньей пади.

Ти-Суеви прожил на свете уже двенадцать лет, но никогда не мог понять этих странных существ, которые называются женщинами.

Если им жалко ног, то не надо жалеть ботинок. А если им жалко ботинок, то не надо бояться острых камней.

Ти-Суеви вернулся в фанзу и прилег на теплые нары.

Поэтому Ти-Суеви ничего не ответил матери.

Зато он съел все, что ему дали, и попросил еще. Затем сунул в сумку с книгами две пампушки, кусок сахару и потуже затянул на щиколотках черные ленточки от штанов. Соломенные же туфли его и без того сидели на ногах крепко.

Ти-Суеви вышел из фанзы.

На море все еще не видно было парусов, Но дождь уже стих. И теперь слышен был тихий шум, слабое дыхание отлива, слышно было, как журчала вода, стекая с плоских камней.

Ти-Суеви обогнул фанзу и пошел по мокрому песку против ветра.

Ти-Суеви не был любопытен, но считал, что если перо, оброненное птицей, красиво, то стоит нагнуться, чтобы его поднять, стоит, даже ради этого пройти лишний километр.

Поэтому Ти-Суеви, прежде чем выйти на дорогу, отправился к тому месту, где вот уж третье утро подряд меж двух небольших камней, у самой границы прибоя, он находил утиное яйцо.

На этот раз яйца там не было.

Это огорчило Ти-Суеви, Яйца, которые он находил, были красивые, большие и зеленоватые, как спинка морского окуня.

Ти-Суеви постоял в раздумье над камнями,

даже попробовал приподнять один из них.

И под камнем ничего не оказалось.

Тогда Ти-Суеви решил, что если он не нашел тут утиного яйца, то нашла его, наверное, русская девочка Натка — дочь шкипера Миронова, с которой Ти-Суеви никогда не враждовал.

Он оглянулся на фанзы, стоявшие в ряд на берегу. Еще было рано. Еще не кричали свиньи в загородках. Еще не открывались двери фанз, чтобы пропустить внутрь, к очагу, хоть немного ветра.

И нигде не было видно Натки.

Теперь уже Ти-Суеви не было никакого смысла идти по берегу океана.

Что мог он найти там, на берегу? Несколько устриц, забравшихся слишком далеко на отмель, стеклянный поплавок, оторвавшийся от рыбацких сетей, или, наконец, немного белой пены, заброшенной проливом на камни.

Правда, из этой застывшей пены Ти-Суеви мог, как из мыльной воды, выдувать большие лазоревые шары, красиво блестевшие на солнце. Но ведь это не больше как пузыри, лопающиеся от одного лишь дыхания.

И Ти-Суеви решил пойти по верхней дороге.

Он оглянулся еще раз на море, на русский дом,

где жила Натка.

И не будь так рано, Ти-Суеви вошел бы в этот дом, который часто приводил его в удивление.

Он не был похож на фанзу. Нигде Ти-Суеви не видел там ни палочек для еды, ни очага, ни нар, и Натка ела мясо одной только железной вилкой. При этом всех старших, даже и отца своего, шкипера Миронова, Натка называла на «ты». И он не сердился за это. Он брал ее двумя пальцами за щеки, а третьим нажимал на нос, и оба при этом смеялись.

Да, все было удивительным в этом русском доме!

Ти-Суеви оглянулся на него в третий раз и стал подниматься по тропинке на лесистую сопку.

Он шел меж кустов по ползучим травам, цеплявшимся за одежду при каждом его шаге.

И когда поднялся наверх, было уже настоящее утро. Ветер внезапно уснул. Наступила тишина.

И Ти-Суеви показалось, будто слышно стало, как шагает туман по кустам, как шуршит он, как трясет жесткими листьями.

А внизу, под ногами Ти-Суеви, курился после дождя океан.

II. Прокаженный мальчик все время молчит

Ти-Суеви вошел в тайгу. Он спустился в Фазанью падь и снова поднялся на другую сопку, где лес был сумрачный и ели так же широки, как кедры. На ветвях их висели капли дождя и не падали вниз.

Ти-Суеви шел не торопясь и, чтобы не было скучно в пути, громко бранил толстые корни, улегшиеся посреди дороги, или свистом отвечал на свист белок, или кидал мягкие шишки в траву, где с зари до полудня паслись и хлопали крылья-

ми ушастые фазаны.

Ти-Суеви никогда не скучал, идя по этой дороге, хотя никого не встречал на ней, кроме прокаженных. Они иногда украдкой, таясь от врача, собирали в лесу малину.

Их Ти-Суеви обходил. Но, зная, как не любят они людей, показывающих перед ними свой страх, Ти-Суеви обходил их не очень далеко. Иногда он даже останавливался и смотрел им вслед.

И случалось, что прокаженный старик, всегда стоявший у ворот колонии, видя мальчика, смело идущего по дороге мимо, улыбался ему раздутыми от проказы губами. А Ти-Суеви издали кивал старику головой.

Но все же каждый раз, приближаясь к этому месту, Ти-Суеви испытывал страх. Мог же и ветер, пробегавший по деревьям, принести с собой проказу.

Но в это утро ветра не было, и среди молчания леса подавала свой голос только вода, бегущая по дну оврага.

Вдруг Ти-Суеви прислушался. Сквозь ровный шум ручья почудился ему звук приближающихся шагов.

Он прислонился к тонкому дереву. Это была молодая ольха, закачавшаяся под его тяжестью.

Несколько капель, висевших на ее листьях, упало на затылок Ти-Суеви. От внезапного холода он присел на корточки. Это дало ему возможность скрыться в высокой траве и увидеть людей, спускавшихся с косогора на дорогу.

Их было двое: женщина, по-корейски одетая в белую одежду, и мальчик.

Они вышли на дорогу и огляделись вокруг.

Ти-Суеви смотрел на них с изумлением.

Женщину он узнал. То была старая Лихибон, жившая в Тазгоу одиноко. Но мальчика никогда не видел Ти-Суеви ни в своей, ни в чужой деревне. На нем была китайская хурьма, разорванная во многих местах.

Лицо его было темно от пота, ноги покрыты тиной, и грязь и тина виднелись даже на его висках. Он шел, должно быть, по болоту.

Мальчик был мал ростом, не выше самого Ти-Суеви.

Но странно: когда Ти-Суеви смотрел на его сухие ноги, то мальчик казался ему стариком, когда же смотрел на затылок, — мужчиной.

«Кто это?»

Ти-Суеви поднялся на ноги.

Снова тонкая ольха закачалась под его рукой, и на слабый шум ее листьев тотчас же обернулся

мальчик.

Ти-Суеви увидел его глаза и отступил перед их взглядом. Это был взгляд маленькой гадюки.

— Не подходи! — крикнула Ти-Суеви женщина.

— Почему? — громко спросил Ти-Суеви.

— Проходи, проходи! — снова крикнула Лихибон. — Он прокаженный.

Но Ти-Суеви не тронулся с места. И мальчик шагнул к нему, размахивая длинными рукавами хурьмы, Лихибон схватила его за плечо.

— Отойди, — сказала она Ти-Суеви в третий раз. — Разве ты не видишь, что ветер дует в твою сторону?

Ти-Суеви снял свою шапку и заглянул в нее.

— Здесь, — сказал он старухе, — во всей тайге найдется не больше ветра, чем в моей шапке.

Тогда старуха начала браниться.

— Ты умрешь от проказы, — сказала она Ти-Суеви, — и мать твоя будет бояться тебя.

— Мать моя никого не боится, — сказал Ти-Суеви.

А мальчик все время молчал.

— Ты умрешь из-за своего упрямства, — повторила старуха, — и мать никогда не возьмет тебя ни за плечо, ни за руку.

Ти-Суеви рассмеялся и надел шапку. И старуха

с мальчиком двинулась дальше, часто оглядываясь назад.

Ти-Суеви шел за ними следом. Он не бранил теперь толстых корней, улегшихся на лесной дороге, не свистел белкам, не кидал шишек в траву, где цвели уже голубые ирисы. Не напрасно ли растут они в этом глухом лесу? Их никто не видит.

Но Ти-Суеви не думал об этом. Другое занимало его — ему хотелось узнать, кто был этот мальчик, который, казалось, готов был убить его, не проронив при этом ни слова.

Ти-Суеви прожил на свете уже двенадцать лет.

Так прошли они еще полкилометра, пока впереди между черных стволов даурских елей не засветился вдруг белый забор.

Глубокий овраг, наполненный громом воды и шумом серебристых ясеней, отделял его от дороги.

И над этим громом и шумом царил еще какой-то странный звук, отдаленно похожий на человеческий голос.

За оврагом начиналось то место, которое Ти-Суеви, как все здешние рыбаки, называл по-якутски «домом ленивой смерти».

Проказа — ленивая смерть! Ждешь ее долго,

сгниешь весь, а она все не приходит.

Как много страшных рассказов слышал о ней Ти-Суеви! Но он мало верил им.

Он часто ходил по этой дороге и видел, что даже знакомый старик, в чьих костях уже много лет прочно сидела болезнь, не ждал ее, этой «ленивой смерти». Лицо его было неподвижно, и веки уж никогда не смыкались, но все же он очень охотно грелся на солнце у ворот и курил медную трубочку, сжимая ее, как пойманную птицу, в своих изуродованных ладонях.

Не ждали ее, должно быть, и другие больные: дома их были светлы, крыты волнистым железом, и у порогов, посыпанных морским песком, росли высокие цветы — голубые ирисы и мак.

А поближе к дороге, направо, тянулись огороды — длинные грядки, засаженные японским редисом, где с утра до вечера прокаженные тяпками усмиряли лесные и сорные травы.

При этом они пели.

И Ти-Суеви знал, что они любят труд, даже не меньше чем его отец, Суеви, слывший лучшим шкипером от Малого до Большого Тазгоу.

Они пели. Но из глоток их, пораженных проказой, вместо песни вырывался только жалкий свист.

Вот это-то пение услышали старуха и мальчик, идя по над оврагом, и слышали сейчас, стоя на мосту у ворот колонии.

Старуха, трясясь от страха, попятилась назад. Задрожал и мальчик, и лицо его, несмотря на грязь, покрывавшую щеки, побелело.

Но все же он сделал шаг вперед и потащил за собой старуху.

Из открытых ворот навстречу вышли доктор в халате и сестра, молодая женщина. Старуха низко поклонилась им.

Прокаженные, работавшие на огороде, перестали петь и подошли ближе. Старик, сидевший у ворот, выколотил свою трубочку о камень, а другой старик, строгавший доски под кедром, положил свой рубанок на верстак.

Кедр был также стар и любопытен. Ветви его висели низко, точно прислушиваясь к земле, а сам он стоял неподвижно, в глубоком молчании.

Старуха еще раз поклонилась доктору.

— Это мой внук, — громко сказала она, показав на мальчика.

«Так вот кто это», — подумал Ти-Суеви и вспомнил, что вправду он слышал, будто внук ее жил где-то в городе.

Ти-Суеви стоял на дороге по другую сторону мо-

ста, боясь подойти ближе. Но все же он не хотел пройти мимо, не узнав всего до конца.

— Это мой внук, — повторила старуха Лихибон, вытирая ладонью свои больные глаза, из которых постоянно струились слезы. — Он заболел проказой. Его прислали к тебе из города с бумагой. Выгони болезнь из его костей и кожи. Спаси его, доктор! Ты это делаешь очень хорошо.

Она расстегнула свою грязную кофту и вынула из-за пазухи бумагу.

Доктор надел очки. Мальчик громко заплакал.

— Ну, что ж, старая, — сказал доктор. Он уже прочел бумагу, повертел ее, посмотрел на печать. — Ну что ж, оставь внука тут. Сейчас мы посмотрим его; мы будем его лечить. Не горюй, мальчик, и проказу можно вылечить.

И, обратившись к сестре, доктор добавил:

— Уведите больного, пусть помоется в бане, и дайте ему поесть — он грязен и, наверное, голоден.

Сестра поманила мальчика пальцем.

— Пойдем за мной, — сказала она.

Но мальчик остался на месте.

— Пойдем за мной, — повторила сестра и протянула к нему руку.

Мальчик вдруг закричал и отскочил в сторону,

оглянувшись назад.

Ти-Суеви отбежал и спрятался за кустом. Ему показалось, что прокаженный сейчас бросится прочь от ворот, собьет его с ног и исчезнет в тайге.

Однако мальчик этого не сделал. Он бросился в другую сторону. Мимо сестры и доктора прошмыгнул он в ворота и вбежал во двор колонии.

Прокаженный старик, строгавший доски, посторонился, чтобы его пропустить.

Мальчик вскочил на верстак, стоявший под кедром, оттуда на ветку, свесившуюся до самой земли, и, цепляясь одеждой за сучья, забрался на самую вершину так быстро, что даже Ти-Суеви, умевший хорошо лазать по деревьям, был удивлен.

Лицо доктора также выражало крайнее удивление. Он повернулся к старухе и постучал пальцем по своей голове.

Старуха снова вытерла ладонями глаза и помолчала, словно ее постоянные слезы мешали ей говорить.

— Да, — сказала она, наконец, — ты всегда угадаешь правду. Он безумный. Его укусила белка, когда он доставал орехи из ее гнезда, — мы жили тогда на Кедровой сопке. И с тех пор тьма посе-

лилась в его голове. Он не слезает с деревьев. Он никому не позволяет притронуться к себе, ни от кого не принимает ни воды, ни хлеба, только от меня.

— Значит, у него две болезни, — сказал доктор. Трудно тогда нам будет его лечить.

— Ты доктор, — сказала старуха, — ты знаешь, как это сделать. А я стара, я ничего не знаю. Я буду только приходить сюда и приносить ему рис и мясо.

Старуха подняла голову и крикнула вверх по-корейски:

— Слезь! Это я говорю тебе, Лихибон.

Ветви на вершине кедра закачались, посыпались вниз остья прошлогодней хвои, и Ти-Суеви, не спускавший глаз с дерева, снова увидел мальчика.

Тот поднялся еще выше и теперь был высоко над землей.

А внизу, у подножья кедра, окружив его со всех сторон, стояла толпа прокаженных. Их львиные лица, покрытые буграми, были обращены вверх. Они кричали, но голоса их были так сиплы, что Ти-Суеви ничего не разобрал. Он слышал только, как старик, выколачивавший свою трубку о камень, сказал:

— Я видел это много раз. Никто по своей охоте не ступит на порог дома, где живет «ленивая смерть». Он лучше разобьется о землю.

И верно. Казалось, что мальчик вот-вот упадет с высокого кедра на доски и тогда не потребуется для него драгоценного масла щольмогры, которым доктор лечил от проказы.

— Уйдите все! — сказал доктор. — Он сам спустится вниз, когда никого не будет вокруг. Пойдем, старуха, мы посмотрим и тебя.

Прокаженные разошлись и снова взяли тяпки в руки, А мальчик остался один на вершине кедра. Ти-Суеви тоже не стал более ждать. Он пошел по дороге в Тазгоу, как ходил по ней обычно, не торопясь и не отдыхая, потому что было уже поздно.

Он мог бы еще заглянуть на заставу, где у него были друзья — молодой красноармеец Сизов и медвежонок Личик.

Но Ти-Суеви не стал этого делать. Дорога за мысом Находка была трудная — чернозем и глина, а Ти-Суеви был в соломенных туфлях, скользких, как змея.

Ти-Суеви обогнул заставу и свернул налево, где начинался дубовый кустарник. Он рос на камнях, болел от туманов, и листья на нем всегда были сухие, багровые, но так крепко сидели на своих

длинных черенках, что ни ветер, дувший днем с океана, ни ветер, дувший ночью с суши, не мог их сорвать.

III. В большом Тазгоу поймали много рыбы

Как ни старался Ти-Суеви прийти вовремя, но все же опоздал бы в школу, если бы в то утро колхоз Малый Тазгоу и колхоз Большой Тазгоу не поймали так много рыбы.

Еще вверху, на дороге, Ти-Суеви видел, как входили в бухту кавасаки и шаланды спускали паруса.

Едва Ти-Суеви успел сойти вниз по тропинке на берег, как увидел Натку. Она шла в башмаках по соленым лужам, и море шипело у самых ее ног.

Она подошла к Ти-Суеви и, смеясь, сказала ему:

— Здравствуй!

Ти-Суеви был очень удивлен. Как успела она прийти раньше его в Тазгоу.

— Разве ты ночевала здесь? — спросил он.

— Нет, — ответила Натка, — меня привез сюда на шаланде отец. Он рано кончил сегодня ловить и поймал очень много. И твой отец тоже поймал много рыбы. И все бригады поймали так много иваси, что в класс приходил председатель Василий Васильевич Пак и просил учителя хоть на час отпустить нас отцеплять рыбу. Мы все тоже просили. Учитель разрешил. В школе теперь никого нет.

И Натка показала Ти-Суеви маленькую скамеечку, которую держала в руках.

Только тогда Ти-Суеви заметил, что на берегу много детей и женщин и в руках у них такие же скамеечки, как у Натки.

Он взглянул на узкую бухту, лежавшую у засольных сараев, и увидел старый кунгас, тоже полный детей и женщин. Кунгас собирался отчалить.

— Ого! — радостно сказал Ти-Суеви. — В самом деле поймали много рыбы!

И подхватил с земли плоский камень, который мог бы заменить ему скамеечку, Ти-Суеви бросился бежать к кунгасу.

Натка побежала за ним.

Они едва успели вскочить на корму. Женщины потеснились немного и уступили им место, а перевозчик Лимчико, ленивый человек, отдал им свое кормовое весло — единственное весло, заставлявшее двигаться этот просмоленный ящик.

И русская девочка Натка, и Ти-Суеви, и еще трое корейских мальчиков с криком начали юлить, раскачивать тяжелое весло, шевелившееся за кормой кунгаса, точно хвост чудовища.

А ленивый Лимчико смеялся, потому что всегда был рад отдать свое весло другому. И смеялись Натка и Ти-Суеви, потому что, как бы там ни было, что бы ни говорил учитель Василий Васильевич Ни, но раскачивать тяжелое весло и потом сидеть на скамеечке у воды под солнцем и отцеплять рыбу от сетей гораздо приятнее, чем выводить тушью на бумаге знаки этой самой рыбы, сети и воды.

Так плыли они к другому берегу бухты, где гудели кавасаки и скрипели шаланды, уткнувшись носом в песок. А небо после ночного дождя было совершенно открытое, И бухта была мелка и прозрачна. И когда Ти-Суеви, раскачав тяжелое весло, заглядывал в воду, он видел в глубине, на черном гравии, обрывки сгнивших канатов и

старые консервные банки, блестевшие на дне, точно клад.

И Ти-Суеви так сильно раскачивал весло, что минут через десять он был уже на другом берегу и сидел рядом с Наткой, отцепляя рыбу от сетей.

Рыба успела уже уснуть в сетях, но тело ее было еще холодное, а жабры наполнены кровью.

И куда бы ни поглядел Ти-Суеви, направо ли, налево ли, на берегу стояли женщины и, склонившись, как жницы над полем, перебирали полные сети.

А носильщики с криком и шутками торопили их.

Веселое утро было в Тазгоу! Такое веселое, что Ти-Суеви забыл о прокаженном мальчике, забыл даже, что не нашел сегодня на своем берегу утиного яйца.

Однако, взглянув на Натку, в ее светлые глаза, блестевшие, как мокрые камешки, Ти-Суеви все же вспомнил о нем.

— Это ты взяла утиное яйцо? — спросил он у Натки.

— Я, — ответила Натка. — Ты ведь сам показал мне это место. Я встала очень рано и взяла. Может быть, это наша утка снесла яйцо.

Ну что ж, все это могло быть правдой. Ти-Суеви

вздохнул.

— Ничего… Бери, бери! — сказал он Натке, потому что никогда не враждовал с ней.

Он знал, что раньше, до того, как отец Натки, шкипер Миронов, приехал к ним в Малый Тазгоу, она жила где-то далеко, на другом конце земли, где нет тайги, где места ровные, а море хотя и мелкое, но на его берегу в песке больше рыбьей чешуи, чем песчинок.

А чтобы Натке не было скучно в Тазгоу, чтобы ей не хотелось обратно на запад, и чтобы этот край казался ей приветливее, чем другой, Ти-Суеви разрешал Натке брать все, что она видит.

Он приносил ей даже орехи, доставая их из норок лесных мышей, и собирал для нее среди камней чилимчиков, не требуя за это благодарности.

Но если правду сказать, то все же Ти-Суеви хотелось, чтобы Натка при этом говорила ему: «Хорошо туту вас жить, Ти-Суеви!» Натка же этого не говорила. Она высыпала в подол к себе чилимчиков, съедала орехи и говорила:

— А у нас там на бахчах арбузы растут.

За такие слова Ти-Суеви желал ей провалиться на месте.

Но все же и сейчас, сидя рядом с Наткой на ска-

меечке у воды, Ти-Суеви не забывал похвалить океан и нежную рыбку иваси, которую он так ловко отцеплял от сети.

Смеясь, он показывал Натке на кучи рыбьей чешуи, высохшей и блестевшей под солнцем, как медь. Ветер слегка ворошил эти кучи, ставил чешую на ребро, катил ее по твердому песку и сбрасывал в море.

— Смотри, смотри! — говорил Ти-Суеви.

Но это была знакомая для Натки картина. Море везде одинаково, только берег не тот.

— Посмотри же, что тебе стоит! — попросил еще раз Ти-Суеви.

И, заслонив ладонью глаза от блеска неподвижной воды, Натка посмотрела на скалы, торчавшие из моря, взглянула направо, на лесистую, всегда черную сопку, где просеки, словно трещины, сбегали по склону вниз, и сказала по обыкновению своему не то, что ожидал Ти-Суеви.

— А у нас, — сказала она, — по утрам петухи поют.

— Петухи? — переспросил удивленно Ти-Суеви. А разве у нас нет петухов?

— Я никогда не слыхала их. Разве они тут есть?

— Есть, — сказал твердо Ти-Суеви.

И тотчас же над океаном раздался крик петуха.

Глаза у Натки блестели, как мокрые камешки.

Ти-Суеви и Натка обернулись и увидели старуху — темную, морщинистую Лихибон. Гоня перед собой птицу, она шла по краю дороги в гору, где одиноко стояла ее фанза, слепленная из дерна и глины.

«Вот женщина, у которой внук болен проказой», — хотел сказать Ти-Суеви.

И он сказал бы это громко, всем, если бы в тот момент не увидел свиней, плывущих через узкую бухту.

Вид и запах рыбы заставили их покинуть каменистые пастбища и кучи мусора, лежавшие позади фанз, выйти на берег и войти в море.

Одинаково черные, жирные, подняв рыла над гладкой водой, они подплывали уже к другому берегу бухты, когда Ти-Суеви заметил их.

Он со смехом показал на них Натке и женщинам, сидевшим на низких скамеечках у сетей. Женщины поднялись на ноги и закричали.

Свиньи уже вышли на берег. С громким хрюканьем разбежались они по песку и по гравию, подбирая рыбу, раздавленную ногами неуклюжих носильщиков.

Свиньи подходили к самым сетям, шныряли среди детей, рыли даже воду у берега, где на мел-

ком дне лежала оброненная ловцами мертвая рыба. И жадность их приводила в удивление людей. Ловцы перестали выбирать сети из шаланд, с лямками на плечах остановились носильщики, и сам председатель колхоза Тазгоу Василий Васильевич Пак с изумлением молчал, открыв свой беззубый рот. И на его седой и редкой бороде блестела рыбья чешуя.

Не так уж велик был бы для колхоза убыток, если бы свиньи досыта наелись иваси, не это было страшно, — но мясо их будет пахнуть рыбой.

И женщины закричали еще громче.

Дети бросились разгонять свиней.

Ти-Суеви набрал полную горсть крупной гальки. Широко расставив ноги и прищурив глаз, он швырял камни направо, налево и вперед, не сходя со своего места.

Женщины, склонившись, как жницы над полем, перебирали полные сети.

Он считал, что ради свиней не стоит сходить с места: и без того ни одна из них не могла спастись от его метких ударов.

Но, неожиданно обернувшись назад, он увидел недалеко от себя Натку. Размахивая над головой своей скамеечкой, она с криком медленно пятилась назад, к самой воде.

Так же медленно, как она, подвигалась к ней с яростным пыхтеньем огромная свинья. Ее длинное тучное тело было еще влажно от морской воды, щетина ее блестела, и блестели желтые зубы, когда она открывала рот.

Ти-Суеви нагнулся, чтобы лучше разглядеть свинью, — не та ли это самая, что совсем недавно укусила Пака, — и увидел ее глаза — две крошечные, едва прикрытые ресницами ямки, на дне которых горел огонь. Тогда Ти-Суеви бросился к Натке. Он не отстранил ее, не встал на ее место, но обежал вокруг и сзади ударил разъяренное животное камнем. Свинья повернулась к нему.

Ти-Суеви сделал шаг назад и снова метко швырнул в нее камнем. Животное завизжало и бросилось на Ти-Суеви.

Он отскочил и помчался вдоль берега к тому месту, где галька у гряды прибоя была особенно крупна и скользка.

Здесь Ти-Суеви остановился. Свинья бежала тяжело, ноги ее подгибались, из-под копыт со звоном выскакивали мокрые, скользкие камешки и катились вниз, в воду.

А Ти-Суеви смеялся. Он сбросил свои соломенные туфли, одежду и вошел в теплое море.

А свинья, трясясь от собственной тяжести, все

бежала. Каждый шаг по камням утомлял ее. Но ярости в ней еще оставалось так много, что вслед за Ти-Суеви она кинулась в мелкие волны.

И тотчас же все стадо, собравшееся на берегу и подгоняемое камнями и криками мальчишек, вошло в воду.

Оно поплыло назад, к берегу, над которым возвышались фанзы.

Он увидел в глазах младших восторг.

А впереди, далеко обогнав все стадо, плыл мальчик. Голова его блестела от пены.

Он вышел на песок, взобрался на высокий камень и долго стоял там, голый как деревцо, лишенное всех листьев.

Вскоре перевозчик Лимчико привез Ти-Суеви одежду. Привез он еще на своем неуклюжем кунгасе всех детей, бывших на том берегу, потому что на крыльце школы стоял уже учитель Василий Васильевич Ни и, сзывая школьников на ученье, стучал в медную доску.

Ти-Суеви оделся. Он уже затянул на щиколотках черные ленточки, глубоко надвинул шапку на мокрую голову и затем только взглянул на детей, окруживших его.

Он увидел на лицах старших одобрение, в глазах младших — восторг и даже зависть к своей

смелости, но ни у кого не увидал он в руках своих соломенных туфель.

— Где же мои туфли? — спросил он. — Не забыли ли вы их на том берегу?

— Может быть, и забыли, — сказал Лимчико, — потому что все смотрели на тебя.

Но даже и эта высшая похвала старого человека не развеселила Ти-Суеви. Он стоял босиком на камнях, отыскивая глазами Натку.

Она пряталась позади всех.

— У меня твои туфли, — сказала она вдруг. — Я их не забыла взять.

И Натка подошла к Ти-Суеви и положила его грязные туфли рядом на камень.

Он надел их и посмотрел на Натку. Глаза ее еще блестели от испуга и слез.

И, вспомнив о свиньях, Ти-Суеви почувствовал себя несчастным. Но кто же мог знать, что свиньи, простые черные свиньи, пасущиеся сейчас на каменистом склоне среди дубового кустарника, бывают так злы?

И Ти-Суеви подумал о том, что теперь уже Натка никогда не скажет: «Хорошо тут у вас жить, Ти-Суеви».

Печальный, пошел он рядом с Наткой в гору на крутой берег, где виднелась школа.

Вместе взошли они на высокое крыльцо, и здесь каждый из них сделал по-своему: Натка переступила порог, принеся на своих башмаках мокрый песок и глину; Ти-Суеви же вошел в школу, как входил он в свою собственную фанзу, — оставив на пороге обувь.

IV. Долог весенний день

Как долог весенний день на берегу океана! Уже давно шаланды выгрузили рыбу и снова ушли в море, унося на мачтах паруса, а на палубах сухие

сети. Уже давно женщины вымыли после обеда котлы, и снова развели огонь под ними, и налили в них воды, и положили лук, мясо и много красного перца. Уже давно Василий Васильевич Ни обошел классы и отпустил Ти-Суеви и Натку домой. И давно уж председатель Василий Васильевич Пак смыл с лица своего рыбью чешую и сказал ленивому перевозчику Лимчико:

— Ты бездельник, хотя и был когда-то шкипером. Еще вчера просил я тебя отвести на буксире эти пустые кунгасы в Малый Тазгоу. Они там нужны. Возьми свободный кавасаки номер два и сделай это.

И давно уже ленивый Лимчико ответил:

— Хорошо, я сделаю это.

А день все стоял над океаном, не склоняясь ко сну, и был прозрачен и блестел, как те легкие пузыри пены, которые так ловко умел выдувать Ти-Суеви на конце сухой тростинки. И не верилось, что утром шел дождь. Только западная стена школы, обращенная к сопке, напоминала об этом. В тени, куда не проникали солнце и ветер, она еще была темна.

И Натка, заметив это, спросила у Ти-Суеви:

— Скажи, из чего сделана ваша школа? Крыша на ней не стеклянная, а блестит. Она мне нра-

вится.

Если бы спросить у Василия Васильевича Ни или у Василия Васильевича Пака, из чего сделана новая школа в колхозе Большого Тазгоу, они бы ответили:

— Она построена из местных материалов.

Но Ти-Суеви на этот вопрос ответил Натке не так.

Он повел ее по берегу моря и показал множество больших океанских раковин, сложенных и собранных в кучу на песке. И если бы в это время солнце стояло на юге или была полная луна, то капли перламутра на перевернутых створках раковин засветились бы в глаза Натке, как светилась сейчас улыбка на лице Ти-Суеви.

Он был очень доволен, что хоть школа понравилась Натке.

И Ти-Суеви повел ее дальше, привел в поле, спрятавшееся между двух холмов, и показал яму, откуда брали глину для стен.

Яма была глубокая, но солнце утром все же заглянуло в нее и даже постояло над ней немного. На дне ее среди подсохшей глины валялось много камешков, и черных и белых, удобных для игры, которую любила Натка.

Она сказала:

— Спустимся в яму. Я наберу камешков и научу тебя этой игре. Домой мы успеем. Я слышала, что перевозчик Лимчико собирается под вечер отвести на буксире в Малый Тазгоу пустые кунгасы. Мы сядем в кунгас и будем дома скоро. Это сказал мне сам Лимчико.

Ти-Суеви ответил:

— Это верно. Лимчико сказал мне то же самое.

И спрыгнул в яму.

Натка сидела уже на дне ее и отбирала камни. Она выбрала пять камней: два белых и круглых из кварца, два гладких и черных из шпата, а последний камень выбрать было легче всего. Но когда она взяла его в руки, то увидела рядом другой камешек, не такой красивый и блестящий, как этот. Он был желт, грязен, тяжел для руки. Он совсем не годился для игры, но всем своим грустным видом будто говорил Натке: «Возьми и меня». И, чтобы камешек не обиделся, Натка взяла и его.

Потом она положила все камешки в кучу и показала Ти-Суеви новую игру. Она подбрасывала камешек вверх и ловила их по два, и по три, и даже все шесть сразу, хотя руки у нее были маленькие.

Ти-Суеви попробовал сделать то же самое. Он

был не так искусен в этой игре, как Натка, но и он ловил камешки и в горсть, и между пальцами, и в перевернутую ладонь.

Так играли они долго. А солнце шло своим чередом, не заглядывая больше в яму. Оно еще не садилось в море, но медленно катилось к западу, не спеша пройти последние три пяди, оставшиеся ему до конца. А мимо солнца тянулись вверх облака, и в их тени реяли белохвостые зоркие птицы-орланы. Они подолгу стояли на месте, словно впервые видели этот обширный край, волнистый от гор и черный от хвойных лесов.

— Отведи не буксире эти пустые кунгасы, — сказал Василий Васильевич Лимчику.

Иногда же, будто утомленные высотой своего полета, они парами спускались вниз, на каменистое побережье, садились на белые чашечки телефонных столбов, убегавших к заставе, и дремали в тишине. Но не долго. Стоило только самцу повернуть голову, как самка расправляла крылья, склоняла тело вниз — и над морем раздавался ее крик, похожий на хохот сумасшедшего.

— Кто это? — испуганно спрашивала Натка, на секунду прерывая игру.

— Это птица, — отвечал Ти-Суеви. — Она, наверное, видит кого-нибудь.

— Кого? Может быть, она на нас кричит?

— Нет. Она кричит на зверя, или на птицу, или на рыбу. Мы же люди. На нас ей незачем кричать. Играй дальше. Твоя очередь.

Но Натка не успела подбросить камешки.

Над краем ямы послышался вдруг шум крыльев, похожий на свист кнута, затем слабое сопенье, возня, несколько комьев глины упало вниз, к ногам Ти-Суеви.

Он поднял голову и вскочил.

Вместе с комьями глины на дно ямы, сложив лапы и подогнув голову, с отчаянным визгом скатился маленький медвежонок.

Он медленно поднялся на ноги, фыркнул и, неуклюже перебирая толстыми лапами, попятился назад, к той же стенке, где, прижавшись в страхе, стояли дети. На этот раз Ти-Суеви был так же испуган, как и Натка, хотя и не кричал, как она. Однако, пятясь назад, медвежонок поглядывал не на детей, а вверх, где над ямой кругами поднималась в небо птица.

Крик орлана раздавался уже высоко.

В то же время совсем близко, рядом с ямой, кто-то громко позвал:

— Личик, Личик, куда ж ты пропал?

Ти-Суеви показал Натке множество больших

океанских раковин.

Медвежонок повернул ухо в ту сторону, откуда раздавался зов, и, как щенок, припадая на передние лапы и мотая большой головой, два раза крикнул:

— А-ай, а-ай!

Тогда Ти-Суеви пришел в себя. Он узнал медвежонка.

Ведь это же Личик, — сказал он, обернувшись к Натке.

Но Натки уже не было рядом. Схватив в зубы край своего платья, чтобы легче было ползти, она на четвереньках старалась выбраться из ямы.

— Ведь это же Личик! — крикнул еще раз Ти-Суеви. — Медвежонок Личик, который живет на заставе!

— Теперь я сама вижу, что это Личик, — ответила Натка, усаживаясь на краю ямы.

— Так вот куда люди забрались, — раздался позади Натки все тот же голос, который раньше звал медвежонка.

Натка обернулась. Возле нее, шагах в двух, стоял красноармеец Сизов, держа в руках свою фуражку с зеленым верхом. Винтовка его висела на ремне за спиной, голова была коротко острижена. Он смеялся.

— Здравствуй, красноармеец Сизов, — сказала Натка.

— Здравствуй, Сизов, — повторил за ней из ямы Ти-Суеви.

А Сизов заглянул к нему в яму и сказал:

— Хорошее у вас вышло прикрытие, особенно если тут поставить пулемет.

И он спрыгнул вниз, к Ти-Суеви, и, как взрослому, подал ему руку.

Они были друзьями — этот корейский мальчик, смуглый, с длинными руками, и красноармеец Сизов, стрелок пограничной охраны, сын уральского жителя из лесной деревни Пермяки.

А между ними вертелся медвежонок Личик тоже друг.

И так как с друзьями всюду хорошо, даже в глубокой яме, откуда берут глину, то Натка также сползла вниз, не выпуская из рук своих камешков.

И тут втроем они поговорили.

Натка положила все камешки в кучу и начала новую игру.

Сизов сказал:

— Хожу я по своему участку и смотрю как будто хорошо, а, между прочим, вас не видел. Как в поле вышли — видел, а куда пропали — понять не

могу. Чудесное, думаю, явление эта пересеченная местность.

— А мы тут играли, — сказала Натка, и она тряхнула своей сумкой, куда успела уже положить камешки, собранные ею для игры.

— Так, вижу, камешки, — сказал Сизов. — А все-таки вас бы я ни за что не нашел, если бы не Личик. Я его с собой брать не хотел. Сам отвязался, за мной прибежал и бежит и бежит, все к одному месту. Значит, думаю, друзей почуял или шмелиное гнездо нашел. Он мед любит. И был он все время веселый, пока не обидели.

— Кто же это его обидел, Личика? — спросил Ти-Суеви.

Медвежонок, услышав свое имя, поднялся на задние лапы и, ворча и горько жалуясь на свою обиду, посмотрел вверх. Посмотрели туда и Сизов, и Ти-Суеви, и Натка. И увидели, что облака стали гуще, небо побелело, а под облаками по-прежнему неподвижно стояли орланы.

И все рассмеялись.

А Сизов поднял медвежонка на руки и поставил его на край ямы.

— Отведи его на заставу, — сказал он Ти-Суеви, — а то сам не дойдет. Напугали его птицы.

V. В лесу появилась паутина

Хорошо было Ти-Суеви сидеть с Наткой в яме и играть в камешки, однако неплохо было и пройтись с медвежонком на заставу.

Там жил начальник Бойко, и стрелок Сизов, и другие люди, о которых ни один человек ни в Большом, ни в Малом Тазгоу не скажет ничего дурного.

Хотя дом их окружен забором и вдоль забора ходят часовые, но, как все люди, они сами себе чистят на обед картошку, а шелуху отдают жен-

щинам для свиней. Ти-Суеви же и Натке они дарят иногда по яблоку. Да, по яблоку! Это ведь редкий, невиданный здесь плод!

Но разве дело только в яблоке?

Нет! Они ходят днем и ночью по дорогам, и летают над горами, и спускаются в глубокие пади, где от воды черны деревья и даже черна трава.

И Ти-Суеви никогда не приходится спрашивать у них:

— Хорошо ли вам в нашем краю?

Сизов всегда сам говорит:

— Хорошо тут у вас жить, Ти-Суеви!

И при этом он еще отлично умеет подражать голосам зверей и птиц. Он берет в рот маленький манок и лает, как лисица, или кричит, как скворец.

Он подолгу стоит над травой и камнями. Он срывает с деревьев листья и прикладывает их к лицу, быть может, для того, чтобы приласкаться к ним.

И за эту привязанность к лесу Ти-Суеви ставит его высоко над людьми. Он ставит его даже выше, чем Натку, которая, по совести говоря, причиняет Ти-Суеви немало огорчений.

Вот и сейчас она не пошла с ним на заставу, а стоит под горой, на тропинке, и машет руками и

кричит ему:

— Скорей, Ти-Суеви, Лимчико собирается отплывать!

И Ти-Суеви у поворота остановился. Он спустил Личика на землю, повернул его голову к заставе и спросил:

— Дойдешь ли ты сам, Личик? Тут совсем близко. А меня зовет Натка. И если она зовет, надо идти, потому что я никогда с ней не ссорюсь.

Но Личик не хотел идти сам, он лег на дорогу и смотрел в другую сторону. Он смотрел в лес, где ели стояли тихо и где ничего не было видно.

А с другой стороны, за поворотом, по шоссе, приближалась лошадь. Она звонко и мерно ступала по щебню — точно капля за каплей падала на камень вода, — а скрипа колес не было слышно.

И Ти-Суеви подождал — не покажется ли всадник. Это мог быть только начальник заставы. Он один ездил по этой дороге верхом.

И верно. Доехав до поворота, начальник сказал (Ти-Суеви хорошо слышал его голос):

— Василий Васильевич, ты старый партизан душу из себя самого надо вынуть, а его найти. Он где-то здесь перешел, в твоем районе.

Это был начальник заставы.

И Ти-Суеви увидел Василия Васильевича Пака.

Он держался за стремя, а лицо его, темное, как кожура кедрового ореха, было поднято вверх.

— Хорошо говоришь, — ответил он начальнику. — Душу из себя вынем, а его найдем.

И Василий Васильевич Пак сошел с дороги и зашагал по тропинке к морю. И шаг его был проворен, точно старость вовсе не мешала ему.

А начальник тихо повернул лошадь назад. И она вдруг заржала так, что мороз пробежал по спине Ти-Суеви.

Неспокойно, должно быть, стало на заставе.

Ти-Суеви посмотрел вниз, на тропинку, где у ног его еще секунду назад лежал медвежонок Личик:

— Куда же он девался, глупый?

Ти-Суеви заглянул под кусты волчьего лыка, раздвинул траву; в ней было много донника и росли еще другие, на длинных стеблях желтые цветы.

Но Личика не было.

Тогда Ти-Суеви подумал:

«Что скажет Сизов, если пропадет Личик? Он так любит его. Нет, пусть Натка на этот раз поедет на кунгасе одна».

И Ти-Суеви направился в ту сторону, где ели стояли тихо и ничего не было видно. Там послышался ему треск сухих ветвей.

И Ти-Суеви бежал по лесу, огибая старые деревья.

Он кричал:

— Личик, Личик!

Потом он пошел тише. Он увидел, наконец, след. Медвежонок забирался в чащу. Но теперь уж все равно он не уйдет от него.

И Ти-Суеви зашагал еще медленней меж молодых и старых елей, стирая с лица паутину.

Он тихонько оглядывался. Он любил глухой лес, В ветер, когда по вершинам его шагала буря, он напоминал Ти-Суеви море — так же качался он и шумел, И в тихую погоду любил его Ти-Суеви. Тогда сосны скрипели, как барки, и всегда по стволам кедров, точно зверек, снизу вверх и сверху вниз пробегал легкий треск. Лес никогда не был спокоен и тих. Он жил. И если Ти-Суеви хотел, то мог слышать даже его дыхание.

Но теперь странная тишина царила в лесу. Как стена, стояла она вокруг. Не было слышно ни шума крыльев, ни голосов птиц. И перед этой стеной остановился даже Личик, пораженный глубоким безмолвием. Он даже не пытался бежать.

Весь в паутине, он стоял, подогнув задние ноги и прижавшись к кусту ежевики.

Ти-Суеви тихо зачмокал губами. Медвежонок

подошел к нему и лег, положив лапу на соломенные туфли Ти-Суеви.

— А-ай-я-ай! — крикнул два раза медвежонок.

Ти-Суеви поднял его на руки и стер с его глаз паутину.

Паутина была и на одежде и на лице Ти-Суеви.

Как много ее в лесу! Она спускалась с вершин до земли, где под мхом сосны грели свои старые корни. Она висела меж ветвей, прогибаясь, и голые ели были закутаны ею. И даже вечернее солнце, бродя по самым верхушкам, было все в паутине. Оно кротко горело в ее тонких сетях и, скользя вниз по нитям, освещало на концах их волосатых гусениц. Груды объеденной хвои лежали у подножья сосен. И в тишине хвоя падала сверху на паутину.

«Так много ее никогда у нас не было», — подумал со страхом Ти-Суеви.

Он медленно отступал перед этим мертвым лесом. Крепко держа медвежонка, он прошел, согнувшись под низкими ветвями лиственниц и не слыша ничего, кроме шума своих собственных шагов.

И Ти-Суеви был рад, когда вышел наконец к дороге, на опушку. Тут он увидел ольху и ясень и услышал живой шепот их листьев.

Ти-Суеви посмотрел на солнце. Оно прошло еще две пяди, и до края горизонта оставалась ему только одна. Это не так уж много, чтобы успеть вернуться на заставу и засветло прийти домой в Малый Тазгоу.

Ти-Суеви вытянул правую руку, прищурил левый глаз и собственной маленькой пядью, как учил его в море отец, измерил путь, оставшийся солнцу до заката. Да, только пядь с небольшим! А каждая пядь — это час.

Ти-Суеви пустился бежать, прижимая к себе медвежонка.

Кто-то окликнул его.

Сизов возвращался с обхода. Он шел мерным, но уже отяжелевшим шагом. Слишком много ходил он сегодня, слушал, глядел. А травы цепки на каменных тропинках, овраги глубоки.

Лицо его было в пыли.

Ти-Суеви подождал Сизова на краю дороги и приветствовал его по-военному, и медвежонка Личика заставил сделать то же — притянул его лапу к уху. Пусть красноармеец Сизов посмеется и покажет, как кричат дрозды.

Но Сизов на этот раз не посмеялся, не показал, как лает лисица и как кричит дрозд.

Он даже хорошенько не взглянул в лицо Ти-

Суеви, а смотрел на его штаны, перетянутые ленточкой, на рубашку, где клочьями висела паутина. Потом протянул руку и снял со спины медвежонка такой же клок паутины и в ней черную гусеничку.

Паутину он сдунул, а гусеницу положил на ладонь.

Мерцая волосатыми кольцами, она поползла по ладони вверх. Он посадил ее на палец, она снова поползла, поднимая блестящую головку.

Это была подвижная тварь.

— Нехорошо, — сказал Сизов.

Он завернул гусеницу в бумажку, спрятал в шапку и посмотрел на деревья вокруг, послушал.

Ти-Суеви тоже послушал.

Лес потихоньку звенел, жаловался, тряслись на осинах листья. Но паутины здесь не было. Лишь кое-где сверкала она вдруг, как нож.

— Там ее много, — сказал Ти-Суеви.

— Где? — спросил Сизов.

— Там.

Ти-Суеви показал в ту сторону, откуда недавно пришел, в самую глубину, где над лесом царили ели.

Сизов переложил винтовку с уставшего плеча на другое и пошел им навстречу.

А Ти-Суеви остался его ждать. Он слушал, как шумно ступает Сизов по валежнику, потом сел и поставил медвежонка меж ног.

Но ждать пришлось недолго. Вскоре вернулся Сизов. Он уже не трещал валежником, он шел осторожно, словно отходил от постели больного.

— Пойдем скорей, — сказал он.

И Ти-Суеви снова побежал. А Сизов пошел широким шагом, быстро.

— Плохо нашему лесу, — сказал он вдруг.

— Очень плохо разве? — спросил Ти-Суеви.

И тревога его была так велика, что ему захотелось плакать. Но он был мальчик и бежал, а на бегу трудно плакать. Потом еще мешал медвежонок, и рядом шел красноармеец Сизов.

Взгляд Сизова был беспокоен, веки пыльны, и в руке его дымилась цигарка. Когда же он успел закурить?

Ти-Суеви ждал, не скажет ли еще чего-нибудь красноармеец Сизов, потому что хотя он и молод, но все же старше Ти-Суеви и не годится младшему ни спрашивать первому, ни говорить.

Но Сизов долго шагал молча.

— Страшный враг эта гусеница, — сказал он наконец. — Сам знаю! Я из уральской деревни, вместе с лесом рос и знаю — страшная тварь!

На двести верст вокруг обгложет ели, догола разденет лес. И упадет он. Спасать надо, если не поздно.

Сизов погасил в руке цигарку. Уже близко были ворота заставы.

Ти-Суеви спустил медвежонка на землю и тот вбежал в ворота, мимо часового, который посмеялся ему вслед.

А из ворот вышел начальник заставы, его лошадь шла за ним. Он был в форме лейтенанта — с серебряной дорожкой на петлицах, в черных сапогах. О таких высоких и красивых сапогах никогда даже не мечтал Ти-Суеви.

Сизов подошел к лейтенанту и поставил ружье к ноге.

Лейтенант спросил его:

— Давно сменился?

— Давно, два часа назад, товарищ лейтенант.

— По какой дороге возвращался?

— Шел через Фазанью падь, поднимался на Черную сопку.

— Никого не встретил?

— На участке никого не встретил, товарищ лейтенант. Но в лесу появилась паутина.

Сизов снял шапку и показал забившуюся в угол бумажки гусеницу.

Начальник внимательно разглядывал ее, точно каплю воды, держа на согнутой ладони.

И лошадь его тоже смотрела на гусеницу.

— Я знаю эту дрянь по нашим лесам, по пермским. Хуже, чем совка для ржи, товарищ лейтенант, — сказал Сизов.

— Я тоже знаю. Да, опасная дрянь! Еще третьего дня я заметил ее на еловой просеке и сообщил уже в город. Примем меры. А сейчас пойдем со мной, Сизов, — сказал лейтенант.

Он ушел вперед, немного согнувшись.

И лошадь его пошла за ним. Стремена ее цеплялись за ветки, и бока ее были мокры от пота.

А Ти-Суеви остался один у ворот заставы. Никто — ни Сизов, ни начальник — не предложил ему сегодня яблока. Никто не попросил поиграть с Личиком, которого дневальный уже привязал к кольцу.

Но Ти-Суеви все стоял, размышляя об этих людях с удивлением. Кто же больше их любит этот лес, если даже о паутине думают они и говорят друг другу!

И больше чем когда-либо Ти-Суеви хотелось сегодня войти во двор заставы, где посредине стояла деревянная вышка. Давно когда-то лесники наблюдали с нее пожары. Она разрушилась,

доски на ней покрылись оранжевым мхом, но и теперь, поднявшись на верхушку, можно видеть далеко кругом. Можно видеть, как на мысах закипают под ветром леса, можно видеть море.

И иногда Ти-Суеви это видел. Но не всегда взбирался он на вышку, а шел в дом к красноармейцам, в уголок, который они называли «Ленинским». Там был мягкий диван — тоже старый. Но Ти-Суеви он казался странной вещью — маленьким чудовищем, набившим свое брюхо морской травой и железом. И Ти-Суеви подолгу глядел на него, не решаясь присесть. Ведь он никогда в жизни не сидел на мягком!

Он сидит на глиняных нарах, а спит на циновке и кладет под голову подушку, набитую жесткой мякиной.

Но вот и ворота заставы закрылись, не видно стало двора и вышки, не на что больше смотреть.

И Ти-Суеви начал спускаться к морю.

Да, долог был этот весенний день! Долог! Но и он кончался.

Удлинялись тени. В океане к закату поднималась зыбь, и светлый вечер опускался на беспокойную воду.

Ти-Суеви посмотрел на небо, ставшее зеленым,

В нем еще не было ни одной звезды. Но и орланы уже не стояли там.

Где же Натка? Наверное, Лимчико на пустом кунгасе отвез ее в Малый Тазгоу, домой.

И Ти-Суеви вспомнил, что за весь этот долгий день, богатый для него событиями, он не нашел для Натки ничего — ни лесных орехов, ни устриц, ни морских ежей, а несет только кусок паутины с гусеницей, которую, так же как красноармеец Сизов, Ти-Суеви спрятал в свою шапку.

VI. Старик, который мало спит

Прошло два дня с тех пор, как в колонию прокаженных поступил больной и безумный мальчик.

За это время Ти-Суеви видел его только два раза: в первый раз утром, когда он встретил мальчика в лесу, по дороге, близ моста, и затем на другой день, под вечер, когда старуха Лихибон принесла внуку сою, мясо и рис.

В колонии был тогда час ужина.

Сестра несколько раз ударила в барабан, висев-

ший на суку старого кедра. Это был маленький манчжурский барабан из воловьей шкуры, потрескавшейся от времени, — может быть, тот самый, с которым когда-то ходил по базарам старик, предупреждая о своей проказе.

Глухой звук медленно прошелся по двору и огородам и спустился на дно оврага, где без устали пел среди кустов ручей.

На тропинке вдоль забора показались прокаженные с тяпками на плечах.

Ти-Суеви, стоявший у края моста, посторонился немного, чтобы уступить им дорогу.

Прокаженные не пели, как вчера, но все же были веселы, возвращаясь с работы. И навстречу им несся глухой стук барабана, и звон медной китайской посуды, и запах свежего хлеба.

Они прислонили тяпки к забору и сели за длинный стол под молодыми березами, ожидая, когда повар принесет им ужин. А некоторые, отойдя в сторону от берез, развели на железных жаровнях огонь. Они сами готовили себе пищу. И сестра, проходя мимо, ничего не сказала им, потому что тут, в «доме ленивой смерти», никого не лишали радости, даже самой малой, — пусть это будет только ужин, который приятно сварить самому.

Старуха Лихибон остановилась на мосту рядом

с Ти-Суеви. Грязное лицо ее в глубоких морщинах было облеплено комарами, и осы кружились над корзиной, которую она держала в руках. Там было мясо, соя и рис, сваренный на меду и сале. А сверху на листе папоротника лежала жареная птица.

«Это, наверное, тот самый петух, который вчера кричал над океаном», — подумал Ти-Суеви и учтиво спросил у старухи:

— Как поживает внук, Лихибон?

Старуха отогнала от корзины ос и сказала сердито:

— Что ты все ходишь тут по дороге, мальчик, что ты все смотришь, чтоб тебя ветер разнес на все четыре стороны!

— Вот проклятая! — сказал прокаженный старик, всегда сидевший у ворот на камне. — Она никому не желает добра!

Лихибон взглянула на старика мутными глазами и, далеко обойдя его, подошла к высокому кедру. Тут она поставила корзину на землю и посмотрела из-под ладони вверх.

— Ты слышишь, внук, это я пришла, Лихибон! — крикнула она по-корейски.

Ти-Суеви с изумлением поднял глаза к вершине старого дерева.

— Неужели он все еще сидит там со вчерашнего дня?

Но никто не откликнулся на голос старухи, и старый кедр по-прежнему стоял тихо.

— Его там нет. Кого же зовет она? — спросил старика Ти-Суеви.

— Нет, он там, все там сидит, безумный, — ответил старик, пожимая плечами. — А все же ему придется слезть. И ястреб спускается на землю, когда видит под стогом курицу.

И верно, Ти-Суеви заметил вдруг мальчика. Он спускался с ветки на ветку так ловко и бесшумно, как не мог бы этого сделать даже маленький зверь колонок.

Старуха молча ждала.

Мальчик спрыгнул на землю и, присев на корточки у корзины, начал есть, пальцами засовывая в рот целые горсти рису. Он был, должно быть, голоден, так как не сказал старухе ни слова. И только комары, как бубен, звенели над ним. Старуха отгоняла их веткой.

Он съел рис, и мясо, и птицу, ни разу не подняв головы.

Но когда сестра, оставив прочих больных, показалась вблизи на дорожке, он опрокинул корзину ногой и, обежав два раза вокруг кедра, одним

прыжком очутился на нижней ветке.

Сестра подбежала к Лихибон.

— Глупая женщина! — крикнула она на старуху. — Я говорила тебе — не кормить его без меня. Теперь мы его опять не поймаем, и доктор будет меня ругать.

Лихибон поклонилась ей до земли.

— Не сердись на меня, — сказала она сестре, — я не понимаю, что ты говоришь.

— Я говорю, что доктор не может его посмотреть. А если не посмотрит, он не будет лечить твоего внука.

— Так посмотри еще раз меня, — сказала Лихибон.

— Мы тебя уж смотрели. Не ты больна, а он.

— Он болен! Он! — повторила старуха, тряся головой и плача.

А сестра отошла от нее, недовольно поглядывая на высокий кедр, где, притаившись в широких ветвях, сидел прокаженный мальчик. Его не было видно с земли, и сестра потихоньку ворчала, уходя по дорожке назад.

— Он доставляет ей много хлопот, раз она так сердится, — сказал старику Ти-Суеви.

— Много, — ответил старик и поманил Ти-Суеви к себе.

Тот подошел ближе.

— Вот, — сказал старик, — ты здоров, а не боишься проказы: я каждый день вижу тебя тут, на дороге, у наших ворот. Посмотри мне в глаза, не бойся.

Ти-Суеви без страха взглянул ему в лицо, хотя оно было ужасно: бугры покрывали его, и кровавые веки, лишенные ресниц, были широко открыты.

Старик прикоснулся к ним пальцем.

— Я никогда не могу их закрыть, — сказал он, — ни днем, ни ночью, ни перед самой зарей, когда спит даже этот камень, на котором я все время сижу. И хотя глаза мои всегда открыты, я не вижу, когда же спит этот прокаженный мальчик. Он не спускается на ночь с кедра и не приходит в дом, где сестра для него поставила хорошую кровать. Он не ест нашего хлеба и мяса, не пьет воды из нашего колодца, а, как зверь, бегает к ручью, откуда нам пить не велят. И куда он уходит на рассвете? Я сегодня утром на росе видел его следы.

— Ты в самом деле много видишь, старик.

И старик и Ти-Суеви мгновенно обернулись на этот голос, раздавшийся вдруг позади.

У забора, тесно прижавшись к нему, стоял прокаженный мальчик.

Никто не заметил, когда он снова спустился с кедра на землю. Больные уже разошлись по палатам, и нигде во дворе не было видно сестры.

Мальчик стоял неподвижно. Руки его были закрыты длинными рукавами хурьмы, и широкая, сгустившаяся к вечеру тень от забора скрывала его лицо.

Только на мгновение вышел он из этой тени, и Ти-Суеви увидел на лбу его лиловое, похожее на облако пятно.

Мальчик секунду-две, не шевелясь, глядел на старика. И тот поспешно поднялся с камня, а Ти-Суеви отскочил в сторону, — так страшен был этот искаженный злостью взгляд.

— Мне противно смотреть в твои глаза, — сказал старик, — но если ты уж спустился с дерева, то я хотел бы разглядеть тебя поближе.

Старик протянул к нему руку, и хотя пальцы его распухли от болезни, однако он очень ловко и крепко схватил мальчика за полу его хурьмы.

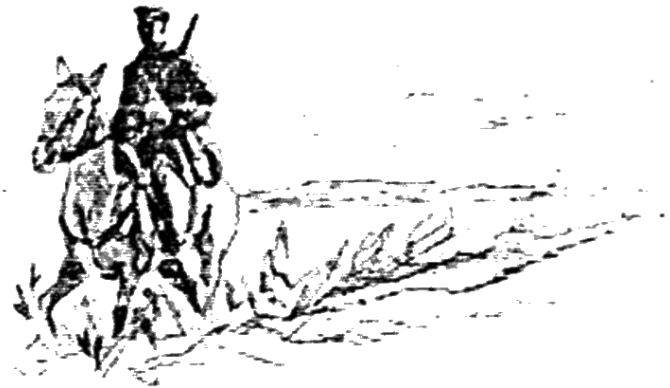
Но мальчик вдруг выхватил нож из-за пазухи и одним ударом отсек край своей рваной одежды, за который держался старик. Потом пригнулся к земле, скользнул вдоль забора и, словно провалившись в глубокую яму, исчез в овраге среди кустов.

— Ого! — сказал старик, разглядывая кусок синей добы, оставшийся в его руках. — У этого мальчика острый нож. Он бы мне очень пригодился, чтобы вырезать себе из ясеня новую трубку.

И старик, покачав головой, снова присел на камень.

А Ти-Суеви ушел, также с удивлением размышляя о том, зачем мальчику, больному проказой и безумному, старая Лихибон дает такой острый нож.

VII. Ти-Суеви и Натка следят за врагом

Натка никогда не боялась моря: ни утром, когда тонкий пар и блеск были рассеяны над ним, как песок, ни ночью, когда голубой дым от луны стлался над зыбью, ни даже в бурю, когда тяжелые волны стучали в днища шаланд.

Она боялась леса.

Поэтому Ти-Суеви никогда не предлагал ей возвращаться домой через тайгу.

Но дня через два, когда в Тазгоу опять поймали так много рыбы, что до самого вечера отцепляли

ее рыбаки, Ти-Суеви сказал Натке:

— Сегодня Лимчико не повезет тебя в Малый Тазгоу. Все кунгасы заняты рыбой. Пойдем через Фазанью падь, по верхней дороге. Она короче.

— Но ведь скоро солнце зайдет, как же мы пойдем через лес? — спросила Натка.

— Это ничего, — ответил Ти-Суеви. — Если солнце зайдет, то встанут звезды, а дорога выложена белым камнем, она новая и будет хорошо видна.

— А вдруг не будет звезд? — сказала Натка. — Нет, не пойду.

Теперь Ти-Суеви ничего не стоило бы упрекнуть Натку в трусости. Но он этого не сделал. Кто знает? Может быть, Натка вовсе и не боится леса, а просто не хочет больше ходить с Ти-Суеви в школу и возвращаться с ним, потому что нигде в Тазгоу не растут арбузы.

И Ти-Суеви только заметил:

— В тайге у нас хорошо. Ты поешь громко, и каждое дерево поет, и каждый зверь сходит с твоей дороги, даже медведи. Но их теперь совсем нет, потому что за Кривой сопкой строят завод, а на Перевале недавно взорвали гору. Медведи ушли, только фазаны и мыши остались. Но все равно, — добавил Ти-Суеви, — ты идешь и громко кричишь, чтобы тайга тебя слушала.

— Вот как! — сказала Натка.

Это понравилось ей, потому что кричать она всегда любила.

— Что же, пойдем, — сказала она.

Они оставили позади себя море и вошли в лес.

Ветер на закате плыл высоко, на уровне самых старых лиственниц, — только они одни качались. И в сумерках леса дорога казалась на самом деле белой.

Коридорами тянулись голубые пихты. Словно мачты, возвышались ели, и, как снасти, с их ветвей свисал длинный мох. Натка шла с Ти-Суеви рядом, не отставая от него ни на шаг.

Бесшумно проехал на зеленом велосипеде красноармеец.

Натка обернулась ему вслед. Он летел прямо, как пущенный камень, и вскоре исчез под горой, за глухим поворотом шоссе.

И снова стало пусто. Лесная тишина вышла на дорогу и, только справа раздавался еле уловимый шорох, — может быть, это бурундук обходил муравейник или просто выпрямлялись и потягивались ветки, собираясь поудобнее заснуть.

А может быть, кто-то шел тут рядом? Ти-Суеви незаметно слушал, ободряя Натку взглядом своих узких и спокойных глаз.

— А кричать еще не надо? — спросила Натка.

— Нет, — ответил Ти-Суеви, — ведь еще не наступила ночь.

— Но если кричать не надо, то, может быть, можно громко говорить?..

— Говори, — сказал Ти-Суеви.

И Натка громко спросила:

— Куда поехал этот красноармеец на велосипеде? Ты не знаешь?

— Не знаю. На заставу, верно. Я слышал, что они ищут кого-то.

— Кого же они ищут?

— Тоже не знаю. Друзей они искать так не будут. И я, и ты, и Василий Васильевич Пак приходим к ним на заставу сами. Может быть, они ищут врагов, которые прячутся от них.

— Врагов? — повторила Натка. — Разве они тут есть?

— Наверное. Ведь тут близко граница.

— Честное слово, — сказала Натка, — если бы я поймала хоть одного из них, я убила бы его на месте.

— Я тоже, — твердо сказал Ти-Суеви.

В это время шорох стал громче, явственней, и совсем близко, за обочиной шоссе, дети услышали легкий шум шагов.

В самом деле, кто-то тут был с ними все время.

Ти-Суеви перешел на другую сторону дороги, и Натка побежала за ним. Здесь они подождали немного. У Натки тяжело стучало сердце. Ти-Суеви, вытянув шею, вглядывался в сумрак, стлавшийся над травой, как туман. Кусты раздались, уронив вечернюю росу, и показалось лицо человека.

Ти-Суеви громко плюнул. Он узнал старуху Лихибон. Это ее, точно завесой, скрывали от дороги кусты бересклета и орешника.

Лихибон собирала траву для свиней. Она всегда что-нибудь собирала, эта старуха с мутными глазами. За спиной у нее был берестяной ящик, какой обычно носят корейцы, когда отправляются в сопки за брусникой.

Заметив, что дети смотрят на нее, старуха раздвинула кусты еще шире и сорвала пучок молодой крапивы.

«Но кто же собирает крапиву в ящик? Ее собирают в мешок», — подумал с подозрением Ти-Суеви.

Но и ящик этот показался ему пустым.

Лихибон свернула на тропинку к морю, ничуть не согнувшись под своей ношей.

— Противная старуха, — сказала Натка. — Я

ехала с ней на кунгасе.

— Разве она тоже ехала в Малый Тазгоу? — спросил Ти-Суеви.

— Да! Противная старуха, — повторила Натка. Что ей нужно у нас, в Малом Тазгоу? Она везла с собой рис и сою с мясом. А мне так хотелось есть! Но я не просила. Я вынула камешки, которые мы нашли с тобой в яме, и стала играть. Я играла хорошо, пока один камешек не упал к ногам Лихибон. Она хотела поднять его, но я успела раньше поднять и спрятала камень в карман. Тогда она подошла ко мне, взяла за плечо и спросила: «Ты где нашла эти камни?» Я не ответила ей. Руки у нее тряслись, и она все спрашивала. А до того молчала.

— Да, — сказал в раздумье Ти-Суеви, — эта старуха говорит так мало, как только может, потому что внук ее болен проказой.

— Как проказой! — вскрикнула Натка. — Ведь старуха меня схватила за плечо!

Натка даже остановилась посреди дороги, топоча от ужаса ногами. Ти-Суеви в страхе глядел на нее.

— Но ведь не она, а внук ее болен проказой, — сказал Ти-Суеви, утешая ее.

— Все равно! Она меня схватила за плечо! —

кричала Натка, заливаясь слезами. — Зачем ты мне раньше не сказал? Теперь я скоро умру.

И Ти-Суеви не знал, что с ней делать.

— Где, в каком месте взяла она тебя за плечо? — спросил Ти-Суеви.

Натка показала.

Ти-Суеви положил руку на ее плечо и сказал:

— Вот, я снял с тебя болезнь. Так говорят наши старики. Теперь не бойся: если ты заболеешь, то я тоже. Мы будем вместе болеть. Так всегда лучше.

— Да, так лучше, — сказала Натка. Она перестала плакать. — Теперь я не боюсь.

Она поглядела вокруг.

Тихо подходила лесная ночь. На макушках высоких лиственниц оставалось совсем немного света. А тьма внизу сгущалась, как смола.

Луны не было. Только звезды вырастали в глубине над лесом.

Вдруг на востоке, с той стороны, где в полном мраке стояли сосны и ели, загорелся новый свет. Желтый, он колебался на темных стволах, высоко, на том месте, где у сосен начинаются ветви.

В глубине леса кто-то зажег костер.

— Посмотри, — сказала Натка. — Что это?

Но Ти-Суеви и сам давно уж смотрел на этот колеблющийся отсвет пламени, такой страшный

в ночной темноте.

Кто мог зажечь этот костер в лесу?

Ти-Суеви прилег на дороге, стараясь снизу, сквозь кусты, увидеть что-нибудь.

— Тише! — обернулся он к Натке.

В глубине леса кто-то зажег костер.

Но она и без того стояла тихо, не шевелясь.

— Человек в лесу. — Ти-Суеви осторожно поднялся с земли.

— Что же он там делает ночью?

— Не знаю. Может быть, это тот самый, кого ищут на заставе, — шепотом сказал Ти-Суеви.

— Шпион? — тоже шепотом спросила Натка.

Она совсем забыла о проказе. Глаза ее, в которых только что был страх, теперь уже без страха, сурово смотрели в темноту, и лицо при звездном свете казалось бледным.

— Пойдем посмотрим, — предложил Ти-Суеви. Однако он не был уверен в том, что Натка согласится, и потому добавил: — Но если ты боишься, не пойдем.

Натка помолчала в раздумье.

— Если это враг, — сказала она, — то я не боюсь его. Но ведь в лесу совсем темно.

— Ничего, я знаю это место. Тут я нашел паутину, — сказал Ти-Суеви. — Я хорошо вижу в

темноте, а если не вижу, то все равно знаю, где стоит куст, а где дерево. Дерево пахнет корой.

Тогда Натка протянула Ти-Суеви руку. Он взял ее и шагнул в кусты.

Он действительно знал это место.

Он шел бесшумно, обходя деревья и не наступая на сучья. Только несколько листьев нежно коснулись его щеки. Ах, если бы башмаки у Натки не были так тяжелы!

— Поднимай выше ноги, — еле слышно сказал ей Ти-Суеви.

Клочья желтого света уже висели близко на кустах можжевельника и ежевики.

Ти-Суеви пополз по траве. С легким вздохом Натка тоже легла. Земля была холодна и пахла влажным мхом.

Виден стал и самый костер.

Он горел на поляне. И огонь его отражался в росе, висевшей на колючках облепихи.

У костра стоял человек. Он был высок, в городской одежде и в шляпе. На шее у него висел мешок, а в руке он держал белую щепку.

Он вел себя загадочно: становился на колени, долго шарил по валежнику, прежде чем подбросить его в костер.

Он выбирал только смолистые сучья, не да-

вавшие дыма, и огонь горел бездымно, высоко и ровно.

А в освещенном воздухе летали над поляной бабочки. Одни из них садились на стволы, другие падали. И все они были белые.

Человек следил за ними.

Он подходил к елям, поднимал голову, отыскивал что-то на коре и щепкой сбрасывал в мешок, висевший у него на шее.

— Однако еще рановато для монашенок, мало их попадается, — сказал он вдруг громко.

И все это было так страшно — и ночь, стоявшая на краю освещенной поляны, и одинокий голос человека, и зловещий огонь, — что Натка, державшая Ти-Суеви за руку, отпустила ее и поползла назад.

Пополз за ней и Ти-Суеви.

Когда за толстыми стволами скрылся свет от костра, дети поднялись на ноги. Натыкаясь на сучья, они с шумом прошли сквозь кусты и долго при звездах бежали по дороге.

Она привела их к морю.

Они узнали ее по блестевшей полосе прилива. И оба, тяжело дыша, остановились. Море успокоило их.

Оно было близко. Но ропот его, тихо взбираясь

вверх по камням, едва достигал слуха. И лес стоял молча, все глубже погружаясь в сон. Только в бухте, за мысом, бессонно во тьме, как часы, тикал консервный завод.

В Малом Тазгоу еще не спали.

Дети вошли в деревню.

И теперь, когда все было позади, — и железный мрак в лесу, и странный человек, и проказа, которую так легко снял с плеча Натки Ти-Суеви, — ей вовсе не было страшно.

Она пришла домой, попросила есть и спала всю ночь спокойно.

Ти-Суеви же долго не мог заснуть на своей тростниковой циновке. Он все думал о том, что, пожалуй, нужно было бежать не в Малый Тазгоу, домой, а на заставу, к красноармейцу Сизову.

И всю ночь снился Ти-Суеви стоявший в ногах его на нарах китайский сундук, украшенный резьбой и медью. Он раскрывался, как шкаф, и из него вылетали бабочки.

VIII. Бабочка-монашенка

Если Ти-Суеви успевал хорошенько обдумать свои слова, то всегда бывал правдивым. Поэтому назавтра утром в школе он сказал Натке:

— Нехорошо мы сделали, что вчера побежали прямо домой, а не на заставу. Надо было привести красноармейца Сизова туда, в лес. Где мы теперь найдем того человека? Он уже, наверное, скрылся.

— Да, нехорошо, — согласилась Натка. — Но

ведь до дому бежать было ближе. Где бы мы тогда ночевали?

И это тоже была правда, которую Ти-Суеви еще не успел обдумать, так как в класс вошел Василий Васильевич Ни, а с ним тот самый человек, о котором они только что говорили.

Он снял шляпу и повесил ее на край классной доски. На шее у него не было мешка, и в руке он не держал щепки.

Ти-Суеви и Натка с изумлением смотрели на него.

Он показался Ти-Суеви старым, так как волосы у него серебрились и блестели, как сталь. А лицо было добрым и белым, в желтых точечках, какие Ти-Суеви видел только у Натки да еще на створках маленьких раковин.

Дети шептались.

— Тише! — сказал Василий Васильевич Ни. — Это гость, приехавший к нам из города. Он лесовод, и его зовут Андрей Тихонович Силин. Послушайте, что он вам расскажет.

Лесовод веселыми и зоркими глазами обвел весь класс, подумал немного и вынул из большого, оттопыренного кармана своего пиджака платок. Вместе с платком оттуда посыпалась вдруг целая куча желтых остьев хвои и мох.

Дети рассмеялись. И сам лесовод усмехнулся.

— Так, так, — сказал он. — Вот мы и познакомились с вами. Отлично. А теперь приступим. Знаете ли вы лес, который растет на Кедровой сопке?

— Знаем, — ответили дружно дети.

— Так вот, на этот лес напал страшный враг — бабочка, которую зовут монашенка.

— Монашенка! — громко сказала Натка. — Вот это интересно! Расскажите нам о монашенке. А я думала — вы вчера про настоящих монахов говорили.

Лесовод внимательно посмотрел на Натку, и глаза его стали еще веселей.

— Это тебя зовут Наткой?

— Меня.

— А кто из вас мальчик Ти-Суеви? — спросил вдруг лесовод.

— Я.

Ти-Суеви живо поднялся со скамьи.

— Это ты с Наткой был вчера ночью в лесу?

— Да, — ответил Ти-Суеви, стараясь скрыть свое удивление, которое было бы недостойно сына шкипера Суеви.

Но Натка звонко крикнула:

— Откуда вы знаете?

— Мне сказал об этом начальник заставы.

Лесовод опять засмеялся. И Ти-Суеви увидел, что он вовсе не стар и что рот у него полон зубов.

— Так вот, дети, — продолжал лесовод уже задумчиво, — на наш лес напала бабочка-монашенка. Я расскажу о ней вам завтра после обеда, в три часа, на заставе. Запомните это время, вы ведь завтра не учитесь. Я прочту для всех лекцию и скажу вам, чем вы можете мне помочь. А сейчас только покажу эту монашенку, чтобы сразу приняться за дело.

И лесовод вынул все из того же просторного, как мешок, кармана коробку. Она была не больше тех, в которых продаются папиросы.

Он осторожно раскрыл ее и показал Ти-Суеви, и Натке, и всем детям.

На дне ее на дубовом листке неподвижно сидела бабочка. У нее было толстое тело и четыре белых крыла. Она пошевелила усиками. На крыльях ее Ти-Суеви увидел черные волнистые полоски и по три черных пятна, на спине же их было шесть.

Бабочка вдруг покачнулась на бок, и Ти-Суеви захлопнул коробку.

— Не бойся, — сказал лесовод, снова открывая коробку, — она не улетит. Она летает только

ночью, днем же спит. Потом, я связал ей подкрылья.

И дети увидели, что задние крылья ее действительно стянуты шелковинкой.

— Чтобы узнать, сильно ли заражен ваш лес, — продолжал лесовод, — я развел ночью на поляне костер. Но поймал на огне мало бабочек. Для них еще рано. Они выводятся позже. А вот эта бабочка интересна тем, что она уродец. У нее на спине вместо двух черных пятен — шесть. Во всем остальном — окраской и телом — она похожа на других монашенок. Это они на тысячу километров объедают хвою елей и пихт и даже листья дубов. Ясеня они не едят. И гусениц бывает так много, что под тяжестью, их, как в бурю, падают толстые ветки со старых сосен и молодые деревья гнутся до земли. Лес погибает. Этих гусениц мы будем с вами уничтожать.

— Вот этих? — спросил Ти-Суеви и, вытащив из-за пазухи спичечную коробку, показал завернутую в паутину гусеницу.

Она была уже мертва.

— Да, — ответил лесовод. — Дай-ка ее мне сюда. Ты, наверное, ее нашел вместе с Сизовым в лесу и спрятал в свою шапку. Так?

— Так!

И, видя изумление, светившееся в глазах Ти-Суеви, лесовод добавил:

— Это тоже рассказал мне начальник заставы.

— Он знает все, — тихо сказал Ти-Суеви и чуть прикрыл глаза.

Он решил больше ничему не удивляться.

— Все! — подтвердил лесовод.

Он секунду-две с улыбкой разглядывал Ти-Суеви.

— Я много слыхал о тебе на заставе. Из тебя выйдет хороший шкипер, который, как бы далеко ни уплыл, всегда возвращается на свой берег. Не хочешь ли ты мне помочь в лесу? Мы выберем тебя для этого старшим. Завтра, когда я скажу тебе, ты приведешь ребят в лес. Вы согласны выбрать Ти-Суеви старшим? — обратился лесовод ко всем детям.

— Согласны! — громче всех крикнула Натка.

— А ты сам, Ти-Суеви, хочешь быть моим помощником?

— Хочу, — сказал Ти-Суеви, и лицо его приняло выражение спокойствия и важности, какое подобает настоящему старшине. Но, вспомнив о Натке, он с беспокойством спросил: — А Натка тоже может быть помощником?

— И Натка тоже.

Лесовод рассмеялся и вышел, унеся с собой свою бабочку.

А Василий Васильевич взял в руки мел, и начался урок.

Но как ни любили Василия Васильевича дети, как ни старался он громко читать стихи, как искусно ни рисовал на доске знаки солнца, человека и дерева, урок его сегодня пропадал даром. Дети шумели, точно кустарник, потревоженный вдруг теплым ветром.

Не слушал на этот раз и Ти-Суеви. Он смотрел в окно. Оно было прозрачное, не такое, как бумажное окно его фанзы, — и сквозь него можно было видеть море, и гряды черных скал, и дальний мыс, изогнутый как рог.

У пристани качались кавасаки.

Рыбаки уж давно разгрузили сети. На берегу стояли шкиперы. Они не собирались больше в море. Они смотрели в другую сторону, на тайгу, слушая, что говорит им председатель Пак.

И гость из города был среди них. Он держал свою коробку открытой, заслоняя ее от ветра шляпой. Он был ученый человек, проворный и уважаемый всеми, — сквозь стекло из окна школы Ти-Суеви это видел хорошо.

Гость брал старого Пака за плечо, и Пак слушал

его так же почтительно, как рыбаки слушали самого Пака. Он подходил к шкиперам, и те смотрели ему в лицо, чтобы ничего не пропустить. А ловцы теснились вокруг.

Потом все разошлись по фанзам и снова вернулись на берег.

Рыбаки сменили свою обувь — сняли тяжелые сапоги. В руках у них были лопаты, за поясом висели топоры. Женщины приносили с собой ведра.

И Ти-Суеви понял, что все собираются в лес. Но зачем в лесу ведра?

На этот раз любопытство сильно мучило Ти-Суеви. Он написал Натке записку, так как сидел далеко от нее.

«Посмотри в окно, — написал он, — и ответь, зачем они берут с собой в тайгу ведра».

Натка ответила сразу:

«Для малины».

Но Ти-Суеви, обернувшись к Натке, покачал головой, и это означало:

«Малина еще не поспела».

А Василий Васильевич Ни все не кончал урока.

Когда же он кончил, и Ти-Суеви с Наткой прибежали на берег, там уже не было никого. Только три тяжелых воза с досками поднимались в гору

к лесу.

Ти-Суеви и Натка тоже поднялись в гору и пошли за возами.

Далеко туча огибала мыс, острый и кривой, как рог.

Но солнце стояло над лесом. И он шумел навстречу Ти-Суеви и Натке. Он был полон движения и голосов. Кричали скворцы над головой. Как мыши, бегали в кустах серенькие птицы-завирушки. Рябчики клевали хвою.

А совсем недалеко слышалось свиристение пил, треск и стук.

В лесу работали.

Вскоре Ти-Суеви увидел людей. Они копали рвы. Женщины с ведрами ходили вокруг деревьев.

— Погляди-ка направо, — сказала Натка.

Ти-Суеви посмотрел. Сизов и еще шесть красноармейцев стояли в ряд, быстро работая своими саперными лопатками.

Рыбаки, привыкшие только к парусам и к веслам, не поспевали за ними. Но длинный мелкий ров, очищенный от корней и травы, тянулся уже далеко.

— Здорово, Ти-Суеви! — сказал Сизов. Он остановился, чтобы стереть с лица пот. — Поздно,

брат, пришел, мы уже кончаем. Окружили врага с четырех сторон.

— Как? — крикнул Ти-Суеви. — Ведь мы пришли помочь.

— Видно, не много от вас ждали помощи, если без вас обошлись, — Сизов подмигнул Натке и снова взялся за лопату.

Ти-Суеви, опустив голову, стоял, не трогаясь с места. Он был очень огорчен словами красноармейца Сизова.

Натка же смеялась.

Но где лесовод? Ти-Суеви долго искал его взглядом. На лицах работавших людей, на тонкой траве, на мху лежали мельчайшие пятна света. Они, как чешуя, закрывали глаза. Нигде не было видно лесовода. Но неожиданно Ти-Суеви заметил его совсем близко, рядом — он шел к нему, улыбаясь, весь в солнечных пятнах, будто одетый в панцирь. Шляпа его была в паутине. А в руке он нес ведро.

Ти-Суеви шагнул ему навстречу.

— Мы пришли тебе помочь, — сказал он лесоводу.

Натка же заглянула в его ведро и спросила:

— Что тут?

— Тут гусеничный клей, — ответил лесовод.

Он сунул руку в ведро, набрал на щепку клея, похожего на растопленный мед, и начал мазать по темному стволу старой ели, счистив с него лишаи и мох.

Потом пошел к другой ели, к третьей, и каждый ствол окружал смолистым и клейким кольцом.

Ти-Суеви увидел, что то же самое делают и женщины, бродившие по лесу. Мужчины клали доски на дно свежего рва и тоже мазали их клеем.

— А ну-ка, ребята, поднимите головы, послушайте, — сказал вдруг Силин.

Ти-Суеви и Натка прислушались.

Тихий звук, похожий на шум дождя, стоял в воздухе, Это падала подточенная гусеницами хвоя.

Вдруг над широкой лапой ели вспорхнул лесной конек и свистнул. И тотчас же несколько гусениц упало с ветки вниз на мох, другие же повисли на паутине.

— Ты видишь, — сказал лесовод Ти-Суеви, — они падают даже от полета маленький птички, от голоса, от ветра, от дождя. И каждая из них в течение жизни хоть раз, да свалится вниз. Потом снова ползет вверх по стволу, чтоб добраться до хвои и листьев. Тут мы их и ловим. Это клейкое кольцо они не переползут. Помощь ребят мне нужна для того, чтобы следить за ловушками.

Приходите, счищайте с них паутину, хвою, мох, все, что может прилипнуть, чтобы гусеницы не могли переползать. А теперь давите их вот этой самой палкой, — она смочена нефтью. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Ти-Суеви и с остервенением начал палкой давить гусениц, скопившихся у края смоляной ловушки.

Натка же сказала:

— Нет, мне это противно.

Лесовод развел руками. А Ти-Суеви с грустью отвернулся от Натки.

В это время из-за толстого кедра, из-за кучи сгнившего бурелома появилась женщина. Она шла по лесу, защищая глаза и лицо от ветвей. И белый халат ее цеплялся за сухой валежник.

Ти-Суеви узнал молодую сестру из колонии прокаженных.

Лицо ее было встревожено, шаг утомленный, одежда изорвана о сучки — видно, долго бродила она сегодня по лесу. Сестра подошла и громко спросила:

— Не встретил ли кто здесь в тайге мальчика, одетого в синюю хурьму? Сегодня ночью он убежал из колонии. Я ищу его целый день. Он безумный и болен проказой.

— Нет, — ответил лесовод. — Я всю ночь и утро

провел в лесу и никого не видел.

Сестра пошла дальше, спрашивая у женщин, мазавших клеем деревья, у рыбаков, копавших рвы:

— Не видел ли кто мальчика, который, как белка, забирается на самые высокие деревья?

И так как она была из «дома ленивой смерти», то рыбаки ее сторонились и отвечали ей издали:

— Нет!

Только красноармеец Сизов и старый Пак подошли к ней близко, воткнув свои лопаты в землю.

Но, видно, и они ничего не знали, хотя долго говорили с сестрой.

«Где же она будет искать его?» — с любопытством подумал Ти-Суеви.

Он в эту минуту забыл о лесоводе, о Натке, о гусеницах. Он со страхом вспоминал безумного прокаженного мальчика, виденного им в колонии.

Ти-Суеви выглянул на дорогу.

Усталая от долгих поисков, тихо брела по ней сестра. И рядом, не боясь проказы, почти касаясь рукавом ее одежды, шел лейтенант. Откуда он взялся тут, словно птица, опустившись сразу на дорогу? А по его следам, очень близко, тыкаясь носом в сапоги, бежала похожая на волка собака.

Ти-Суеви был очень удивлен.

— Не тревожьтесь, — громко сказал лейтенант сестре. — Мы найдем вашего больного мальчика. Со старухой же его, Лихибон, мы поговорим сами.

Вдруг дождь упал на дорогу. Туча, огибавшая мыс, подошла уже к лесу. Холодный край ее коснулся солнца. Огромная тень шагнула по вершинам.

Ти-Суеви услышал над головою величавый голос лиственниц. Дождь усилился, запрыгал, стуча по корням и по щебню. По дороге пробежал с Сизовым Василий Васильевич Пак, тоже громко называя имя Лихибон. Прошли под дождем красноармейцы, и один из них сказал:

— Для собак это гиблое дело. Замывает следы.

Потом все скрылось из глаз Ти-Суеви: лейтенант, и сестра, и дорога. Только ели одни выступали из ливня. С них, как с утесов, струилась вода.

Вскоре дождь ослабел, покосился от ветра, и низко, над самой дорогой, под дождем проплыл на длинных крыльях коршун.

Ти-Суеви возвратился в лес, к Натке. Лесовода уже там не было. Накинув подолы на голову, женщины продолжали работать. А Натка непо-

движно стояла под деревом, опустив руки. И даже рот ее был полон воды.

IX. В тайге за Фазаньей падью

Один только лесовод Силин мало пострадал от дождя.

Он нашел в стороне высокогорный уссурийский клен и, присев под его широкими листьями, накрыл голову пустым мешком, в который вчера ночью собирал бабочек. Когда же дождь кончился, лесовод не сразу вышел из-под ветвей клена,

а подождал еще, пока ветер не встряхнет хорошенько весь лес и не высушит листьев и хвои.

Ему пришлось не долго ждать. Ветер был сухой и дул с юга, с каменистого побережья, после полудня нагретого солнцем.

Лесовод повесил мокрый мешок на кусты у дороги, а сам обошел весь участок кругом.

Он нашел, что все было в порядке: участок окопан хорошо и все деревья обмазаны клеем.

Но оставался еще лес, стоявший на западной стороне Еловой горы, рядом с Фазаньей падью. Он вчера не успел его осмотреть. И теперь, без тропинки спустившись к подножью сопки, лесовод стал огибать ее справа.

Он шел медленно. Еще лужи стояли в траве, и солнце, скатившееся к западу, обливало блеском мокрые стволы берез. Елей и сосен здесь было мало. И нигде лесовод не находил паутины. Но все же он не торопился.

Он долго взбирался по склону, и когда поднялся наверх и снова вышел на дорогу, был уже близок вечер.

Лесовод устал на подъеме. Он постоял посреди дороги, отмахиваясь от комаров, и только после этого осмотрелся вокруг.

Перед ним стояли ворота и мост.

Он прочел надпись на воротах и громко сказал:

— Вот так штука! К прокаженным попал!

За забором никого не было видно. Только один старик трудился над чем-то, присев у ворот возле камня.

Лесовод молча следил за стариком. Тот не поднимал головы. Он чинил фонарь, поставив его на камень. Фонарь был старый, из толстого стекла в медной оправе, на которую плесень давно уже заложила руку.

Старик тер свой фонарь песком и обтирал травой, вырывая ее тут же из-под забора. Наконец медь и стекло заблестели. Хотя еще было много свету и вверху, на макушках деревьев, и внизу, на дороге, но старик, отвернувшись от ветра, осторожно зажег свой фонарь.

Лесовод усмехнулся.

— Эй, старик! — крикнул он.

Но после дождя в овраге, на дне ручья, так громко звенели камни, что старик не услышал крика.

Тогда лесовод стукнул палкой о деревянные перила моста. На этот звук старик обернулся и поднял фонарь к глазам.

— Не ходи сюда, — сказал он лесоводу. — Разве ты не знаешь, что тут живут прокаженные?

Лесовод рассмеялся:

— Я это знаю.

— Почему же ты смеешься тогда, глупый человек? — спросил старик.

— Погаси свой фонарь, — ответил, смеясь, лесовод. — Зачем ты зажег его, когда даже в самой темной фанзе еще достаточно солнца?

Но старик не задул фонаря, а повесил его на столбик, врытый недалеко от ворот.

— Ты можешь смеяться, если хочешь, — сказал он. — А я достал этот фонарь из кладовой и зажег его так рано потому, что давно уж никто не зажигал его вовремя. И если б я это сделал вчера, мне не пришлось бы сидеть всю ночь на камне и смотреть на дорогу, ничего не видя. Я бы знал, зачем этой ночью спускалась в овраг старуха Лихибон, и куда бежали в темноте по дороге дети, и почему не приходит до сих пор тот, кому надо быть здесь.

— Кто же это? — спросил лесовод.

— Все тот же безумный мальчик, который болен проказой. Он вчера вечером не проходил тут мимо меня, чтобы напиться из ручья. И утром его тоже нигде не нашли. Он исчез, как дым после выстрела.

И старик замолчал, о чем-то думая. Лесовод

подождал немного, постукивая палкой о перила.

— О мальчике не беспокойся, — сказал он, — его найдут. А ты лучше скажи мне, старик, густо ли растут ели у Фазаньей пади?

— Раньше, когда я еще не болел проказой, они росли там густо и были высоки, как кедры. Но уже давно не отхожу я от этих ворот, — ответил старик и, поднявшись с камня, поправил фитиль в фонаре.

А лесовод, сняв свою шляпу и отмахиваясь ею от комаров, начал спускаться в овраг, мало думая о том, что тревожит так старика, больного проказой.

Фазанья падь лежала недалеко, за оврагом, и лесовод надеялся еще до сумерек обойти ее кругом.

Он перешел полный ручей, волочивший по камням вырванный мох и траву, и поднялся по крутому склону, цепляясь за ползучие кусты.

Начался высокоствольный лес — кедры и ели. Но и здесь, как в овраге, было сыро и глухо. И только наступающий вечер оживлял запах маленьких белых цветов, растущих среди мха на болотцах.

Лесовод повернул в ту сторону, где было темней и где ели стояли гуще.

Он шагал медленно, подняв голову вверх и

отыскивая на сучьях паутину. Она попадалась все чаще на молодых елях.

Лесовод палкой раздвигал их ветви, внимательно разглядывал кору.

— Черт возьми! — пробормотал он. — И этот участок придется окопать.

Он подошел к старой аянской ели, возвышавшейся над всеми другими. Густая паутина поднималась по ее ветвям уступами, точно крыши китайского храма.

— Черт возьми! — повторил лесовод, и, продолжая тихо ругаться, он обошел кругом старую ель.

Заходило солнце. На макушке ели паутина блестела всеми цветами. А внизу, под густым навесом ветвей, было темно, голо — трава не росла вокруг.

Вдруг что-то белое, мелькнувшее в сумрачном воздухе, привлекло внимание лесовода. Он остановился, Над головой его, крутясь в паутине, спускавшейся с широкой ветви ели, висела легкая и тонкая бумага. Она еще не пожелтела ни от дождя, ни от ветра.

«Кто мог ее сейчас уронить тут, в этой непроходимой чаще?» — с удивлением подумал лесовод.

Он взглянул на вершину ели и ничего не увидел. Он попробовал палкой достать качавшуюся

на паутине бумажку и не мог.

Тогда он ногой стукнул по стволу ели. Но ствол был могуч, и даже самая тонкая веточка не шевельнулась.

Отойдя немного в сторону и нацелившись, лесовод сучком сбил с паутины бумагу. Она, колеблясь, упала на белый мох.

Лесовод нагнулся, чтобы ее поднять.

Он не успел разогнуться. Сильный удар по голове на секунду лишил его сознания. Руки перестали действовать. Кровь потекла по лицу. И все же лесовод поднялся, чувствуя на спине своей страшную тяжесть. Он сделал так, как делает сохатый, когда на плечи его падает с дерева рысь: он с силой ударился спиною о ствол и тотчас же услышал за плечами стон. Это был стон человека.

Оба упали на землю, на скользкую хвою и мох. Они катались по сучьям, разрывая в клочья одежду.

Лесоводу хотелось бы увидеть врага, но кровь заливала глаза. Он прижался лицом к земле, стараясь ее стереть. И в то же мгновение почувствовал вдруг, как нож вошел в его тело.

Лесовод разжал пальцы. Приподняв голову от земли, он перекатился с боку на бок и лег. Ему

казалось, что он все еще борется, ломает руки и держит за горло врага. На самом же деле он лежал на спине неподвижно, только голова его, упавшая на сухой валежник, слегка покачивалась.

Он с усилием открыл залитые кровью глаза. Но никого вблизи не увидел.

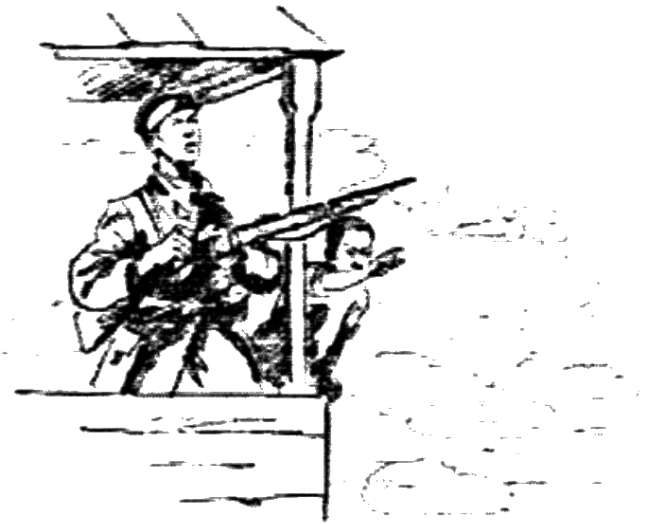
Недалеко на мху валялась его коробка с бабочкой, которую он повсюду таскал с собой; крышка ее была оторвана, сама коробка только чуть помята.

И неизвестно почему, в эту страшную минуту он вспомнил детей — Ти-Суеви, стройного мальчика со смуглым лицом, и Натку. Вряд ли он сможет рассказать им завтра о бабочках. И лесовод пожалел об этом, может быть, потому, что больше всего на свете любил детей и еще голубые аянские ели.

Он поднял глаза вверх. Огромная ель тихо стояла над ним: тяжелые, с синей хвоей ветви ее не шевелились.

Уже теряя сознание, он посмотрел на самую вершину и удивился вдруг, как близко от нее до неба, где в это время уже загорались созвездия.

X. Красноармеец Сизов стреляет метко

Приближался, наконец, тот час, который назначил для своей лекции на заставе лесовод. Однако никто в Большом Тазгоу — ни рыбаки, ни женщины, ни дети — лесовода не видел.

Но рыбаки рано вышли в море, а женщины с полудня собирали морскую капусту. И только

дети с нетерпением ждали его все утро, играя на косе у бухты. Как железо, нагревался песок.

И ждать так долго было бы трудно детям, если бы вместе с ними не играл океан, — для них стучал он о камни скелетами морских ежей, для них покрывался блеском и поднимал над водой головы любопытных нерп. Наконец для них загнал он в мелкую бухту большую стаю корюшки.

Тысячи рыбок с прозрачным, бледным телом, как иглы, сновали туда и сюда.

— Они уйдут! — закричали дети.

Они уйдут, Ти-Суеви! — повторила Натка их крик. И Ти-Суеви вдруг вспомнил, что вчера его выбрали старшиной.

— Они не уйдут, — сказал он. — Принесите мне в лодку камень, веревку и жестяную банку из-под бобового масла.

Дети принесли эти вещи и положили в лодку, где уже сидел Ти-Суеви.

Он погрузил весла в воду и поплыл.

На середине бухточки, в том месте, где в море сбегал ручей, Ти-Суеви остановился.

Он привязал камень к банке и осмотрел ее. Она была из новой жести — большая, в два ведра. Он бросил ее в море и, раздевшись, прыгнул за ней. Тяжелая вода раздалась под ним лишь немного.

Она не пускала на дно. Он ударил ее головой, растолкал, назвал старой чертовкой, начал рыть ее, как песок. С легким плеском море уступило мальчику. Вода, легонько сжимая его, проводила до самого дна. Ти-Суеви открыл глаза. Банка стояла на самой струе ручья.

Ти-Суеви немного послушал. Густой звук далеко тянулся в воде. Банка гудела прекрасно.

Тени серебряных корюшек прошли по рукам Ти-Суеви и исчезли. Бледные рыбки с огромными ртами остановились, не смея плыть дальше. Этот звук, похожий на хрипенье дельфина, пугал их.

Ти-Суеви поднялся наверх. Он влез в лодку и поплыл назад к берегу. Несколько женщин уже стояли там, наблюдая за стаей.

— Неплохо, — сказали они Ти-Суеви. — Она постоит тут долго. Мешков тридцать можно насушить. Пусть только вернутся рыбаки.

Рыбаки рано вышли в море.

Что мог им ответить Ти-Суеви? Он сделал только то, что должен был сделать шкипер: вытер брызги с лица и посмотрел на солнце.

— О! — сказал недовольно Ти-Суеви.

Он слишком долго провозился с корюшкой. Уже пора было идти на заставу.

Ти-Суеви первый напомнил об этом всем детям

и Натке, хотя еще со вчерашнего дня был на нее сердит. Она оказалась плохим помощником для лесовода — хуже, чем самая старая женщина из Большого Тазгоу.

Дети уже неслись по каменной тропинке к заставе, шурша листьями дубовых кустов. А Ти-Суеви и Натка пошли по берегу моря. Она не любила взбираться на гору, по острым камням. Она любила ровные места, и Ти-Суеви легко находил для нее и такие.

«Хорошо, — думал он, шагая за Наткой по тяжелому песку, — если б и старые женщины из Тазгоу послушали лесовода. Но кто же тогда разведет под котлами огонь?»

Рыбаков же сегодня не было. В море у трех скал, у Каменных Братьев, снова появилась иваси. Еще на заре все шаланды вышли из Тазгоу. Только один ленивый Лимчико, как обычно, сидел на пристани и курил, собираясь отвести на буксире пять пустых кунгасов.

— Не хочешь ли ты, — спросил он у Ти-Суеви, — чтобы я отвез тебя с Наткой домой?

— Нет, — ответил Ти-Суеви, — мы пойдем на заставу слушать, что скажет нам лесовод, приехавший из города. Ты не знаешь, Лимчико, где он? Я его нигде не видел.

Но Лимчико не ответил. Он только выпустил дым изо рта, так как даже сказать «не знаю» было ему лень.

Ти-Суеви и Натка одни отправились на заставу. Они прошли поле, лежащее в долине, подошли к яме, где недавно играли в камни, и тут постояли над ней.

— Поиграем, — сказала Натка.

Ленивый Лимчико сидел на пристани и курил.

Они заглянули в яму. Там было сыро после вчерашнего ливня, много камней обвалилось, и на дне ее, на влажной глине, виднелись следы толстых деревянных подошв, какие носят в Тазгоу только одни старухи.

— Кто-то тут был недавно, — сказал Ти-Суеви.

— Не старуха ли это Лихибон? — спросила Натка. — Ей зачем-то нужны камни, которые я нашла здесь.

Натка вынула из кармана камешки, с которыми с тех пор не расставалась, и положила их на ладонь. Солнце ударило вдруг по кремню, и он заблестел, как соль.

— Быть может, это золото? — сказала она.

— Может быть.

Ти-Суеви медленно закрыл глаза. Он хотел представить себе эту яму полной золота, но не

мог, так как никогда не видел его.

— Но если это золото, — задумчиво добавил Ти-Суеви, — то оно нужно нам самим, а не старухе Лихибон.

— Зачем нам золото? — спросила Натка.

— Мы сделали бы много самолетов и танков для Красной Армии, и сам Ворошилов сказал бы нам: «Ирбо, Ти-Суеви и Натка, — спасибо». Сказал бы, как ты думаешь?

— Сказал бы, — горячо подтвердила Натка. А Ти-Суеви продолжал мечтать:

— Я срыл бы горы, размолол бы скалы в песок и в глину, сделал бы берег ровным.

— Зачем? — снова спросила Натка.

— Чтобы наши танки могли ходить повсюду. И я сделал бы еще что-то… Я посадил бы немного арбузов, — добавил вдруг смущенно Ти-Суеви, так как, в конце концов, он был мирный человек.

Дети отошли от ямы, оба в большом волнении. И еще немного помечтали о золоте каждый про себя.

— Кто знает, что может стать с этой ямой, — сказала Натка, — ее бы надо было постеречь от этой старухи Лихибон.

— Надо, — ответил Ти-Суеви. — Мы покараулим ее вместе.

Натка подпрыгнула, чтобы поравняться с Ти-Суеви, и долго, шла с ним в ногу по дороге, пока шаги его, более быстрые в ходьбе, не утомили ее.

На заставе у открытых ворот они увидели школьников. Те пришли раньше их и теперь сидели на траве тихо, опустившись по-корейски на корточки.

Смеха не было слышно вокруг. И тревога поселилась в сердце Ти-Суеви.

— Разве лесовода еще нет? — спросил он.

— Нет, — ответили печально дети. — И тут никто его не видел, ни вчера вечером, ни утром, ни ночью. Красноармейцы пошли его искать.

Ти-Суеви тоже опустился на корточки, прислонившись спиной к дереву, и задумался.

«Куда же он мог деваться?»

Дети молча расходились, часто оглядываясь и медленно исчезая в дубовой рощице, за поворотом дороги. Жаль было покидать это место, — может быть, еще придет лесовод и покажет новую бабочку или принесет в кармане вместе с кучей хвои гнездо дрозда. Кто знает, что может вдруг сделать веселый и добрый человек?

Но лесовод не приходил, и пусто было на заставе.

Неподвижно стоял у ворот часовой. Неподвиж-

но стояла трава вдоль дорожки, обложенной камнями. Неподвижны были облака, серые, как известь.

Дети разбрелись.

Ти-Суеви даже не заметил, как вместе с детьми исчезла и Натка, — так он задумался. Она ни слова не сказала ему.

Ти-Суеви поднялся на ноги и долго стоял неподвижно, с огорчением думая о Натке.

Нет! Напрасна его дружба. Ничто не помогает. Ни утиное яйцо, ни лесные орехи, ни даже золото, о котором они только что с Наткой мечтали. А ведь это и для нее хотел он размолоть камни в песок, сделать берег ровным и посадить в Тазгоу хоть немного арбузов.

Ти-Суеви тяжело вздохнул. И снова замер, подчиняясь общей тишине. Она стояла вокруг, зоркая, как птица. Так без крика поднимаются в небо орлы, если в море появляется сельдь.

Вдруг чья-то рука легла на плечо Ти-Суеви. Сизов наклонился над ним. Он был в скатке, с ружьем и, как всегда, дружески улыбался Ти-Суеви.

— Что же ты, браток, не заходишь во двор? Личик по тебе соскучился.

На груди у Сизова висел бинокль, а через плечо на ремне болталась черная коробка.

Эта глухая коробка, крытая дерматином, привлекла внимание Ти-Суеви. Он молча смотрел на нее. И, зная обычай Ти-Суеви ни о чем не спрашивать первым, Сизов сказал ему:

— Это фотографический аппарат. Я могу тебя снять. Входи.

И Ти-Суеви вошел во двор. Давно уже не был он тут. Но все по-старому хрустел на дорожке песок. Слева пахло конюшней, а справа гудела тайга, должно быть, ветер внезапно посетил ее.

У старой вышки лежал, свернувшись, медвежонок Личик. Он по-собачьи, исподлобья посмотрел на Ти-Суеви, не узнав его. Но потом вскочил и подкатился под ноги, урча. Он был рад другу.

Ти-Суеви обнял его.

Сизов осторожно снял крышку с объектива. Шерсть встала дыбом на спине медвежонка. Он припал к земле, пополз, визжа, как раненый.

— Вот дьявол, — сказал Сизов, — ни за что не дает себя сфотографировать. Пуще ножа боится аппарата. Подержи его, Ти-Суеви, покрепче. Я вас обоих сниму.

Но и Ти-Суеви, хотя имел сердце более храброе, чем Личик, тоже немного боялся. Его еще никогда не фотографировали.

И медвежонок, словно понимая Ти-Суеви, обра-

щал к нему полный жалобы взгляд.

— А-ай, а-ай! — два раза крикнул медвежонок.

Ти-Суеви погладил его нетвердой рукой. Сизов нацелился.

— А-ай! — крикнул еще раз Личик и, вырвавшись из рук Ти-Суеви, бросился вдруг на старую деревянную вышку.

Доски заскрипели под ним. Древесная плесень упала вниз на траву, на лицо Ти-Суеви, обращенное вверх.

Медвежонок был ловок.

— Теперь доставай его! — с сокрушением сказал Сизов. Он был недоволен своей шуткой.

Ти-Суеви вытер туфли о землю. Он помахал руками, чтобы придать им гибкость. Так делал он всегда, прежде чем влезть на кедр.

Гнилые ступени подались под ногой Ти-Суеви. Он схватился руками за доски и еще раз посмотрел вверх. Над самой вышкой проплывало облако. Но оно казалось неподвижным, а плыла, накреняясь, вышка. Ти-Суеви тихонько смеялся над этим жалким обманом. Он лез все выше. Уже близко верхушка, где сквозь сгнившие доски светило чистое небо.

На досках сидел Личик. Он не боялся. Он смотрел сверху на тайгу.

И Ти-Суеви тоже огляделся вокруг с любопытством. Он увидел леса, с земли он никогда их не видел такими. Они клубились по сопкам, как тучи, они качались, будто туман. Но воздух был прозрачен над ними. Океан поднимался вверх, к горизонту, и край его казался выше гор.

Ти-Суеви отвел глаза. Теперь перед ним был весь Тазгоу. Вот школа, вот поле, вот пять высоких скал. Где же тут Натка?

Ти-Суеви повернул голову в другую сторону. Теперь он увидел дорогу. Она выбегала из леса и падала в море, как река. Из глубины тайги вышли на дорогу два красноармейца. Они несли кого-то на руках. По дороге скакал всадник. Стук копыт был хорошо слышен, как удары дятла, долбившего за забором сосну.

«На заставе всегда тревожно», — подумал Ти-Суеви.

Он хотел уже спускаться, забыв о медвежонке. Вдруг взгляд его остановился на знакомой лиственнице. Он знал ее. Она была выше всех елей — орлы отдыхали на ней.

Две птицы кружились теперь над ее вершиной, не решаясь присесть. Кто-то мешал им. Птицы громко кричали, кружась.

Ти-Суеви был зорок, но долго смотрел, прита-

ившись, пока вдруг неожиданно не увидел среди голубой и зеленой хвои темное пятно. На лиственнице, на самой ее верхушке, сидел человек.

Тогда, волнуясь, Ти-Суеви крикнул вниз Сизову:

— Посмотри! Высоко на дереве человек. Не мальчик ли это из «дома ленивой смерти»? Ведь только он умеет так хорошо влезать на деревья.

И поманил Сизова рукой.

Ти-Суеви никогда не поверил бы раньше, что человек в тяжелых сапогах и с ружьем мог так быстро взобраться на эту высокую гнилую вышку, сколоченную ржавыми гвоздями.

Но Сизов уже сидел на перекладине рядом с Ти-Суеви, держа у глаз бинокль.

Сизов не шевелился. Все тело его было настороженно чутко к каждому предмету и звуку. Казалось, шепот тайги до самого неба наполнял весь воздух. Но ветер, ходивший здесь, наверху, и внизу, по земле, не туманил его, и солнце не било в стекла бинокля. До горизонта простиралась прозрачность, и лиственница была видна хорошо.

Кто-то сидел на ней, чуть прислонившись к толстой ветке. Да, это был мальчик в синей хурьме.

Сизов секунду-две смотрел на его лицо, казавшееся издали темным, как кора. Потом опустил

взгляд на плечи, на руки, тонкие, как лапки паука, и вдруг замер. Человек рисовал, то опуская, то поднимая голову от бумаги, лежавшей у него на колене.

«Шпион!» — мелькнула вдруг у Сизова догадка.

В это время в ворота заставы промчался всадник. Это был лейтенант.

— Лесовод убит в лесу, — сказал он, соскочив с коня прямо на крыльцо заставы, и крикнул: — В ружье!

И тотчас же на заставе раздался стук оружия, на который сердце Ти-Суеви ответило таким же тяжелым стуком.

В это же мгновение Сизов тихо, чуть слышно свистнул. До Ти-Суеви снизу донесся легкий звон — это звякнула шпора у лейтенанта. Он подбежал к вышке и поднял к Сизову глаза.

— Что заметил? — спросил лейтенант.

Но разговор его с Сизовым был для Ти-Суеви непонятен.

Сизов сказал:

— На четвертом квадрате, восточнее высоты номер десять, на вершине отдельного дерева — человек. В руках у него бумага. Он снимает местность. Нарушитель скрыт от дозора верхушкой елового леса.

И секунду спустя Сизов продолжал:

— Нарушитель заметил нас. Притаился. Он начал спускаться, товарищ лейтенант.

— Успеет дозор добежать? — быстро спросил лейтенант.

— Нет, вдоль и поперек местность сильно пересеченная, гиблая местность, товарищ лейтенант.

— Легким ранением в ногу лишить нарушителя возможности скрыться! Учти поправку на ветер! — приказал лейтенант Сизову, а другому красноармейцу — связному, что стоял рядом сказал: — Передай по связи в Тазгоу, чтобы рыбаки оцепили берег.

Сизов посмотрел вниз, на траву. Ветер прижимал ее к земле. Он взглянул на осину, росшую у дома. Светлая листва ее кипела.

Ветер был средний.

Сизов прицелился.

Эхо выстрела прокатилось по щебню дороги, по камню, по еловому лесу, отдалось на скалистом берегу.

Оно не успело заглохнуть. Из ворот выбегали красноармейцы. Сизов уже был на земле. Облако древесной пыли вместе с ним опустилось на траву. И когда Ти-Суеви спустился с вышки, во дворе уже было пусто. Он бросился в лес вслед

за Сизовым.

И оправа и слева под шагами красноармейцев шумела трава.

Сизов мелькал впереди, Ти-Суеви догнал его и помчался рядом.

Сизов бежал без малейшего звука. Сапоги его не скользили. Ружье не стучало. Как живые существа, расступались перед ним кусты.

Пересекли крутую тропинку. Среди редких стволов уже сквозил океан. Показалось открытое место. Из Тазгоу, как красноармейцы, цепью бежали по берегу рыбаки. Они только что вернулись с моря. Их тяжелая обувь из резины блестела на песке. Бежал учитель Василий Васильевич Ни, бежал председатель колхоза Пак. Из-за прикрытий выбегали часовые.

И край этот, черный от хвойных лесов, прежде казавшийся Ти-Суеви пустынным, вдруг ожил.

Ти-Суеви остановился, задыхаясь.

«Как много красноармейцев!» — с изумлением подумал он, глядя на людей, цепью окружавших лес.

А Ти-Суеви-то казалось, что он один стережет и любит его!

— Стой! — сказал Сизов. — Теперь не уйти ему никуда. Разве только в эту трубу.

И он указал на узкую долину, загроможденную острыми камнями. Она сбегала к морю, к скалам, висящим над самым прибоем. Кустарник вечно шумел в ней, как вода.

Ти-Суеви узнал это место. Еще недавно они проходили здесь с Наткой. Сизов начал спускаться, держась в тени, падавшей от крутого склона. Ти-Суеви шел позади.

Обогнув обломок скалы, они увидели внизу человека. Он прятался за камнями. И лишь изредка вставал и бежал, припадая на одну ногу. Иногда же он глядел через плечо назад.

Сизов и Ти-Суеви бросились вниз, сквозь кусты. Они прыгали с камня на камень, не заботясь больше о тишине.

Они были уже близко. Человек их заметил. Он круто повернул направо и, хромая, побежал к морю, к скалам, висевшим над самым прибоем, словно собираясь исчезнуть в нем. Он пробежал уже поле и поравнялся с ямой, откуда брали глину для стен. Вдруг из ямы поднялась Натка.

Ти-Суеви в изумлении остановился. Он увидел, как Натка упала на землю, под самые ноги бегущему, как учил ее однажды Ти-Суеви. Человек взмахнул руками, рукава хурьмы его раскинулись в стороны. Он тоже упал, ударившись

головой о камни, и остался неподвижным. Натка же поднялась на ноги. Несколько мгновений стояла она на краю ямы, качаясь, как задетая птицей ветка. Потом начала падать на спину.

Ти-Суеви закричал.

А Сизов уже стоял над человеком, держа наготове ружье.

С другой стороны долины в широкое устье ее вбегали люди.

Человек лежал на боку. Глаза его были закрыты, голова рассечена камнем и синяя хурьма разорвана во многих местах. Он был без сознания.

— Не трогай его! — закричал Ти-Суеви, подбегая. Он узнал прокаженного мальчика. — Не трогай его! Он прокаженный.

— Прокаженный? — сказал Сизов, нахмурившись. Он не спускал глаз с человека, лежащего на земле. Разве ты видел его?

— Я видел его. Это внук старухи Лихибон. Он болен проказой.

— Проказой? — снова повторил Сизов, хмурясь еще больше, и, быстро нагнувшись, поднял кверху голову прокаженного.

Он разжал ему зубы, засунул пальцы в рот и вынул куски еще не разжеванной прочной и тончайшей японской бумаги.

Подошли лейтенант и красноармеец. Рыбаки окружили их.

Присев на корточки, лейтенант ощупал прокаженного. Он потрогал его голову, плечи и бедра; когда же коснулся левой ноги, мальчик слегка застонал. Но глаз не открыл.

— Молодец снайпер! — сказал лейтенант Сизову. Задание выполнил точно.

Он снял с мальчика рваную хурьму и обнажил его грудь. Это была грудь мужчины, широкая, мускулистая. Следов проказы не было видно на ней. И на лице не было больше пятна, похожего на облако. Но на шее, чуть повыше плеча, что-то белело.

Лейтенант, вглядевшись, сказал с удивлением:

— Бабочка!

И верно. Ночная бабочка-монашенка, еле волоча свое толстое тело, медленно ползла по шее, темной и шершавой, как ствол. Откуда взялась она тут? Должно быть сидела, забившись в темные складки хурьмы, брошенной возле.

Лейтенант отдал бабочку Паку. Тот посадил ее к себе на палец. И Ти-Суеви и все рыбаки узнали бабочку, которую показывал им вчера лесовод. На спинке ее вместо двух черных пятен они насчитали шесть, подкрылья ее были стянуты

шелковинкой, и даже шелковинка была еще цела.

— Не он ли убил лесовода? — с отчаянием крикнул Ти-Суеви, и слезы потекли из-под его плоских век.

Рыбаки, огромные в своей одежде, всегда влажной от морского тумана, сдвинулись вдруг плотно, подошли.

Их тяжелая обувь, казалось, раздавит сейчас человека, растянувшегося на камнях, как змея. Они молчали, но гнев качал их, как родной океан.

Лейтенант остановил их взглядом. Он нагнулся и поднял с земли нож — короткий и широкий нож, каким маньчжурские гольды убивают оленей.

Человек открыл глаза и сел.

— Не троньте меня, — сказал он по-русски, — я прокаженный.

Но никто не подался назад.

Лейтенант сказал:

— Я давно ищу вас, господин майор Исикава Санджи Маленький. Вы так же безумны и больны проказой, как и я.

Майор огляделся.

Красноармейцы, рыбаки, часовые стояли вокруг молча. Взгляды их были суровы, зубы

стиснуты крепко.

И лицо майора, крошечное, плоское, посерело вдруг, будто покрылось пеленой.

Он встал. Часовые взяли его под руки. Лейтенант пошел вперед.

— А где же Натка? — спросил Сизов у Пака.

В пылу погони он забыл о ней. Ведь это же она первая задержала шпиона.

Где же Натка?

Сизов искал глазами Ти-Суеви. Но Ти-Суеви уже давно не было в толпе. Сизов заглянул в яму. На дне ее, по-корейски, на корточках, сидел Ти-Суеви и плакал. Натка же сидела, прислонившись спиной к стене.

Голова ее была запрокинута, лоб и щеки в царапинах, веки сомкнуты плотно.

Сизов спрыгнул вниз. И снова втроем очутились они в этой яме, откуда брали глину для стен.

— Он убил ее, — сказал Ти-Суеви, плача.

— Нет, — ответил Сизов. — Она только сильно ушиблась. Беги скорей за водой.

И Ти-Суеви понесся к утесу, где из красного камня всегда сочилась вода.

И пока он нес ее в шапке, ветер, дувший в долину с моря, высушил слезы, горевшие на глазах

Ти-Суеви.

Сизов смыл кровь с лица Натки и положил на лоб ее мокрый платок.

Она очнулась и посмотрела вокруг. Но еще смутен был ее взгляд.

Тогда Ти-Суеви, зачерпнув немного воды, дал ей из горсти напиться. И глаза ее стали снова блестеть, как два влажных камешка.

— Поймали его? — спросила она.

— А как же, поймали, от нас он не уйдет, — ответил Сизов и подложил руку под затылок Натки. — А тебе не больно нигде?

Натка покачала головой.

— Нет, он только хотел ударить меня ножом, но промахнулся. Я очень боялась, что он убежит. И я сделала так, как учил меня однажды Ти-Суеви.

— Ловко! — сказал с одобрением Сизов. — Но что же ты делала тут, в яме?

— Я стерегла золото от старухи Лихибон, у которой внук болен проказой.

— Золото? — спросил Сизов у Ти-Суеви.

Тот не ответил, изумленный бесстрашием Натки. Так вот зачем ушла она, оставив его одного на заставе. Но ведь она так боялась проказы и этой старухи Лихибон!

— Да, золото, — повторила Натка и протянула

Сизову руку, крепко сжатую в кулак.

Сизов осторожно разжал ее пальцы.

На подставленную ладонь его упало пять камешков: два белых и гладких из кварца, два черных и круглых из шпата и один желтый, блестевший кое-где.

Сизов поднес его к глазам.

— Не зря тут старуха путается, — сказал он задумчиво. — На золото не похоже, но металл обязательно есть.

И Сизов поднял Натку на ноги и сказал ей:

— Спасибо!

Потом, как взрослому, подал Ти-Суеви руку и тоже сказал:

— Спасибо!

Ти-Суеви молчал. Толстые губы его были раскрыты, сердце переполнено — радость волновала его. Хорошее слово «спасибо»!

Пусть сказал это слово только стрелок, пограничник Сизов. Но зато он умеет подражать крику многих птиц в лесу. Он хорошо знает травы и камни, он срывает листья с ясеней и прикладывает их к щеке, быть может, для того, чтобы приласкаться к ним.

И, не зная, что сказать Сизову, Ти-Суеви схватил Натку на руки и вынес ее из ямы.

Сизов удивился силе его рук и плеч.

— Стой! — сказал он. — Что ты делаешь? Давай я отнесу.

Но Натка вдруг встала сама и пошла. Ноги держали ее крепко и несли ее тело легко. Натка рассмеялась. Рассмеялся и Сизов.

— Ну вот, — сказал он, — все в порядке.

И пока дети шли вдоль поля по тропинке к морю, он все стоял на краю ямы и долго смотрел им вслед.

Дети уже были далеко. Они обернулись.

Сизов возвращался на заставу.

Узкая долина поднималась кверху без уступов. Заходило солнце. Не кричали птицы. Без шума взбегали на сопку еловые леса.

Неужели здесь, в этой необычайной тишине, происходила страшная погоня?

Ти-Суеви думал об этом, осторожно шагая вслед за Наткой.

Да, здесь. Лицо Натки распухло, и на руках еще свежи были царапины, и собственные туфли Ти-Суеви были пробиты сучками насквозь.

— Хорошо, что его поймали, — сказал Ти-Суеви. — Ведь это — внук Лихибон. Он не мальчик, не сумасшедший и вовсе не болен проказой.

Натка молчала.

Она шла медленно, прислушиваясь и словно ожидая, не покажется ли снова враг. Но кругом было тихо. И только издали доносилось слабое шипение океана.

Ти-Суеви тронул Натку за плечо.

— Ты слышишь, внук Лихибон не был болен проказой, — повторил он. — Это был враг.

И, как всегда, Натка ответила не так, как ожидал Ти-Суеви. Но она сказала то, чего он так сильно желал.

— Хорошо тут у вас жить, Ти-Суеви, — вдруг сказала она.

Он посмотрел ей в лицо.

Она говорила правду.

Тогда Ти-Суеви опустил глаза к земле. Он улыбнулся. Он взял руку Натки в свою и снова оставил, чтобы забежать вперед и отшвырнуть ногой несколько острых камней, лежавших на ее дороге.

Они вышли на берег.

Навстречу им из Тазгоу шла с красноармейцем Лихибон. Деревянные башмаки ее стучали по гальке, жесткие волосы поднимали на голове платок и развевались по ветру.

Она уже не собирала ни камней, ни молодой крапивы для своего поросенка. И даже тонкая

морская трава, даже морская капуста, выброшенная волною на берег, не привлекала ее внимания.

Она прошла близко, посмотрев на Ти-Суеви смутным взором.

И Ти-Суеви не посторонился.

Он запел веселую песенку.

А это вовсе не то, что следует делать, когда встречаешь на дороге старуху.

Дети двинулись дальше по берегу, к бухте. Они шли, а у ног их, как на цепях, качался и тихонько скрипел океан.

Ворчал прибой, катаясь по твердому песку, журчал на гравии, ворочался меж высоких и низких скал.

И, шагая вдоль границы прибоя, Ти-Суеви думал о том, что теперь, пожалуй, он не станет разводить в Тазгоу арбузы, если Натке и без них здесь жить хорошо.

Сергей Владимирович Михалков
Шпион

Сергей Михалков

Он, как хозяин, в дом входил.
Садился, где хотел.
Он вместе с нами ел и пил
И наши песни пел.
И нашим девушкам дарил

Улыбку и цветы,
И он со всеми говорил,
Как старый друг, «на ты».
Прочти. Поведай. Расскажи.
Возьми меня с собой.
Дай посмотреть на чертежи.
Мечты свои открой.
Он рядом с нами ночевал,
И он, как вор, скрывал,
Что наши ящики вскрывал
И снова закрывал.
И в наши шахты в тот же год
Врывалась вдруг вода.
Горел химический завод,
Горели провода.
А он терялся и дрожал,
И на пожар бежал,
И рядом с нами он стоял,
И шланг в руках держал.
Но мы расставили посты.
Нашли за следом след.
И мы спросили:

— Это ты?
И он ответил: «Нет».
Мы указали на мосты,
На взрыв азотной кислоты,
На выключенный свет.
И мы спросили:
— Это ты?
И мы сказали:
— Это ты!
Но трус ответил: «Нет».
— Гляди, и здесь твои следы, —
— Сказали мы тогда:
— Ты умертвить хотел сады,
Пески оставить без воды
Без хлеба — города.
Ты в нашу честную семью
Прополз гадюкой злой,
Ты предал родину свою.
Мы видим ненависть твою.
Фашистский облик твой!
Ты занимался грабежом,
Тебе ценой любой

Твои друзья за рубежом
Платили за разбой.
Чтоб мы спокойно жить могли.
Ты будешь стерт с лица земли!
Есть в пограничной полосе
Неписанный закон;
Мы знаем все, мы знаем всех:
Кто я, кто ты, кто он.
Чтоб в нашу честную семью
Не проползли враги,
Будь зорче! Родину свою,
Как око, береги!
Будь рядовым передовым
Бойцом.
Чекистом,
Часовым!

Иван Батурин
Коричневая пуговка

Иван Батурин

На маленькой станции, почти скрытой лохматыми ветвями сосен, в вагон вошел пассажир. На нем был стального цвета плащ, в руке — чемодан. Он был усталый, сонный, точно без отдыха про-

шел большой путь. На его щеках топорщилась давно не бритая рыжеватая щетина.

Пассажир, положив вещи на свободное место, по-матроски, враскачку, подошел ко мне. Глубоко и шумно вздохнув, он с восторгом произнес:

— Какой чудный воздух, — нектар!

— Сибирский, ягодный.

Поезд огибал деревню. По дороге с граблями, туесками шли девушки, они протяжно пели:

«На сторонушку родную
Ясный сокол прилетел...»

Пассажир поспешно выглянул в окно, но, зацепившись за оконницу коричневой, блестящей, как жук, пуговицей, быстро выпрямился и громко воскликнул:

— Какая интересная песенка!.

— Народная, — сказал я.

— Да, — живо подхватил мой собеседник. — Между прочим, песня — моя страсть. А бы любите музыку? Я утвердительно кивнул головой.

— Вы, наверное, сибиряк? Хотите, я вам сыграю старинную сибирскую песенку?..

Не дожидаясь ответа, мой сосед открыл футляр и вынул новый баян. Распахнув полы плаща, он по-ухарски запрокинул голову, провел пальцами

по перламутровым ладам и хриповато запел:

«Глухой, неведомой тайгою.
Сибирской дальней стороной...»

Мягкие, полные тоски звука заполнили вагон. Возле нас столпились пассажиры. Мой сосед, польщенный вниманием, стал исполнять русские классические произволения. Его лицо то хмурилось, то оживлялось.

Когда пассажиры разошлись по своим местам, баянист, вытирая платком лицо, спросил:

— Ну, как?

— Хорошо. Вы мастер.

Он задумался на минуту и, как бы про себя, сказал:

— Музыка — это жизнь. В ней все: слезы, огонь, гром... Вы знаете, как играл Паганини? О, это был замечательный скрипач!

Хотелось спать. Геолог, подвернув под голову руку, прислонился к стенке и, полузакрыв глаза, украдкой, испытующе смотрел на меня. В полночь, проснувшись от сильной качки вагона, я взглянул на геолога и удивился — его веки по-прежнему были полуоткрыты. Что за странная привычка?

Когда забрезжил серенький рассвет, я под-

нялся и хотел ещё раз взглянуть на соседа, но место напротив меня было пустым. Я вышел в тамбур. Геолог стоял в проходе вагона и как-то необыкновенно, точно слепой, ощупывал верхнюю пуговицу плаща. Было прохладно, справа и слева сизой дымкой курились сонная тайга и желтые разливы хлебов. На востоке пламенело чистое небо.

Увидев меня, пассажир восторженно воскликнул:

— Взгляните, какая красота!

Днем мой спутник играл на баяне, пел и подолгу стоял в тамбуре. Вечером, как и в первый раз, он лег на свое место, полузакрыл глаза и замер. Спал он или нет?

Мы ехали третьи сутки. Геолог, как и в первый раз, играл на баяне, выходил в тамбур или стоял у окна, но спать ложился поздно и голову накрывал плащом. Или он не хотел беспокоить меня своим ненормальным положением во время сна, или… Нет, в этом было что-то другое.

Мысли роились в моей голове. Я пытался отогнать их, старался забыть о баянисте, но не мог. Какая-то неудержимая сила тянула меня к нему, подталкивала и чем больше я сопротивлялся, тем сильное мне хотелось видеть геолога.

Собственно, я не имел никаких оснований подозревать в чем-то этого необыкновенного пассажира и, пожалуй, я оставил бы его в покое, если бы не одно обстоятельство. Произошло это на одной из станций, густо обсаженной березами. Остановка поезда была не продолжительной. Я сошел на перрон.

— В вагоне появился подозрительный субчик, — с ноткой недовольства сказал баянист — и направился в буфет.

«Субчик!» — Я вбежал в вагон, но там почти никого не было. Пассажиры прогуливались у поезда, на перроне. «Субчик!». Какое чудное слово! Значит вор или… Но где он его видел?

Маленькая колючая мысль-догадка зашевелилась в мозгу. Я подумал и решительно зашагал на вокзал… Этот день был одним из тревожных дней в моей жизни. Я чуть не отстал от поезда. Еле-еле успел вскочить на ступенька последнем вагона.

Когда я, запыхавшись и потный добрался до своего места, то узнал, что геолога в поезде нет. Вскоре старший проводник вручил мне короткую телеграмму: «Благодарим, задержали шпиона».

Лев Абрамович Кассиль
Дядя Коля, мухолов

Лев Кассиль

Дядя Коля, мухолов

Глаза на затылке

— Так-то вот лучше, — сказал он, когда сдавленная в его пухлых пальцах зеленая мушка перестала жалобно звенеть и сучить лапками. — Так-то лучше, — повторил он. Достал из сумки флакон, не спеша отвинтил пробку, капнул чем-то на ватку. Кругом запахло аптекой. Мальчики подвинулись еще ближе, стараясь заглянуть ему через плечо.

— Мухус-цокотухус обыкновенная, так и запишем, — нараспев, себе под нос, протянул веселый мухолов и насадил мушку на длинную булавку.

— Ничего, что мы смотрим? — спросил Ларик, чтоб как-нибудь начать разговор.

— Очень даже чего, — сказал мухолов, не обернувшись, — смотреть дозволительно, а подсматривать форменный срам. А вы, молодые люди, подкрались тихонечко и именно подсматриваете. Я уже давно тени ваши вижу. Я все вижу. Вот я не оглядываюсь, а прямо вам скажу: у молодого человека, который стоит у меня слева за спиной, нос того… сыроват.

Ларик поспешно шмыгнул носом. Нос действительно был мокрый. Ларик немножко простудил-

ся вчера, бегая босиком по лужам после дождика. Но откуда об этом узнал мухолов? Ведь насморк на тени не выходит…

— Я все знаю, — продолжал мухолов, не оборачиваясь и продолжая возиться со своими коробками. — У меня там сзади, на затылке, глаз есть, под картузом, не видно только! Все знаю! Вы уже три дня все за мной ходите, по кустам прячетесь… Один из вас кудлатый, другой стриженый. Стриженый, удочку держит.

— Это и я так могу, по тени, — сказал Вадька, приятель Ларика, — хитрый вы, тоже.

Мухолов обернулся и весело посмотрел на мальчиков.

Странный дачник

Глаза у него были белесо-голубые, какие бывают у грудных младенцев, нос лоснился, красный и облупившийся. Мухолов улыбнулся, и у него смешно дернулась светлая мочальная бородка.

— Ну, ладно уж там, за спиной хорониться, — сказал он. — Заходите с красного крыльца. Милости прошу.

Мальчики обошли разложенные на земле банки, коробки, сачки и встали перед мухоловом. И Ларик и Вадька были весьма смущены. Действительно, они уже три дня высматривали из кустов этого странного дачника. Он ходил по лесу, бродил вдоль речки, выуживал что-то из воды. Размахивая большим зеленым сачком, он носился за бабочками. На дачнике-мухолове были широкие парусиновые брюки, чесучевая косоворотка, перепоясанная черным толстым шнуром с кистями, сандалии на босу ногу, черный, отливающий на солнце пиджачок из альпага, а на голове смешной картуз из люфы, вроде каски. «Спереди — здравствуй, сзади — прощай», называют такие картузы. Потому что у них два козырька: один спереди, другой сзади. В руках

дачник носил, кроме сачков и удочек, небольшой длинный баульчик. Такой был нарисован на одной из карточек старого детского лото, которое подарила Ларику тетка. В лото это называлось: «Ботаническая коробка».

— Вот, молодые люди, — сказал мухолов, слегка и приятно окая, — собираю мушек, жучков ловлю, бабочек. Ну-с, а вы чем промышляете?

— Мы рыбу удим, — сказал Ларик, — только она никак не удится совсем. Не клюет никак, и все.

— Рыбу удите? Тоже превосходное занятие. Ну, я вас научу, я секреты рыбьи все наперечет знаю.

— Вы тут на даче тоже? Дачник? — спросил Ларик.

— Вот именно, — воскликнул веселый мухолов, когда я в даче, я дачник, когда у дачи — удачник, когда не у дачи — неудачник, а если за дачей — задачник. Что, ловко? Вот то-то и оно-то!

Мальчики переглянулись: им понравился этот словоохотливый смешной человек.

— А вы где работаете? — спросил Вадька.

— Везде и повсеместно, — сказал мухолов и широким жестом обвел рукой лес, реку, небо, огороды вдали.

— В командировки ездите? — спросил Вадька.

— Природу изучаю, мир и его окрестности,

служу науке.

— Я знаю, вы натуралист, — сказал Ларик, и Вадька посмотрел на приятеля с уважением, но тотчас сделал равнодушное лицо.

— А почему на вас картуз банный? — спросил он, — как все равно из мочалки?

— Не банный, а люфяной, — сказал мухолов. — Ну-с, юноши, будем продолжать охоту. Желаете помогать? Дружба — дружбой, а служба — службой. Так-то вот лучше. Пошли!

Кот Чернобрыс и пчела Жоржетта

И вот они идут по лесу: два друга и веселый мухолов — его, оказывается, зовут дядя Коля, а по-настоящему — Николай Петрович Сидоров. Все на свете знает мухолов! На каждом шагу, на любой тропинке, у всякого кустика он находит что-нибудь новенькое, удивительное, о чем мальчики и не подозревали. Он видит лисий помет, он находит летучую мышь в дупле, он вспугивает дятла с сосны, он показывает следы белочки на коре. Он здоровается с каждой травинкой, с каждым цветком. Весь лес ему знаком. Он видит насквозь муравейник и рассказывает ребятам очень смешные муравьиные истории. Папоротники, мхи, трут — все он замечает, про все он знает что-нибудь интересное. Потом они выходят из леса и идут мимо большого колхозного двора. И тут тоже все оказываются знакомцами дяди Коли. Всех он наделил смешными кличками и прозвищами. Вот возится в куче навоза хлопотливая курица Феклушка, вот сидит на стогу петух Кирик, зашипел у забора гусь Гога. Выскочила из ворот и завиляла хвостом собачка Фунтик. А с забора недовольно посмотрел на нее зеленогла-

зый кот Чернобрыс. Пролетела пчела Жоржетта. Ероша перья, скребя крыльями землю, растопырив веером хвост, заболтал, забормотал сердитый индюк Миклуха-Маклай. И со всеми с ними дядя Коля здоровается и каждого знает по имени.

С этого дня для Ларика началась совсем новая жизнь. Едва встав, он уже мечтал о встрече с дядей Колей. Ему казалось, что он уже ни одного дня не сможет прожить без этого удивительного и всезнающего человека. До того как появился в Клементьевке этот веселый дачник со своим баулом, Ларик очень скучал на даче. Дача была большая, просторная.

Эту дачу подарили отцу Ларика, известному конструктору Ф. Отец строил замечательные самолеты, быстрые и красивые. Ему за это дали два ордена и отличную дачу. Но дача не нравилась Ларику. Она была слишком городская. Телефон, электричество, ванная, водопровод. Совсем как в городе. Ларику казалось, что гораздо интереснее было бы, если бы сквозь щели был виден сад. За водой надо было бы бегать к колодцу, и во время дождя с потолка бы капало… Тогда бы по крайней мере чувствовалась настоящая дача.

Мама уехала в Крым лечить почки. Отец приезжал из города и тотчас уходил к себе наверх, где у

него был кабинет, мастерская с большими окнами. Он там что-то чертил, писал, и за большими стеклами поздно ночью горели яркие электрические лампы. А всем распоряжалась тетя Женя, которую Ларик обещал слушаться, когда мама уезжала. Но с теткой Ларик не ладил. Она была очень скучная и боялась мокриц и ящериц. То ли дело дядя Коля! Вот с этим можно было водиться всерьез.

Ранним утром Ларик и Вадька с нетерпением поджидали дядю Колю в условленном месте, у речки.

— Вон он идет, дядька этот, насекомый, — говорил Вадька, — ой, и чудак!..

И дядя Коля появлялся в своих широких, растоптанных сандалиях, люфяном картузе, вооруженный удочками, сачком, со своим неизменным баульчиком. Ларик даже ревновал сперва дядю Колю к Вадьке. Но чудесный мухолов оказывал предпочтение Ларику, хотя Вадька был уже в третьем классе, а Ларик перешел только во второй.

«Общество Зеленого Сачка»

Мальчики помогали дяде Коле ловить жуков, бабочек. Они собирали гербарий. Они удили рыбу. Дядя Коля действительно знал секретное рыбье слово. «Чигорчух!» — восклицал он, закидывая блесну, ловко сматывал лесу, и рыба — тут как тут! — блестела, выдернутая из воды. Он знал сотни таких историй, что некогда моргнуть, когда их слушаешь. «Вот у нас на верховодье в Нижегородской бывшей губернии...» — начинал он, и ребята, широко раскрыв глаза, разинув рты, часами слушали его. Он знал повадки птиц, ежей. Он разгадывал хитрости рыбы и зверя. Только один раз ребятам удалось доказать, что и они знают кое-что такое, чего не знает дядя Коля. Они лежали в тот день на песке у пруда, они смотрели в небо. И в небе, урча, прошел от облака к облаку самолет.

— «БФ», — сказал Ларик, взглянув на небо.

— Это его отца, — сказал Вадька, кивнув на Ларика, — его папу Богдан Георгиевич зовут, а фамилия на фе начинается. Это он строил, вот и назвали «БФ».

Но дядя Коля не проявил никакого интереса к

самолету.

— Я, братики мои, козявки мои дорогие, — сказал дядя Коля, — я в стрекозах разбираюсь, птицу тоже чувствую. Кое-что в жуках соображаю. А вот эта штука мне до сих пор не вполне понятна. Как-то влечения не ощущаю.

Мальчики были даже немножко огорчены. Самолеты казались и Ларику и Вадьке самым главным в жизни. Но через минуту они хохотали и катались по песку. Потому что Ларик спросил лукаво: «А почему летает самолет, знаете?» А дядя Коля простодушно ответил: «Пропеллером воздух под себя подгребает, ну, вот и того… летит». Впрочем, тут же дядя Коля предложил мальчикам смастерить большую летающую модель стрекозы. В стрекозах он знал толк.

Стали готовить материал для стрекозы. Еще до этого дядя Коля предложил создать тайное, — обязательно тайное, иначе неинтересно, — «Общество Зеленого Сачка». Никаких секретов тут не было. Но мальчикам очень нравилось, что тут была тайна. Такие простые занятия, как ловля бабочек, катанье на лодке, ужение рыбы, просушка растений для гербария, — все это у дяди Коли выходило интересно и таинственно. И когда Ларик встречался с Вадькой где-нибудь на лю-

дях, оба таинственно переглядывались, а Вадька толкал Ларика локтем в бок и говорил: «Зеленый сачок?», на что Ларик, заговорщицки осмотревшись вокруг, отвечал: «Черный жучок»… Ларик был очень доволен, что у него теперь есть тоже своя тайна. Раньше тайны были только у отца. Отец не позволял входить к нему в мастерскую. Уходя, он запирал дверь на ключ. В последнее время отец работал очень много и целую неделю прожил на даче, почти не вылезая из своего кабинета. Иногда он по вечерам выходил к чаю. Глаза у него были натруженные, воспаленные. Облачко табачного дыма входило вместе с ним. Он потягивался, подхватывал подмышки Ларика, вскидывал его кверху и говорил:

— Ну-с, Ларец, полетим, брат, скоро!

— Куда полетим, на чем?

— Много будешь знать, так борода вырастет…

Стрекоза была уже почти готова. Из тонкой проволоки были сделаны крылья, из картона — зеленое туловище. Теперь надо было обтянуть проволочный каркас чем-нибудь упругим, прозрачным. Дядя Коля попросил Ларика достать у отца кальки. Но, как назло, ночью отец уехал в город.

«Зеленый сачок, черный жучок...»

Утром тетка ушла на станцию за хлебом и ягодами. Ларика оставили сторожить дачу. Вдруг он увидел, что на террасе появился дядя Коля. Ларик очень удивился. До этого дядя Коля никогда не приходил к ним на дачу. Дядя Коля не любил людей, дядя Коля любил лес и дружил только с Лариком и Валей.

— Ну каково поживаем, где калька? — опросил дядя Коля. — Дело, брат, за тобой — все готово. Стрекоза получается всем на удивление.

Ларик сообщил, что отец уехал. Дядя Коля как будто очень удивился.

— Уехал? Ну? Вот так оказия! Ну, ничего, мы немножко возьмем, ему останется вдоволь.

Второй ключ от отцовского кабинета лежал в столе у тетки. Ларик знал это. Но разве можно нарушить запрет?! Отец ведь никому не велел входить в кабинет.

— Нет, как же... ну, раз нельзя если, — жалобно сказал Ларик.

Он боялся, что дядя Коля будет настаивать, но дядя Коля понял...

— Понятно, неловко, — согласился дядя Коля, —

да у тебя, верно, и ключа-то нет. Так бы и сказал, чего же тут огород-то городить!

— Нет, ключ-то у тетки в столе, — сказал Ларик, но раз нельзя...

— Ну, раз нельзя, так нельзя, что ж тут толковать! — воскликнул дядя Коля. — Конечно, отца ослушаться — последнее дело. Молодец, Ларион!

Он задумался и посмотрел в окно. В окно доносились веселые взвизги и крики играющих в волейбол на соседнем участке.

— Ну, хвалю за стойкость, — сказал дядя Коля, — идем, брат, я тебе за это такого жука-плавунца покажу что ты сроду не видел. Богатырь жук, целый броненосец! Где у вас вода?

Они пошли в ванную. Дядя Коля открыл кран. Ларику казалось, что вода на этот раз течет как нарочно медленно. Ему не терпелось скорей увидеть жука-плавунца, которого принес в темной банке дядя Коля. Когда ванна была заполнена, дядя Коля выпустил в воду обещанного плавунца. Жук действительно был исполином. Огромный, словно черепаха, он поплыл, шевеля мохнатыми лапами.

— А ты подуй, подуй на него, — сказал дядя Коля.

Ларик перегнулся через борт ванны и, почти

касаясь губами воды, стал дуть на жука. И вдруг мягкие руки дяди Коли, ставшие необыкновенно жесткими и злыми, схватили его за плечо и за затылок и резко ссунули в воду. Ларик хотел закричать, вода полезла ему в нос и в рот. Он стал биться, захлебываться. Вода, казалось, сейчас разорвет ему уши, нос, грудь…

* * *

Дядя Коля не спеша вытирал мокрые руки о мохнатую простыню, висевшую на колонке. Мухолов был немножко бледен. Он еще раз торопливо взглянул на неподвижного Ларика. Голова мальчика и плечи оставались в ванне, под водой.

— Зо ист бессер, — сказал мухолов по-немецки, — так-то лучше.

Пояснения капитана К

— Вот какая история произошла не так давно в поселке Клементьевке, — сказал капитан К., кончив рассказывать мне о коварном мухолове и бедном Ларике. — Вы бы, — продолжал капитан К., — написали об этом книжечку… Такие вещи не мешает знать и большим и маленьким.

— Погодите, погодите… Что же дальше было? Так и погиб Ларик? Что дальше?

— Дальше вот что было.

Мухолов мигом достал ключ из теткиного стола, кинулся в мастерскую инженера и быстро стал собирать папки с чертежами, которые оставил отец Ларика. Но в эту минуту он услышал чьи-то шаги на террасе.

— Ларик… Фью-ю-ю!.. Ларка, ты где?.. Да Ларик же! — кричал Вадька, бегая по даче. — Ларик, ты чего там делаешь в ванне?

Мухолов бросился к окну, услышал знакомый голос и свист.

И вдруг Вадька замолк… Мухолов понял: Вадька увидел… Схватив чертежи, мухолов выпрыгнул через окно в сад и бросился в кусты.

Вадька сам чуть не умер от страха, когда уви-

дел, что голова Ларика под водой. Он обхватил обвисшее тело Ларика и вытащил его из ванны. Через секунду дачники, игравшие в волейбол на соседнем участке, услышали отчаянный вопль:

— Ой-ой… Скорей!.. Ларик захлебнулся… Не дышит уже… Ой, скорее, скорее!..

С большим трудом доктор, прибежавший из соседнего дома отдыха, вернул Ларику дыхание и жизнь. Прошло немного времени, и наконец Ларик открыл глаза.

— Ну, мальчуган, — сказал уставший, но довольный доктор, — приди твой приятель на минутку позже, уже поздно было бы… Как же это ты так нырнул?

— Меня дядя Коля, дядя Коля… Зеленый сачок… Черный жучок!.. — закричал вдруг Ларик, трясясь, но, взглянув на Вадьку, замолк.

Но тут перепуганная тетка хватилась ключа. Увидели, что кабинет инженера открыт, чертежи разбросаны… окно настежь.

В ванне продолжал плавать большой жук-плавунец. Он греб мохнатыми лапами, тукался в борт ванны, пытался вскарабкаться, но срывался со скользкой эмали.

— Это мой жук, — узнал Вадька, — я его вчера дяде Коле поймал. Разве дядька тут был?.. Да

будет уж секретничать… Зеленый сачок, черный жучок…

Так все выяснилось. Мальчики раскрыли тайну, рассказали о своем знакомстве со странным дачником. Описали его наружность. Через час мухолов был задержан на станции. У него отобрали украденные чертежи.

И оказалось, что дядя Коля был на самом деле совсем не Николаем и не Сидоровым. У него было совсем другое имя. Он был иностранец. Он пробрался к нам из-за границы. Он был фашистский шпион.

Отец Ларика держал у себя на даче важные секретные чертежи, хотя по правилам такие чертежи надо хранить в специальном месте. Шпион узнал, где живет на даче инженер Б.Ф. Он поселился по соседству, прикинулся натуралистом-мухоловом, нарочно заинтересовал своим таинственным поведением мальчиков, подружился с ними. Потом он узнал от Вадьки, что отец Ларика уехал в город. Шпион выследил, когда тетка ушла и Ларик остался один. Чтоб Ларик потом не смог выдать его, мухолов решил убить мальчика, тихо, без шума… В воде Ларик не мог кричать.

— Вот какая история была в тихой нашей мест-

ности, — сказал в заключение капитан К., — вы бы написали об этом. Такие вещи не мешает знать и большим и маленьким, — повторил он.

Самуил Яковлевич Маршак
Пограничник

Самуил Маршак

Пограничник

Гудит на границе манчжурская вьюга,
По свежим сугробам шагают два друга.
Идут вдоль границы в метель и мороз

Герой-пограничник и друг его — пес.

Винтовку с плеча пограничник снимает,

Холодным прикладом к плечу прижимает,

Шагах в двадцати здоровенный бандит,

Как белый медведь, за сугробом сидит.

— Сдавайся, — кричит пограничник шпиону.

Оружье бросай — и тебя я не трону.

Тебя на заставу доставлю живьем! —

Но выстрел в ответ прокатился, как гром...

Упал пограничник. В груди его рана.

Пред ним опустилась завеса тумана.

Он ловит затвор ослабевшей рукой,

Разносится выстрел — один и другой.

Бандит заметался, подстреленный в ногу,

Но тут ему пес перерезал дорогу.

Врага он за горло схватить норовит...

Качнулся — и рухнул подбитый бан-

дит.

Бандиту — конец. Пограничнику — слава.

Героя с почетом встречала застава.

Владимир Сергеевич Курочкин
Морской чёрт

Виктор Курочкин

Морской черт

1

Как только Тишка спрыгнул с крыльца, Валенца и Петька Бондя подскочили к нему и схватили за руки. Он рванулся вперед, но мальчишки крепко держали его за кисти рук. Они загнули их ему за спину и стали медленно пригибать к земле.

— Сдаешься?

— Черта с два!

— Сдаешься, Тихон?

— Нет!

— А теперь сдаешься?

— Ой, больно!.. Сдаюсь!

Они отпустили его и отбежали в сторону. Тишка выпрямился и расправил онемевшие руки. Вот не повезло-то! Совсем ведь забыл, что кто с утра сдается, так тому весь день под чужой властью ходить.

— Ну, а теперь что? — спросил Тишка угрюмо.

— Перво-наперво купаться пойдем, — сказал Валенца и подтолкнул локтем Петьку Бондю.

Ишь черти! Значит, нырять заставят. Они всегда к нему пристают и мучают, показывая всем, как какое-нибудь чудо-юдо морское. Вот и сегодня какого-то «сачка» с собой привели. Тоже стоит

тут и глаза, как рак, вылупил.

— Мы хотим к Морскому Черту идти, — сказал Валенца.

— Я не пойду. Туда два часа тащиться. От жары сдохнешь.

— Захотим — сдохнешь, а захотим — живой останешься. Ты нам сдался, и всё. Вот он тоже нам сдался. Он теперь с нами до вечера ходить будет.

— А кто это такой?

— Это Петькин братень двоюродный. Он погостить сюда прикатил. Эй, Гришук, иди-ка сюда! Ну-ка, скажи ему, где ты жил.

Белобрысый мальчишка с длинными красными руками, стоявший в стороне и молчаливо наблюдавший за Тишкой, подошел ближе. Стесняясь своих рук, он спрятал их за спину. А глаза отвел в сторону: Тишка слишком вызывающе смотрел на него.

— Я издалека. Мы в Хумми живем. Это на Амур-реке находится.

— Нет, — сказал Тишка, — это всё враки. Нет на свете такого названия. Что это такое за Хумми?.. Это только у нас так птахи ночью кричат: хум-ми! хумми!

Последние слова он прокричал тоненьким, жалобным голоском. Валенца захохотал. Петька

Бондя вышел вперед и, выставив плечо, сказал Тишке:

— Ты что его задираешь?

— А он меня не задерет, — остановил его Гришук. — Я правду говорю. У нас там и озеро есть. Оно тоже Хумми называется.

— Ну и пусть! — сказал Тишка. — Пусть Хумми, пусть Бумми или даже Фрумми. Все равно самый настоящий класс — это купаться в море, а не в озере.

— Полундра! — закричал вдруг Петька Бондя, указывая на окно Тишкиного дома. Там появилось сердитое женское лицо.

Вся компания мигом покинула двор и, пробежав по улице, ворвалась в лес.

Поселок был расположен на границе, у Японского моря, в десяти километрах от бухты Терней, и находился он в самом центре лесоразработок. Человек уже давно проник в эти края и сумел обжиться здесь, но лес все еще не терял своего дикого, первобытного вида. Вековые деревья теснили друг дружку так, словно шла между ними борьба не на живот, а на смерть за обладание лишним кусочком земли, лишним клочком воздуха. Стеной стояли высокие мачтовые, в несколько обхватов, сосны. Корни их, враждуя,

переплетались между собой в почве, как пальцы, и с силой ломали друг друга. И, если дерево не выдерживало напряженной схватки, оно заваливалось набок.

Тропинка пошла под уклон, и ребята влетели с размаху в высокую, по колено, сырую траву. Они побежали, высоко поднимая над ней ноги. Валенца сплеча рубил гибким хлыстом голубые головки колокольчиков и кричал:

— Эх… эх! Голова с плеч!

Внизу пахло гнилью, а сверху тянуло сухим смолистым воздухом.

— Ну что же, ребята, мы до вечера застрянем в этой канаве? — сказал Тишка. — Забирай левее! Валька, брось ты махать-то зря! Полезай выше!

Валенца пригрозил ему кулаком, но все же свернул влево. Там на мальчишек надвинулись коричневые, с черными пятнами утесы. Это были отроги Сихотэ-Алинского хребта. Сам он лежал намного западнее, а сюда, к морю, дотягивались лишь его каменные щупальца. Они были покрыты растительностью. Цепляясь корнями за расселины, упорно тянулись к свету кедры, ели и густой кустарник. Корни деревьев, как сверла, буравили камень и ломали его, пробиваясь к почве. Путь их был отмечен извилистыми трещинами.

Мальчишки полезли наверх.

Добравшись до ровной площадки, побежали, лавируя между деревьями. Скоро ребятам стало жарко, и они сняли рубашки. Тишка сделал руки кренделем и натужился, показывая, какие у него на груди мускулы. Пусть полюбуются.

— Не хвались, кума, — сказал Бондя и тоже натужился.

Гришук и Валенца последовали их примеру. Тишка увидал, что мускулы у приятелей ничем не отличаются от его: такие же упругие коричневые бугорки. Тогда он крикнул:

— Ну вот и остановились! Что, вам время не дорого, что ли? Эй, вы…

Голос Тишки зазвенел от обиды, и эхо подхватило его последние слова. Оно отразилось от скал, ушло к морю и вернулось снова, чтобы замереть у самых вершин деревьев.

Лес ни на минуту не умолкал. Долбил дятел, куковала кукушка. Далеко в лесу визжала пила паровой лесопилки. Стучали топоры дровосеков, а временами лес наполнялся странным шумом. Словно паровоз на полном ходу врезался в чащу, ломал деревья и останавливался, выпуская с жалобным, стонущим звуком пар. Это умирало дерево, сваленное дровосеком. Но и после этого

лес не умолкал. Жизнь торжествовала.

Через полчаса к лесным звукам прибавился шум морского прибоя. А когда мальчишки прошли еще с полкилометра, этот шум уже подавлял собой все.

Ребята вышли к морю. Оглянувшись, они увидали сквозь стволы пихт синеющие вдали круглые, словно покрытые щетиной лесистые вершины. Глубокие пади, разрезая горы в различных направлениях, сбегали к долине, которую мальчишкам не было видно.

— Вот он, наш Морской Черт! — сказал Валенца.

Ребята подошли к обрыву и заглянули вниз. Над водой висели рыжие, с прозеленью отвесные скалы. Мутно-зеленые, с белой паутиной лены валы воинственно налетали на камни и, дробясь, как стекло, откатывались назад. И только после этого до мальчишек долетал звук хлесткого удара волны.

— Ты брось, Валька, врать! Его отсюда и не видно совсем. До него еще топать да топать.

— Это ты, тетеря, не видишь, а я ясно вижу. Вон он: черный, с двумя рожками и хвостом.

— А что это такое Морской Черт? — спросил Гришук.

— Это камень такой. Очень на черта похож.

— Он тебе расскажет, ты его послушай! Это ведь Валенца — он врет в три коленца.

— Э, да перестаньте вы тут галдеть! Посмотрите-ка лучше сюда. Кто это вчера говорил, что хорошая погода целый месяц будет? Посмотрите-ка.

Далеко справа и море и часть суши были словно срезаны ножом. Мальчишки увидали ровную серую полосу тумана, которая, не двигаясь, не приближаясь и не удаляясь, закрывала от глаз полмира. Здесь у них светило солнце. Оно хотя и плавало в молочной дымке, напоминая собой яичный желток, но парило так сильно, что даже пот проступал на коже. А вот в десятке километров отсюда, в тумане, было и холодно и сыро.

— Уже мыс Первенец закрыло. Ну, теперь прощай хорошая погодка!

— Вот не везет! В прошлом году весь август гнилым был. И в этом году то же самое выходит.

— Да бросьте вы ныть-то! Сюда туман только к ночи дойдет. Успеем еще. А ну, давай вниз!

— И то верно. Нужен нам этот туман, как собаке барабан. Эх, хоть два денька, да наши! Катай веселей!

— А ну, подбавь пару!

— Эй, эй!..

2

С суши вход в бухту Морского Черта закрывали обточенные водой позеленевшие крупные камни. Многие из них потрескались и осели, заваливая естественные проходы к морю. Дорожка с горы круто заворачивала, огибая скалы, и выходила прямо на узкую песчаную полосу, отделяющую воду от камней. Бухточка была очень маленькая. Горы и несколько суженное устье защищали ее от излишних порывов ветра. Здесь было и жарче и тише, чем у бурых скал, где волна била прямо в лоб.

— Да поглядите же наконец на Морского Черта! Он соскучился без нас.

— А он совсем даже на черта не похож. Просто черный камень, — сказал Гришук.

— Вот еще! Тоже приехал свои порядки наводить! Раз тебе говорят, что это Морской Черт, значит верь, а то…

— Да не приставай ты к нему, Валенца! Эй, Гришук, раздевайся!

Тишка уже снимал штаны. Остальные, побросав рубашки, разлеглись на песке.

— Чем это так пахнет? — спросил Гришук.

— Чем! Морем. Не понимаешь, что ли?

Тишка с сожалением посмотрел на белобрысого мальчишку. Тоже человек!.. Не знает, чем море пахнет. И он с особым удовольствием набрал в легкие просоленный морской воздух. У него даже защипало в ноздрях, настолько здесь вода была насыщена подом. Эх, и хорошо, же! Тишка пихнул ногой почерневшие, выкинутые морем гниющие водоросли. Ишь, сколько их здесь! А еще больше вон там, поправее, где кончается песок и начинается противная осклизлая галька. Там на дне — целый лес водорослей. А что, если взять да и показать этому «сачку» самое интересное?

— Эй, Гришук, поди-ка.

Тишка повел его вдоль берега.

— Вон, — говорил Тишка, указывая на тухлую, выброшенную морем рыбу. — Наблюдай. Вон, — сказал он, ткнув пальцем в засохшие розоватые морские звезды, полузасыпанные галькой.

И, видя на лице Гришухи удивление и восторг, он разошелся окончательно и подвел его совсем близко к воде.

— Вон. Тише только, — показал он на красневшие между камней в воде похожие на апельсины шарики. — Это морские ежи.

Он поднял гальку и бросил ее в море. Вода за-

мутилась, побежали круги, а когда они исчезли и дно опять стало ясным, морских ежей уже не было. Только в самой глубине между камней краснели какие-то пятна.

— Эй вы, рыболовы! Кончайте там… Твой черед пришел, Тишка, фокусы показывать. А ты, Гришук, иди сюда! — крикнул Петька Бондя.

Тишка зло оглянулся. Ну вот, опять цирк начинается. А, да шут с ними! Все равно ведь купаться придется. Он ступил в воду и остановился. О чем это еще они там болтают?

— Ну и благодать! Лучше этого места нет на свете. Тихо. Здесь никто никогда не бывает, — сказал Бондя.

— А почему не бывает? — спросил Гришук.

— А потому, что далеко. Да еще говорят, что тут настоящие черти водятся.

— Ну да, нужна им твоя бухта! Им разгуляться тут негде. Она даже не на всех картах указана. Откуда им знать-то про нее? — крикнул Тишка.

— А что, ребята, смех смехом, а есть все-таки морские черти?

— Разевай рот: сейчас тебе прямо туда впрыгнет.

— А ты все еще не в воде? Эй, Тишка, коли сдался, шевелись живее! Полезай в воду, поищи

морских чертей.

Тишка нехотя вошел в воду, присел на корточки, шлепая по маленьким волнам ладонями, а затем, выпрямившись и тотчас изогнувшись, нырнул. В желтоватой воде мелькнуло его тело. Вот он вынырнул, обновил в легких воздух и опять нырнул. Потом, показавшись на поверхности, бросил в лежащих мальчишек горсть мокрого песку. Злость его прошла, и горький осадок от того, что он сегодня неудачно начал день, тоже исчез. Тишка очень любил плавать, и чувство превосходства в этом деле над приятелями отодвинуло на задний план все остальные добрые и недобрые его чувства.

— Эй, Тихон, давай-ка на долготу! Покажи свой класс. Нырни на долготу.

На долготу так на долготу. Разве ему это трудно? Тишка набрал в легкие побольше воздуха и погрузился под воду. Схватившись за большой камень, чтобы не всплыть, он стал считать про себя до тридцати… Вот уже и всё. Как быстро! А воздуха могло бы хватить еще и до пятидесяти. Ну, с них довольно. Все равно ведь сами-то они столько не продержатся.

— Что же это ты так быстро? — крикнул ему Валенца. — Все хитришь! А ну-ка, пусть теперь

и Гришук лезет в воду. Вместе с ним ныряйте. Посмотрим, кто из вас дольше просидит.

Он подмигнул Петьке Бонде и захохотал.

Ну и до чего же скверный парень этот Валенца! Нет, надо будет завтра заставить его сдаться и взять под свою власть. Тогда-то он узнает, где раки зимуют. Но и об этом Тишка подумал без злобы. Скорее даже снисходительно: как думает очень могущественный человек о каком-нибудь жалком пройдохе.

Тишка подождал, пока Гришук входил в воду. Белобрысый мальчишка с красными руками окунулся, смешно зажав уши пальцами. Совсем как девчонка, только и оставалось еще ему завизжать. Ну что же, посмотрим, на что ты годишься! Тишка приготовился. Взглянув друг на друга, мальчишки раздули грудные клетки и затем, сказав вместе: «Раз, два, три!..», скрылись под водой.

Тишка, схватившись за камень, сразу же открыл глаза. Он увидал, что Гришук тоже держится за камень и смотрит на него. Мутно-желтая вода искажала очертания их тел, и они казались друг другу раздутыми до отвращения. Гришук сидел на самом дне. Он удобно положил большой камень себе на ноги и, прижимая его к животу, поглядывал на Тишку выпученными главами. А

тот еле держался за камень. Пальцы срывались с его скользкой поверхности. Плотная соленая вода выталкивала тело наружу. А ноги, так те даже совсем высовывались из воды. Ну, да черт с ним, с неудобством-то! В другой раз можно поудобнее устроиться. А сейчас нужно поскорее сосчитать до пятидесяти. И, чтобы не отвлекаться, Тишка закрыл глаза и принялся за счет.

Досчитав до сорока пяти, он снова открыл глаза. Может быть, Гришук уже давно вылез? Нет, противник его сидел все на том же месте и по-прежнему таращил глаза. Тишка увидал, как у него из ноздрей по временам выскакивали пузырьки воздуха. И вдруг Тишку охватили и страх и злость. Ах ты, жаба! А что, ведь может так случиться, что Гришук его пересидит. Тишка опять закрыл глаза, чтобы считать дальше, но неожиданно почувствовал, что ему пришел конец, что он уже больше не выдержит. И тогда Тишка снова открыл глаза. Он увидал прежнюю картину: Гришук как ни в чем не бывало сидел на дне, и вода шевелила его волосы. Ну и промятый парень! Может быть, он умер? Нет, пузыри все еще вылетают из носа… Эх, как было бы хорошо сейчас двинуть этого ненавистного Гришука в бок! Живо бы выскочил. А то сидит, как идол. Что,

если попробовать дотянуться до него ногой и пихнуть? Тишка шевельнул ногой. Но это движение отняло у него остаток сил. В глазах мелькнули красные круги. И Тишка, почти теряя сознание, выпустил камень из рук. Небо показалось ему огненным, когда он, резко оттолкнувшись ладонями от воды, вылетел на воздух. Он часто-часто задышал, и из груди его вырвался слабый стон.

Валенца и Петька Бондя при виде его задрали ноги от удовольствия. Они хохотали, катаясь по песку. Тишка же вышел на берег обессиленный. Значит, опять его разыграли? Подсунули опытного пловца. И кто бы мог подумать, что такой «сачок» так ловко ныряет? Наверное, выучился на своем озере плавать. Хумми, Хумми. Вот тебе и Хумми! Тишка взялся за штаны. Теперь стоит наплевать на все и сейчас же уйти от них. Пусть остаются без верного товарища… А тот, водяной, все еще сидит? Ну, уж это прямо уму непостижимо! Тишка обернулся к морю. Ребята тоже посматривали туда, ухмыляясь и подмигивая в сторону Тишки. И вдруг в воде произошло волнение. Все — и Тишка, и Валенца, и Петька — сейчас же подбежали к краю берега. Из воды выскочила голова Гришука. У него были все такие же опостылевшие Тишке вытаращенные рачьи глаза.

Гришук моргнул, словно не понимая, в какой стороне находится берег, и поплыл, ошалело и бестолково размахивая руками.

— Ты что, с ума сошел? Что с тобой? — крикнул Петька Бондя, когда тот выполз на берег.

— Там… там… — только и мог вымолвить Гришук, указывая пальцем на море.

— Что там, дурень? Ну, говори же!

— Там черт… Там… черт ид-дет…

— Брось ты нас разыгрывать! Не ври! Говорят тебе, не ври!

— Я не в-вру… Беж-жим скорее… Я сам видел… ид-дет, как человек… Сам видел…

По спине Тишки, помимо его воли, побежали мурашки. Бежать надо, если Гришук не врет. Валенца и Петька были такого же мления. Они бросились к своей одежде. За ними последовал и Гришук. Все четверо, сверкая пятками, скрылись за камнями. Но, когда они, сокращал путь между каменными глыбами, пробирались на дорогу, в море раздался подозрительный плеск. И тогда любопытство взяло верх над страхом. Мальчишки остановились и высунулись с опаской из-за прикрытия. То, что они увидели, заставило их оцепенеть. Из воды торчала чья-то голова с огромными выпученными глазами. Голова, покачиваясь, приближалась к берегу. Возможно, что это был человек, осторожно идущий по дну. Вот показались его плечи, а затем и все туловище. Но он тотчас же согнулся и на четвереньках пополз к берегу. Через плечо у него висело подобие какой-то сумки. Вот он вынул изо рта конец гофрированной, как у противогазов, длинной трубки и выполз на берег, стараясь держаться поближе к круглым, покрытым плесенью камням. Оглянувшись и блеснув на солнце своими огромными глазами, он перебрался, прижимаясь к песку, через отмель и юркнул в скалы. Вот еще раз мелькнула мокрая голова. Ребята увидели,

что странное существо спряталось недалеко от них, за двумя большими камнями.

3

Никто из мальчишек не знал, что в море, в двухстах метрах от берега, в глубине висела, как, огромная рыбина, сторожевая подводная лодка. Моторы ее не работали, и вода слегка колебала субмарину. Но так незначительно, что люди внутри нее даже и не замечали этого.

Не знали мальчишки и того, что командир лодки вызвал к себе одного из своих подчиненных и сказал ему:

— Ну, так вы готовы?.. Я решил и вас послать. Вдвоем будет легче выполнить задачу. Спешите. Он уже, наверно, добрался до берега. Будьте осторожнее: это очень серьезное дело. И помните: меньше шуму. Не спугните остальных…

Моряк, к которому обращался командир, сказал:

— Есть!

И направился к люку. По дороге поправил сумку с кислородным аппаратом, висевшую у него через плечо, и сдвинул со лба на глаза защитные очки с толстыми выпуклыми стеклами. Он стал похож на глубоководного морского зверя. Сходство это усиливалось еще и оттого, что на нем был

надет непромокаемый серого цвета комбинезон, наглухо стянутый у кистей рук и горла.

Кто-то из товарищей сунул ему ладонь, и они крепко пожали друг другу руки. Затем он поднялся по трапу в люк и замер там, согнувшись и держась за перекладины лестницы. Под ним закрыли нижнюю крышку. Он слышал, как гремели болты, попадая в свои гнезда. Вот голоса товарищей стали звучать все тише и тише. Он уже перестал улавливать смысл их разговора. Крышку задраили накрепко. Сейчас сюда будет пущена вода…

Он упирался головой в верхнюю крышку люка. Нельзя сказать, чтобы здесь было просторно. Ну, а есть ли вообще на подводной лодке место, где не было бы тесно?.. Сейчас сюда пустят воду. Сердце его слегка сжалось. Однако это уже что-то вроде волнения! Разве он в первый раз покидает лодку под водой? Нет, не один и не два раза так было. Только не все ли равно это для человека, который знает, что сейчас пустят воду и она затопит всю клетушку, где и теперь уже трудно дышать? Он постучал два раза ногой в нижнюю крышку. Это означало: «Что же вы там канителитесь?» Тотчас же он услыхал, как начал вращаться штурвал клапана заполнения. И он понял, что этого-то

звука ему как раз и не хватало для успокоения. Теперь все пошло по-обычному. Побежала по стенкам извилистыми струйками вода. Потом она начала брызгать. Он взял зубами мундштук кислородного шланга.

Вода заполняла люк. Сначала она была ему по колено, потом по пояс, по грудь. Она гнала вверх воздух, который имелся в комбинезоне. Воздух скапливался у него на плечах, образуя небольшие вздутости, и с шумом выходил из маленьких круглых отдушин. Запахло резиной. Вода плеснула в нос и закрыла лицо. Начала жать уши. Это повысилось давление. Он засосал тогда воздух из кислородной подушки, вытравил его через нос и добавил чистого газа. Боль в ушах немедленно утихла, дыхание стало нормальным. Вот и хорошо. Теперь уже совсем все в порядке.

Он открыл верхнюю крышку люка; она со стуком откинулась набок. Встал во весь рост. Вокруг была светло-зеленая вода, и на метр от себя он все ясно видел. Шагнул на палубу. Медленно прикрыл крышку и, держась за леера, двинулся к рубке. Вода сковывала все его движения. Самый обыкновенный шаг приходилось делать в несколько приемов. Сначала он поднимал ногу, затем задерживал ее, чтобы передохнуть, потом

вытягивал вперед и опять задерживал, потом сгибал и наконец ставил на палубу.

Вот и рубка. Где-то тут должен быть и трос. Уж не утащил ли приятель его с собой на дно? Нет, вот он, сплетенный из стальных ниток канатик. Ну что же, в путь, так в путь!

Он схватился за трос и, поправив под коленками грузила — кожаные мешочки со свинцовыми опилками, — начал спускаться вниз. Ушла, вверх красная, крашенная суриком нижняя часть лодки. Еще метр — и вода сделалась темно-зеленой.

Чем глубже он спускался, тем сильнее болели уши. В них словно воткнули пальцы и то сдавливали, то отпускали. Вот уже больше и терпеть нельзя. Он взял себя двумя пальцами за нос и, зажав его, надулся. Боль в затылке стихла.

Хлоп! Вот как, уже грунт? Ну и отлично! Значит, глубина здесь не больше пятнадцати метров. Он медленно разжал руку и выпустил трос. Потом поднял со дна внушительного вида камень и взял его подмышку. Так-то оно будет спокойнее! Шагнул, отрегулировал воздух, опять шагнул. И так несколько раз. Потом остановился и оглянулся. Сзади была тень, широкая и черная, — тень от лодки. А впереди было гораздо светлее. Значит, направление было взято правильно. Впереди на-

ходился берег. Он посмотрел на свои руки и ноги. Они показались ему массивными и раздутыми. Он снова шагнул. Свет с поверхности проникал на дно мутный, рассеянный, и глаза приходилось напрягать, чтобы разглядеть грунт.

Через несколько минут он почувствовал, что камень подмышкой стал для него тяжеловат. Он нагнулся, чтобы сменить его. Вот на выбор несколько круглых камней, беловатых и скользких, похожих на маленьких спрутов. Выскочил из-под одного из них и убежал, широко расставляя клешни, небольшой черный краб. Ах ты, чертяка! Им здесь раздолье. Моряк переменил камень и хотел было двинуться вперед, но перед самым его носом вдруг проплыла рыба. У него даже забилось сердце, так это было неожиданно. Она мелькнула лиловой спинкой и растворилась в зеленоватой мерцающей воде. Это произошло очень быстро, но он успел все же разглядеть ее работающие плавнички, хвост и вздрагивающие мохнатые жабры. Тут он шагнул, но нога его не нащупала под собой твердого грунта. Он потерял равновесие и, медленно заваливаясь набок, скользнул в яму. Тотчас в ушах зазвенело, и появилась боль. Он схватил себя за нос и выпустил камень из руки. Его потащило наверх. Беспомощ-

но царапая ногами по откосу и делая свободной рукой гребки, он выбрался наверх. Ах ты, чертова рыбина! Ну что ты скажешь, какая обида! Ведь если бы не она, то ничего и не было бы: ямы в воде кажутся черными пятнами, и их легко заметить.

Он отдохнул и, обогнув обрыв, опять стал спиной к лодочной тени и пошел туда, где было больше всего бледно-зеленого света. Вдруг давление воды понизилось. Что это такое? Стало значительно светлее. И на дне появились растения: длинные пряди водорослей. Ну, так это и есть берег. Как хорошо, что уже больше не будут болеть уши…

Ну, еще, еще немного вперед. Ишь ты, теперь уже словно в горку дорога пошла. Интересно, где-то сейчас там, на берегу, прячется его приятель? Движения моряка стали более энергичными. Вокруг него уже струилась желтоватая вода. Прибоя не было. И вдруг глаза его ослепил яркий солнечный свет. Голова его высунулась из воды. Он сейчас же пригнул ее и стал на четвереньки: следовало быть осторожным.

4

— Вот вы какие! Говорили тут про всякое. Теперь вот и распутывайтесь сами.

— А знаете, ребята, я ведь его давно в воде заметил. Гляжу — идет ко мне что-то белое, с ногами.

— Ну и дурак! Что же ты сидел там так долго? Мы бы успели убежать.

— Да замолкните вы! Расшипелись! Вот сейчас как вылезет он да как схватит…

— Э-э, смотри-ка, смотри-ка, еще один… Мальчишки разом привстали и высунули из-за камней головы. У берега, немного левее того места, где вынырнуло напугавшее их существо, появилась еще одна голова с вытаращенными глазами. Обладатель этих глаз разлегся в воде и оглядел внимательно берег. Вот он поднял руку и, схватившись за глаза, содрал их, к ужасу ребят, с головы.

— Да ведь это очки! А вы-то уже испугались. Трусы! — шепнул Тишка.

— Да мы и сами теперь видим, что очки. Не больно-то уж задавайся.

Тут им опять пришлось спрятаться и вести наблюдения лишь в просветы между камней.

Впереди в скалах появилась голова первого вынырнувшего из воды человека. И у него уже тоже не было больше очков. Он сложил большой и указательный пальцы кольцом и, сунув в рот, свистнул тонко и жалобно, очень похоже на крик рассерженной чайки. Тишка даже рот разинул от удивления. Ловко сделано! И откуда только появились эти люди? Неужели они в самом деле на дне морском живут? Тишке вспомнилась сказка про тридцать трех богатырей и дядьку Черномора. Он хотел уже рассказать это ребятам, но незнакомец свистнул еще раз и сделал свободной рукой круговое движение, как бы указывая своему приятелю путь к себе. Тишка увидал, что человек в воде, скрываясь в мелких волнах, подплыл к тому месту, где вынырнул его предшественник, и тоже вылез на берег. Так же крадучись, как и первый человек, переполз он через отмель.

И вот уже загремели о камни зажатые им в руке очки. Он протиснулся сквозь проходы в скалах к своему товарищу. Ну, теперь они уже вместе. Что-то будет?

Тишка, присев на корточки, начал быстро надевать на себя рубашку. Ребята тоже стали перебирать дрожащими руками свою скомканную

одежду.

— Тише! — вдруг показал рукой Гришук.

И тогда все, бросив одеваться, застыли в различных позах, прислушиваясь. Впереди, в скалах, выходцы из моря вели негромкий разговор:

— Это хорошо, что командир прислал тебя.

— А он мне сказал: «Иди на подмогу». Я и полез.

— Да и верно, что здесь одному трудненько действовать: место диковатое.

— Небось, не зря они себе этот уголок облюбовали.

Валенца при этих словах даже присел на землю и побледнел. А Тишка в другой бы раз при виде такого позорного поведения стал бы хохотать и показывать на Валенцу пальцем, но тут он только посмотрел на товарища рассеянным взглядом. Он и сам ничего не понимал. О ком это они там говорят?.. Ребята продолжали слушать.

— Как ты думаешь, нас не смогут увидать с этой горы?

— Нет, не думаю. Уж больно высоко. Да и торчит она над нами, как навес. Разве тут что увидишь?

Тишка и его товарищи задрали головы кверху. Они увидали рыжевато-серую неровную стену, выпирающую вперед, как живот у огромного

каменного идола. Кое-где на ней зеленел редкий кустарник, чудом укрепившийся в расселинах. Вниз, как и прежде, заглядывали лишь причудливо искривленные пихты.

Незнакомые люди продолжали разговор.

— Вот что: видят нас или не видят, давай-ка займем свои места. Ты останься здесь и следи за морем. По радио передавали: рыбацкую лодчонку надо ждать. Им удача: на море туман… Ну, а я подберусь поближе к дороге.

— Есть!

— А это ты сними. И сумку и грузила. Спрячь в сторонке.

— Эх, жалко, винтовок у нас нет! Ну, да попользуемся и вот этой мелочью…

Приглушенные голоса в камнях смолкли, и ребята услыхали лишь шорохи. Тишка выглянул и увидал, как один из незнакомцев, рослый черноволосый парень, пополз, скрываясь в камнях, к дорожке, по которой они не так давно спускались к морю. Ишь ты, ползет, как ящерица! И свистать уж больно ловок. Как это он так… Тишка сложил два пальца в кольцо и примерил ко рту. Валенца испуганно дернул его за рукав.

— Не тронь, я и сам знаю, что делаю. Небось, не маленький, — шепнул Тишка, но руку ото

рта отнял.

Второй «морской черт» был брит наголо. Ребята увидали его блеснувшую на солнце загорелую макушку, когда он переползал поближе к морю. Там он залег за черно-зелеными камнями, и мальчишки, сколько ни смотрели, уже больше никак не могли его обнаружить. Точно так же исчез из их поля зрения и черноволосый парень. Поди-ка отыщи его в камнях у дороги!

— А я знаю, — зашептал вдруг Тишка, — кто они такие.

— Ну, кто?

— Так я тебе и скажу! Считай меня несдавшимся, тогда скажу.

— Ишь ты какой! Нет уж, так легко не отделаешься. Я и сам без тебя знаю, кто они.

— Ребята, нам бы куда-нибудь повыше надо забраться. Теперь самое интересное будет, — шепнул Гришук.

— Это верно, — согласился с ним Тишка.

— А ну тебя! Сиди уж, где сидишь. Куда это еще тебя понесет? — тихонько заныл Бондя.

— Да и то верно: раз влипли, так уж затаимся здесь. Переждем, — поддержал его Валенца.

— Ах вы, гады! — зашептал с жаром Тишка. Сами, затащили сюда, а теперь труса справляе-

те… Вот сейчас как крикну, так разом они сюда примчатся. Идем, Гришук, ну их…

— Полегче, полегче!.. Ладно, и мы от вас не отстанем. А то будешь потом кричать, что ничего не боялся, — шепнул Валенца.

Бондя уныло посмотрел, как все трое поползли на животах. Встав на четвереньки, он тоже направился вслед за ними. Мальчишки выбрали себе позицию поближе к дорожке. Тишка ухитрился найти такое место, что и море оттуда было хорошо видно.

Все по-прежнему парило. Солнце все так же плыло в молочной дымке. Неподвижная стена тумана продолжала закрывать полгоризонта. В бухте Морского Черта было тихо. И только далеко за спинами мальчишек, там, где скалы спускались прямо в море, монотонно гремели волны.

Тишка одновременно следил и за дорогой и за морем. Он то и дело дергал головой, поворачивая ее во все стороны. Гришук был рядом с ним. А их друзья сидели на земле, опираясь спинами о теплые камни. Они, прищурившись, смотрели на солнце. Тишка ни разу больше не приметил спрятавшихся в камнях людей. Никакого движения! И дорожка была пуста, да и море поблескивало на солнце, свинцовое, одинокое. А что, если им

это все привиделось: и бухта, и Морской Черт, и люди, выплывшие из воды, и всё, на что сейчас глаза смотрят? Что, если попросить Гришуху ущипнуть его? Уж больно все похоже на сон. Вот и день какой-то обманчивый. И солнце есть на небе, и словно нет его. И туман в море, и тоже как будто его нет. Или тепло это так действует, что не чувствуешь даже, что ты живешь на свете? Ну где вот они, эти парни? Неизвестно откуда вынырнули, а теперь словно сквозь землю провалились. По тону их разговора Тишка чувствовал, что они не могут быть дурными людьми. Купальщикам-то они уж во всяком случае ничего плохого не сделают. Они кого-то другого ждут. Эх, чуяло его сердце, что здесь серьезное дело! Недаром начинало оно биться каждый раз, как только ветерок доносил треск сухой ветки или любой другой шорох.

Прошло еще немного времени. Валенца устал смотреть на солнце. Он поднялся и присоединился к наблюдателям. Начальственно растолкав приятелей, он устроился на самом удобном месте. У камня имелся ровный, плоский выступ, и Валенца, разложив на нем локти, как на подоконнике, снисходительно оглядел друзей. К нему вернулся былой его задор.

— Ну, вороны, что у вас здесь слышно?

— А вот тебя только и ждали, грача.

— А вот сейчас как докажу, что без меня дело не обойдется!

— А попробуй.

— А думаешь, трудно? Сейчас вот и докажу. Трудно, что ли? Вот сейчас… Да вот дядька к морю идет…

— Где?

— Да вон, по дорожке. Эх вы, вороны, вороны! Что, не доказал?

— Тише ты! Не шепчи ты мне в ухо. Еще ничего и не известно.

У Тишки спина покрылась холодным потом. А руки и ноги вдруг ослабели. Ему было очень досадно, что он так позорно прозевал появление дядьки. Вот черт этот Валенца! Суется всегда не во-время, доход только отбивает. Никогда с ним не следует связываться. И как это они с Гришухой проглядели дядьку?

К морю спускался мужчина. Он появился из-за поворота в том самом месте, откуда несколько раньше стремительно выскочили мальчишки. Одет путник был так, словно ждал он с моря шторма. На нем была серая брезентовая куртка и такой же картуз. Сапоги с длинными, обтре-

панными голенищами плотно сидели на ногах. Тонкие ремешки стягивали их у коленок. За спиной мужчины болтался зеленый туристский рюкзак. А в руках он держал длинную палку.

Шел мужчина по дорожке лениво, словно был он в этих местах вроде путешественника, имел уйму свободного времени и никуда не спешил. Он ковырял палкой камешки на тропинке, переворачивал упавшие листочки, смотрел на небо.

— Неспроста он тут околачивается. Его-то они и поджидают, — шепнул Тишка.

— Ну да, ты все знаешь! Больно он им нужен! Чего с него взять-то?

— Дурак ты! Ничего-то ты не понимаешь в серьезных делах. Что они, бандиты, что ли?

— Ребята, ребята прячьтесь скорей, — зашептал вдруг Гришук, — увидит! Ух, и недобрый же это человек! Глазами он так и зыркает. Так по сторонам и шныряет.

Мальчишки разом присели.

— Это он ради притворства палочкой своей фигуряет. Вот посмотришь сейчас, что это за птица, шепнул Тишка, обращаясь к Валенце.

Но тот не взглянул на него. Он занялся Петькою. Бондя, разморенный зноем, заснул. Рот его был раскрыт. Валенца нагнулся и дунул ему в рот.

Бондя, захлебнувшись, захрипел и проснулся.

Он смотрел на Валенцу красными глазами, ничего не понимая.

— Гражданин, станцию проехали! — шепнул Валенца, теребя его за нос.

Тишку так рассердила эта выходка, что он не удержался и пихнул Валенцу ногой в зад. Вот тебе! Не знаешь ты ни места, ни времени для шуток. Затем Тишка прильнул щекой к шершавому камню и осторожно выглянул на дорогу: не услыхал ли путешественник подозрительного хрипа и шороха в скалах. Нет, мужчина с рюкзаком уже прошел мимо них. Тропинка в этом месте поворачивала, и Тишка увидел спину путника. Широкую спину с болтающимся зеленым мешком.

Ну, теперь должно произойти самое занятное. Вон и Гришук тоже так думает. Недаром он прислонился к Тишке и, вытянув шею, не спускает глаз с мелькающего за вершинами камней брезентового картуза. Тишка приподнялся на цыпочках. Сердце его стало биться редкими, тяжелыми ударами. Вот сейчас дядька пройдет мимо… того места. Вот уже, вот!.. А может быть, он уже прошел? Нет, это еще сейчас вот только будет…

Тишке показалось, что он первый заметил, как за спиной путника из скал вынырнула голова «морского черта». И он толкнул Гришука. Тот кивнул головой, показывая, что все отлично видит. Они затаили дыхание. Валенца и Бондя стояли сзади и, навалившись, дышали им в уши. «Морской черт», подняв руки, схватился за камни и, дернув резко головой, вспрыгнул на верхушку скалы. Он взмахнул рукой, в которой ребята увидали черный небольшой револьвер, и скакнул на дорогу.

— Стой! Руки вверх! Ложись!

Мужчина в картузе живо обернулся. Ребята увидали, как он быстро вытянул перед собой, словно рапиру, длинную палку, а правой рукой нервно полез в оттопыренный карман брезентовой куртки. Не обращая внимания на оружие «морского черта», он вырывал из своего кармана большой плоский, с деревянной ручкой револьвер, дуло которого цеплялось за подкладку.

— Маузер, — прогудел Валенца.

Но никто не слышал его. Тишка остановившимися глазами следил за схваткой. Ой, укокошит картуз черноволосого парня! Что же тот не стреляет? Эх, давно бы уж можно было нажать на курок! Но черноволосый парень и не думал стре-

лять. Он схватился рукой за торчащий перед ним конец палки и сильно ударил ногой мужчину в картузе. Попал прямо по пальцам, державшим огромный плоский револьвер с деревянной ручкой. «Картуз» вскрикнул от боли, револьвер его, загремев, упал на камни, а «морской черт», дернув к себе палку, смело кинулся на врага. И вот они уже оба покатились по дороге.

Это была первосортная драка. Мальчишки в жизни еще не видали ничего подобного. Они еле удерживались от того, чтобы не вылезти наверх, на скалы. Уж больно хотелось все рассмотреть поподробнее. Борющиеся катались по земле. Это был клубок из двух тел. Из него торчали руки, ноги. До ребят доносилось сопение, стоны, хрипы и ругательства. Вдруг Тишка ахнул. Мужчина с рюкзаком подмял под себя противника. Он поднял руку. Все увидели, как блеснул нож. Тишка в ужасе схватил Гришуху за плечо. Мужчина с рюкзаком, крякнув, как мясник, с силой опустил руку. Но в ту же секунду он покачнулся. Брезентовый картуз слетел с его головы. Мужчина повалился набок. Черноволосый парень вовремя ухитрился поддать врага коленкой. И вот он уже сам сидит на нем верхом. Нож зазвенел где-то в камнях. Тишка отпустил плечо Гришухи.

— Полундра! — вдруг захрипел Петька Бондя.

Все сейчас же пригнулись, потому что второй вылезший из моря человек, тот, который был острижен наголо, прыгал по камням. Он выскочил из засады и теперь спешил на помощь к товарищу. Ребята видели, как он спрыгнул на дорогу. А там уже опять шла возня, и вновь прибывший боец не знал, как ему подступиться к живому клубку.

— Ударь!.. Ударь его чем-нибудь! — приглушенно крикнул ему его товарищ. — Да стукни же его!.. Ой, черт возьми! Он схватил меня за волосы. Что же ты стоишь?..

И тогда бритоголовый решился и кинулся к извивающимся телам. Ребята увидели, как поднялась и опустилась несколько раз его рука, сжимавшая револьвер.

Через минуту все было кончено. Мужчина с рюкзаком неподвижно лежал на земле, а оба выходца из моря, тяжело дыша, смотрели на него. Черноволосый парень сидел на земле и держался за грудь.

— Василенко, ступай-ка принеси… вон там, в сумке, лежат веревки… Надо его, подлеца, связать.

— Сейчас, товарищ старшина!

Василенко принес связку тонких крепких веревок и принялся вместе со старшиной связывать оглушенного мужчину. Предварительно они его обыскали и высыпали содержимое всех карманов на землю. Сняли они и рюкзак. Василенко работал быстро, веревка так и крутилась в его руках. А старшина временами останавливался и брался за грудь.

— Ой, смотри-ка! — вдруг сказал Тишка и показал на море.

Гришук, Валенца и Бондя оглянулись и остолбенели.

5

К берегу приближалась лодка. Это была плоскодонная рыбацкая шампунька. Тишка не раз видел такие лодки во Владивостоке. Китайцы называли их еще и по-своему: «юли-юли». Это оттого, что на корме у нее торчал немного отогнутый назад штырь, на котором свободно колыхалась во все стороны длинная рукоятка. К одному ее концу, опущенному в воду, прикреплялась деревянная лопасть, а к другому привязывалась веревка, прибитая в то же время и к днищу. Рыбак дергал веревку во все стороны, весло юлило в воде наподобие винта, и лодка шла вперед.

— Здрасте! Вас-то нам и не хватало, — сказал Валенца, нервно заправляя свою рубашку в штаны.

— Здороваться дома будешь, а здесь помалкивай, — шепнул Гришук.

Гребец в лодке сидел спиной к берегу. Он неторопливо дергал за веревочку, меняя руки, когда они уставали, и, разглядывая море, негромко напевал заунывную, с завываниями, песенку: «Ай-э, как широко море, ай-э, как горячо небо, ай-э, как холодны туманы, и дай бог, чтобы не было тайфуна». Лодка гнала перед собой ровную маленькую

волну. Расстояние между нею и берегом заметно уменьшалось. Вот это и есть, наверно, та лодка, о которой говорили «морские черти»...

— Как же это так? Она причалит, а они и не увидят... — сказал Тишка.

— Надо бы им крикнуть... — сказал Гришук.

— А ну вас! И что это вам приспичило? Сидите, пока головы целы. Плохо вам здесь, что ли? Вот уйдут они все, тогда и кричите на здоровье, — заволновался Валенца.

Тишка посмотрел на Гришуху. Эх, если бы знали они раньше, что Валенца такой некомпанейский парень!.. Потом он взглянул на остальных мальчишек, махнул рукой и полез наверх. Валенца хотел было его схватить, да не успел. Тишка, прыгая с камня на камень, спешил выбраться на дорожку.

— Пропали мы все теперь... ни за копейку, — сдавленным голосом сказал побледневший Валенца и схватился за Петькину руку.

А Тишка уже подбегал к месту драки. Связанный мужчина лежал не шевелясь. Но глаза его были открыты, он пришел в себя и глядел на Василенко злыми, немигающими глазами. Тишка далее приостановился. Ну и ворюга! Как он подло смотрит! С какой бы радостью вцепился

он в горло этому бритоголовому малому! Только вот руки скручены за спиной да во рту торчит тряпичный кляп. И не выругаться и не укусить! Ну, тогда хотя бы ногами, что ли, стукнуть? Вот он поднял связанные ноги и поджал к животу, чтобы выпрямить их с силой, как пружины. Но Василенко отошел в сторону. Ну и молодец парень! Его не проведешь, он все наперед знает.

Старшина сидел рядом с пленником. Заметив злобное движение, он поднес к лицу врага и притиснул к его носу кулак.

— На, на, выкуси! Что, съел, гад? Вы от нас никуда не денетесь. Мы вас всех переловим. И на дне морском достанем, если придется, — сказал он и потом опять схватился за грудь.

— Дяденька, там лодка причаливает!.. — крикнул Тишка, подбежав к ним.

— А ты откуда взялся? — вздрогнул и обернулся Василенко.

Старшина тоже обернулся, но он не проявил удивления, словно все было в порядке вещей.

— Как же это мы о лодке-то забыли? — сказал он. — Негоже это. Ступай-ка скорей, Василенко, на свое место. Да прихвати вот эту штучку. У нее бой точнее.

— Есть, товарищ старшина! Все сейчас справим

как нельзя лучше.

И, подняв с земли маузер, Василенко ушел в скалы.

Тишка молчал. Если его больше не спрашивают, так и незачем говорить, откуда он взялся. Тишка не мог отвести взгляда от связанного мужчины. Тот теперь ни на кого не смотрел. Но сколько он ни щурил желтые наглые глаза, они все равно, точно прожигая веки, вылезали вперед. Ишь ты, ну и глаза! Тишке сделалось страшно, и он отступил на несколько шагов.

— Не бойся, малец. Он теперь тебе ничего не сделает. Мы все его ядовитые зубки повырывали. Вот они.

Старшина ткнул в сторону рюкзака. Там, рядом с зеленым мешком, среди газетных обрывков лежали два ножа, граната, обойма с патронами и револьвер. Да еще и Василенко унес с собой его маузер. Тишка поразился. Эка сколько у одного человека может быть оружия! Поди-ка, попробуй с ним справиться! Он с интересом посмотрел на старшину. У того было усталое лицо; черные пряди мокрых волос некрасиво прилипали к бледному лбу. Вот так морской черт! Совсем и не страшный у него вид. Старшина улыбнулся и подмигнул Тишке:

— Нет ли у тебя платка?

Тут только Тишка поглядел ему на грудь. От самого плеча до середины груди серый резиновый комбинезон был разрезан. Нож располосовал также и нижнее шерстяное белье. Оно потеряло свой синий цвет и стало от крови бурым.

Старшина старательно прикрывал рукой рану. Тишка отвел глаза в сторону. Его мутило.

— Да беда-то небольшая. Задело неглубоко. Одно только неудобство, что за пазухой мокро.

— Я платок дома забыл, — сказал Тишка.

Он покраснел. Вот ведь незадача! Сколько раз мать твердила про платок!

— А рубашкой можно? — раздался за его спиной голос.

Это еще кто такой? Тишка оглянулся. Сзади стоял Гришук. Он уже снимал белую полотняную рубаху. В спешке он забыл расстегнуть пуговицы и выдергивал теперь голову из ворота нетерпеливыми, резкими движениями. Ну и смекалистый же паренек! Вот тебе и «сачок». Вот тебе и Хумми, Хумми…

— А ну давай, давай скорей!

— Вы не спешите, ребята. Вам все равно ее сначала придется разрезать на куски. Если не жалко… Вы бинты видали когда-нибудь?.. Ну,

так вот…

— Эй, тащи скорей нож!

— Ты сам тащи. А я пока так разорвать ее попробую.

— Да так ты не разорвешь. Надо обязательно ножом.

— Да вы не спешите, ребята. Пусть кто-нибудь один из вас этим делом займется. А ты лучше сбегай, малец, к морю. Посмотри, что там делается.

Тишка не заставил себя просить и мигом юркнул в скалы. Он расположился недалеко от Василенко, за последней каменной грядой. Дальше уже торчал только один черный камень, прозванный ребятами Морским Чертом, да еще тянулась до самой воды отмель. Шампунька уже давно подплыла к берегу. Гребец выскочил из нее и привязал нос лодки веревкой к круглому, обточенному водой камню. Веревка несколько раз соскакивала со скользкого камня, но гребец не проявлял никаких признаков раздражения и терпеливо укреплял веревку на старое место. Отойдя от лодки, он потоптался на сыром песке, как бы разминая затекшие ноги, потом оглядел скалы, горы и прошел в глубь отмели. Там он сел на корточки перед черным камнем. Некоторое время молча глядел на него, а затем опять запел

повизгивающую песенку и начал медленно раскачиваться взад и вперед, взад и вперед. Круглое желтоватое лицо его было бесстрастно. Но черные глаза из-под нависших пухлых век глядели на уродливый камень угрюмо, как на провинившегося божка.

Василенко грустил.

— Японец. Живым бы надо его взять! — шептал он. — А выскочишь — убежит ведь, черт. Подползти — увидит. Вот нелегкая... Подманить его, что ли? На хитрость взять?..

Наконец он принял какое-то решение. Высунувшись из-за камня совсем открыто, он махнул гребцу рукой.

— Эй, а ну что же это ты там сидишь? Давай сюда, коли приехал. Иди, иди, помогай, груз больно большой.

Гребец не испугался и не удивился. Он привстал и, вытянув шею, склонил голову набок. Он стад похож на птицу, с любопытством разглядывающую незнакомый предмет. Вот он сделал несколько шагов вперед, потом остановился. Затем опять пошел, когда Василенко еще раз поманил его рукой. Ну же, мол, не задерживай, время — деньги! И вдруг гребец, круто повернувшись, побежал к лодке мелкими, торопливыми

шажками.

— Ах ты, дьявол! Стой, стой! Не уйдешь!

Василенко вытянул руку с маузером. Тишка закрыл глаза. Бум! Ну и шум же от этой штуки! Сильнее, чем из ружья. Мало только толку: гребец-то все еще бежит.

— Вот беда! С непривычки это. И как только из него люди стреляют? Эх, была бы здесь моя винтовка, живо бы снял. А ну-ка!..

Бум! Тишка уже не закрывал глаз. Он видел, что Василенко опять промазал. Гребец добежал до лодки и толкнул ее ногой. Веревка соскочила с камня. Гребец прыгнул в лодку и полез вдруг под одну из лавочек, которые тянулись вдоль бортов. Тишка увидал, как он достал оттуда странную короткую винтовку с утолщенным ребристым дулом. Длинная плоская обойма с патронами была вставлена в винтовку с одного бока. Пухлые веки гребца дрогнули. Глаза его превратились в щелочки, а губы разжались, и обнажились длинные зубы. Пожалуйста, посмотрите теперь, как стреляют умеющие люди. Пожалуйста!

Василенко уже стоял во весь рост на скале. Согнув в локте левую руку, он положил на нее маузер и прицеливался. Тишка царапал ногтями по скале, совсем не замечая своих движений.

«Миленький, попади, ну что тебе стоит? А то он в тебя попадет. Ой, скорей, скорей!» И он опять схватился руками за глаза. Бум! Гребец выронил из рук оружие и опустился на колени. Глаза его стали широкими. Лодка покачивалась на воде.

Ай, как скверно! Куда же попала пуля? В горло или в грудь?.. Гребец кашлянул, и из уголка его рта выскользнула струйка крови. Ах ты, проклятая свинья! Это ты посмел стрелять… Ну, и ты тоже сейчас получишь свою порцию.

Василенко побежал к лодке. Гребец неслушающимися, немеющими руками поднял со дна свое оружие и, привстав на одну ногу, вытянул его перед собой. Ой, как ты сейчас запляшешь, схватившись за живот!.. Вот сейчас уже будешь кататься по песку и выть, свинья ты этакая!.. Вот сейчас!.. Вот только дай нажать спуск… Вот дай только пальцем…

Лодку качнуло, оружие выскользнуло из рук гребца и с плеском утонуло. Да он и сам, упав, перегнулся через борт, и вот его голова уже в желтой воде, руки тоже свесились туда, и лишь одни ноги остались в лодке. Струйка крови расплылась в воде и стала похожа на длинное облачко красного дыма.

Когда Василенко сунул гребца обратно в лодку

и подтянул ее к берегу, Тишка уже был тут как тут. Василенко сходил и достал из воды заморскую винтовку. Тишка смотрел на нее во все глаза.

— Что, в первый раз видишь? Это, брат, ручной пулемет. Дай я этому типу волю, он бы тут нас всех уложил. Вот с каким снаряжением эти дяди на рыбалку выезжают.

В это время за мысом, в той части моря, где был туман, прогремела пулеметная очередь. Эхо тотчас откликнулось с гор. Потом раздался резкий пушечный выстрел, многократно повторившийся в горах. Тишка вопросительно и испуганно смотрел на Василенко.

— Это наша. Узнаю по голосу. Сопротивляется, значит, кто-нибудь. Удрать хочет, но от нашей не скроешься, — сказал Василенко.

— Что ваша?

— Орудие наше. Пушка на подводной лодке.

— А вы разве с подводной лодки?

— А как же! Не на автомобиле же приехали… Мы этот район патрулируем.

— А мы-то, дураки, думали…

Тут все за тем же мысом троекратно прозвучал заливистый ревун.

— Это нам сигналят. Значит, там все уже кончено. Сцапали! — сказал Василенко.

В это время снова появился полуголый Гришук.

— Вот тебе и раз! Еще один малец!

— Вам старшина приказал идти туда, а мы здесь побудем.

— Есть!

Василенко побежал по дорожке, а мальчишки остались одни. Они молчали. Оба, не сговариваясь, повернулись к скалам и посмотрели туда, где сидели Валенца и Петька. Там мелькнуло что-то похожее на лицо и скрылось. И опять они ничего не сказали друг другу. И даже не улыбнулись.

Из-за камней появился Василенко. Он шел задом, волоча связанного пленника. Тот безвольно висел у него на руках, и ноги его скребли по земле и камням. Следом за ним шел старшина. Вся верхняя часть его комбинезона была отрезана, а грудь перевязана полотняными бинтами из Гришухиной рубахи. На руках он нес все добро, отобранное у мужчины в брезентовой куртке.

Василенко уложил пленника на носу лодки. А гребца он убрал в ящик, который имелся в носовой части шампуньки. Там за деревянной заслонкой у рыбаков было самое излюбленное место для сна после удачной ловли. Старшина сел в лодку и разложил на лавочке среди рыбо-

ловных снастей свои пожитки. Василенко принес спрятанные в камнях сумки с кислородными аппаратами, грузила и очки. Мальчишки подошли поближе.

— Пожми-ка им за меня лапы, — сказал старшина.

— Славные ребятки, — сказал Василенко. — Смотрите только, поосторожней купайтесь: тут у берега яма есть. И вообще будьте осторожней. Поглядывайте.

Он оттолкнул лодку от берега и прыгнул в нее.

— Посматривайте за ним, товарищ старшина! — кивнул он на пленного. — Народ отчаянный…

— А я его за ногу поймаю, если что…

Потом старшина оглянулся на ребят:

— Эй, мальцы, смотрите только, чтобы ни гу-гу. Все равно, как и не было ничего. Понимаете?..

— Ладно, знаем! — крикнул Тишка.

Ему было обидно, что все кончилось, досадно, что эти взрослые, успевшие понравиться ему парни проявили какое-то недоверие. Да разве он кому расскажет? Военная тайна ведь!

— Ты что же грубишь-то? Они пользу сделали государству, а ты грубишь, — сказал Гришуха.

— А тебе какое дело? Я и сам, может быть, жа-

лею, что они уезжают.

А Василенко уже дергал за веревочку на корме. Лодка шла вперед.

— Крути, Гаврила!

Он улыбнулся Тишке.

Когда лодка выплывала из бухточки, за мысом показался парусник. Рядом с ним плыла, выставив тонкое дуло пушки, подводная лодка. За ее кормой плескался на ветру советский военно-морской флаг. О палубы парусника поднимался черный столб дыма. Но постепенно он побледнел и превратился в белые клубы пара, которые тоже скоро растворились в воздухе.

Мальчишки видели, как шампунька подплыла к подводной лодке. Краснофлотцы приняли с нее пленника. Старшина и Василенко тоже пересели и перенесли свои вещи на субмарину. Им на смену в шампуньку спрыгнули три парня в бушлатах, с винтовками. Они подплыли к паруснику и поднялись на его палубу. Шампунька же была взята на буксир.

И вот опять парусник и подводная лодка двинулись в путь. Они развернулись и вскоре скрылись в той части моря, где не было тумана. И тут за спинами засмотревшихся на море Тишки и Гришухи раздался шорох. Это были Валенца и Петька

Бондя.

— Ну, что же вы, гнилушки светящиеся? Небось, ножки на камнях-то отсидели?

— А ты не дразнись. Если уж мы зараз не вышли, так потом и вылезать не к чему было. Это вот ты всегда не в свое дело суешься.

— А если бы я не сунулся да не сказал им, то этот японец нас бы всех поубивал. У него ведь там пулемет был. Сам видел. Вон и Гришуха тоже видел. Что, съели?..

— Ну, пошел хвалиться! Теперь домой с тобой лучше и не ходи: пока дойдешь, так выйдет, что ты сам всех и словил.

— Я ничего не скажу. И вам молчать посоветую.

— А это еще неизвестно, кто молчать должен. Кто сдался, тот и попался.

— А мы вам не подчиняемся больше.

— Как так?..

— А так вот.

Тишка мигнул Гришухе, и они разом кинулись на Валенцу и Петьку. Они повалили их на землю и заломили им руки за спину.

— Сдаетесь?

— Бросьте лучше! Вот сейчас как встанем…

— Сдаетесь?

— Отпустите! Отпустите, раз…
— Сдаетесь?
— Отпустите, два…
— Сдаетесь?
— Ой, сдаемся… сдаемся, черти полосатые!
— Ну, то-то. Полезайте за это в воду.

Валенца и Петька сняли с себя штаны, рубашки и полезли в море. Забравшись в воду по пояс, они начали швыряться в Тишку и Гришуху мокрыми камешками. Падающее за горы солнце все еще было в белой дымке. По-прежнему парило. В бухте Морского Черта было тихо, и только далеко у мыса, где скалы спускались прямо в воду, гремели пахнущие йодом волны. Удачный выдался в этих краях денек для купанья!

Евгений Аронович Долматовский
Пуговка

Евгений Долматовский

Пуговка

Коричневая пуговка
Валялась на дороге,
Никто не замечал ее
В коричневой пыли.
Но мимо по дороге
Прошли босые ноги,
Босые, загорелые
Протопали, прошли...
Ребята шли гурьбою
Средь запахов цветочных,
Алёшка был последним
И больше всех пылил.
Случайно иль нарочно —
Того не знаю точно —
На пуговку Алёшка
Ногою наступил.
Он поднял эту пуговку
И взял ее с собою —
И вдруг увидел буквы
Не русские на ней.
К начальнику заставы
Ребята всей гурьбою

Бегут, свернув с дороги.
Скорей! Скорей! Скорей!
«Рассказывайте толком, —
Сказал начальник строгий
И карту пред собою
Зеленую раскрыл:
— Вблизи какой деревни
И на какой дороге
На пуговку Алёшка
Ногою наступил?
Значок японской фирмы
Вот здесь, на этой штуке,
И пуговку такую
Нам выбросить нельзя!
Нам к пуговке, пожалуй,
Пришить придется брюки.
Нелегкая работа,
Скажу я вам, друзья!»

Приладив быстро стремя
Движением привычным
И сапоги нагайкой
Очистив от земли,
С винтовкой за плечами
Помчался пограничник
По той дороге пыльной,
Где пуговку нашли.
Бойцы по всем дорогам
Четыре дня скакали,
Четыре дня искали,
Забыв еду и сон.
Седого незнакомца
В деревне повстречали,
Сурово осмотрели
Его со всех сторон.
А пуговицы нету
У заднего кармана,
И сшиты не по-русски
Широкие штаны.
А в глубине кармана —
Патроны для нагана

И карта укреплений
Советской стороны.
Вот так шпион был найден
У нашей у границы.
Никто на нашу землю
Не ступит, не пройдет!
В Алёшкиной коллекции
Та пуговка хранится.
За маленькую пуговку
Ему — большой почет.

Богдан Иосифович Чалый

Конец чёрного ворона

Богдан Чалый

Конец черного ворона

Пьеса в одном действии, двух картинах

Действующие лица:
ШАНДОР — венгерский пионер.
«КСЁНДЗ» — американский диверсант.
БАБУШКА ШАНДОРА.
ЛЕЙТЕНАНТ.
ВОЕННЫЕ.
Действие происходит в Венгрии, в наши дни.

Картина первая

Лесная опушка, освещенная луной. Стволы деревьев, кустарник, молодые березки, растущие между пеньками. Время от времени раздаётся крик совы. На опушку выходит Шандор в курточке. На голове у него картуз, за плечами — ранец.

ШАНДОР. Как ни храбрись, Шандор, а страшно в лесу ночью. За каждым кустиком что-то мерещится. Глупости! Сказок начитался. Чего, собственно, бояться? Отец говорит: плохих людей бойся, больше ничего. Правда, волки тут водятся, недаром и лес называется Волчьим. Хотя бы одного увидеть. Проверил бы, правда ли, что волки огня боятся. (Вынимает коробок, зажигает спичку). Ну-ка, выходи, серый. (Пауза). Так он тебе и выйдет! До хутора уже недалеко. Что там бабушка делает? Попадёт мне за то, что не заночевал у дяди в селе. А чего браниться? Был я на спектакле, потом с ребятами поспорил, что не побоюсь ночью пройти по лесу. И правильно сделал. Надо закалять волю. (В небе слышен шум самолёта). Вот я и не один. (Задирает голову). Куда летишь, пилот, чего кружишься над нашим лесом? Что это? Он падает, в самом деле падает! (Пауза). Нет, самолёт не

падает, улетел. Что же это падает? Словно чёрные крылья развиваются в небе. Настоящая нечистая сила, как бабушка говорит. Ого, дружище, чудес не бывает. Прячься в кусты, не то, чего доброго, на голову сядет. (Убегает).

Из-за сцены выходит человек в рясе ксендза. Он плетётся медленно, тянет за собой парашют. В одной руке у него револьвер, другой он подтягивает стропы.

КСЁНДЗ. И спустился на землю ангел небесный. (Смеётся). Аминь! Кажется, нас не ждали. (Прячет револьвер, вынимает нож, перерезает стропы). Вот только нога. Надо же ей было подвернуться! Хорошо, что за ветку не зацепился. (Складывает парашют, роет ножом яму). Шесть километров до явки. Там ожидает верный человек. (Кладёт парашют в яму, засыпает его землёй и листьями). Взрыв на складах — и за границу. Много денег, собственная вилла в Америке. «Чёрный Ворон», прославленный диверсант, становится мистером Блейком. Так обещал хозяин. (Пробует стать на правую ногу). Болит, сто чертей и один дьявол. Хоть перегрызи её. (Устало садится на пенёк, вынимает бинт, быстро перевязывает ногу). С документами все в порядке. Ксёндз Гирош направляется в костёл Эшфернадь. Ну, не

задерживайся, вперёд! Айн, цвай, драй, — как говорили немцы. (Делает несколько шагов, стонет. Вдруг съёживается, опускает руку в карман).

Выходит, напевая, Шандор. Он будто не замечает ксендза, идёт прямо на него. Испуганно вскрикивает, потом улыбается.

ШАНДОР. Добрый вечер… святой отец! Я… я… испугался сначала. Одному в лесу страшно. Теперь мы вдвоём.

КСЁНДЗ. Благослови господи, сын мой! И я… и мне веселее стало. Ейзуш Мария, Ейзуш Мария… Шёл вот и оступился. Старые кости, отроче, гнутся, как у ребёнка. Чей же ты и куда идёшь?

ШАНДОР. Напрямик домой. Слыхали, может

быть, про объездчика Иллеша? Это мой отец. Они с матерью в город поехали, а мы с бабушкой остались.

КСЁНДЗ. Так, так, сын мой. Чего же ты по ночам в лесу бродишь, будто изгнанный из рая?

ШАНДОР. Сегодня в соседнем селе, куда я хожу в школу, новый клуб открыли, был на спектакле. С ребятами поспорил, что не побоюсь ночью Волчьим лесом пройти. Мне уже не далеко. А вам куда?

КСЁНДЗ (в сторону). Вишь, какой любопытный, сто чертей… не против ночи будь сказано. Бреду, себе, человек божий, и бреду к святой цели.

ШАНДОР. Дойдёте ли до неё… с такой ногой. Покажите-ка! (Садится на корточки). Вспухла, как у утопленника. Точно такая же нога была у нашего дяди Гергеля, электротехника, когда он со столба слетел. Неделю пролежал.

КСЁНДЗ. Ты, сыну, кажется, умный мальчик. Что делать с тобой? Эх, если б нога не болела! Видно, не разминуться нам.

ШАНДОР. Идёмте к нам. Покушаете, отдохнёте. А уж как бабушка будет рада! Набожная она у меня. Всё жалуется, что в костёл ходить далеко. Вы ей дома все грехи отпустите. Грехи! (Смеётся). Выдумала тоже! Всю жизнь работала на барина.

Добрая-добрая. А я верю только в науку.

КСЁНДЗ. Напрасно, сын мой, напрасно. Непогрешима мудрость господня! Но это, в конце концов, твоё дело. Я тоже верю в науку. Без неё ни самолётов, ни пушек не было бы.

ШАНДОР. Можете опереться на меня, и пойдём к бабушке. Куда вам с такой ногой.

КСЁНДЗ (про себя). Придушить его, что ли? След останется, тело… А может использовать?.. (Хватает Шандора за плечи, смотрит в глаза). Боишься?

ШАНДОР (гордо). Нет. Отец говорит: плохих людей бойся. А вы старый искалеченный ксёндз. Чего вас бояться?

КСЁНДЗ. С бабушкой вдвоём живёте, говоришь? Это хорошо. Я назначен ксендзом в ваши места. Идём, сын мой. Веди немощного, аки пастырь. Я отплачу. Ейзуш Мария, Ейзуш Мария…

Выходят.

ЗАНАВЕС

Картина вторая

Комната в доме объездчика. У двери — кушетка.

Направо — кровать. Стол, несколько стульев. На стене ходики, они показывают 11 часов. Около стола сидит бабушка в очках, читает газету.

БАБУШКА (снимает очки). Что ни день, то новости. Как изменилась жизнь! Шандор, наверное, там, в новом клубе, потому и не пришёл ночевать. Хороший он, внучек мой. Учится хорошо, книжки читает. Растёт из него разумный человек. Это по всему видно. Не так, как мы росли, в беде да нужде. Только и того, что поклоны били, у бога добра вымаливали. (Стук в двери. Бабушка вскакивает, надевает очки). Кто бы это мог быть? Может, сын с невесткой вернулись? Они! Наверняка, они! (Бежит к двери). Сейчас, сейчас открою! А кто тут?

ГОЛОС ШАНДОРА: Принимайте гостей, бабушка!

Входят Шандор и ксёндз.

КСЁНДЗ (крестится). Мир дому сему среди лесной глуши. Ейзуш Мария, Ейзуш Мария. (Перебирает чётки, шепчет молитву, потом весело). И ввалился незваный гость, аки разбойник среди

ночи. Здравствуйте, честная мать!

БАБУШКА (растерянно). Иштенем! Добрый вечер, святой отец!

ШАНДОР. Бабушка, господин ксёндз шёл лесом и ногу вывихнул.

КСЁНДЗ. Вывихнул и еле стою.

(Садится на стул). Наказал, господь бог не во время. Его воля. (Прикладывает руку к сердцу). Послезавтра думал службу служить в вашем костёле.

ШАНДОР. В наших местах будет работать. (Тихо и незаметно бабушке). Диверсант. (Та не слышит).

БАБУШКА. О-о-о! Благословите, отец.

КСЁНДЗ. Бог благословит, раба божья. (Сидя крестит её, протягивает руку для поцелуя).

ШАНДОР (бабушке). Слышала?

БАБУШКА (засуетилась). Что же это я стою? Отдыхать вам нужно. Сейчас вам постелю, дам покушать. Шандор, садись к столу.

КСЁНДЗ. Болит ноженька! Лучше я на кушетке лягу. Не беспокойтесь. Вот я на кушетке лягу.

ШАНДОР. На кровати удобней. Холодно около дверей.

БАБУШКА. Вот я и постелила, прошу. Помоги, Шандор.

КСЁНДЗ (ложится на кушетке). Нет, нет, нет, я уже устроился. О, блаженство! Около двери — это ничего. У меня и голова немного болит. Свежее около двери.

БАБУШКА. Как вам угодно. Вы гость.

КСЁНДЗ. Незваный.

БАБУШКА. Но не простой. (Бежит на кухню, несёт ксендзу тарелку с едой, хлеб). Прошу вас, перекусите. (Шандору). А ты сам себе возьми.

КСЁНДЗ. Хлебца, правда, съем немного, но до остального не дотронусь. (Отламывает кусочек хлеба, ест). Чрезмерная еда развращает. Ейзуш Мария, Ейзуш Мария…

ШАНДОР (про себя). Наш хлеб ест, подлец! (Вслух). Бабушка, у меня ноги болят!

БАБУШКА. Не можешь встать? Так я и знала. Сейчас принесу поесть. (Бежит на кухню, возвращается, ставит перед Шандором на столе тарелку).

ШАНДОР (глядя в сторону). Ди-вер-сант!

Бабушка будто не слышит, сразу же отходит от него.

БАБУШКА (садится около ксендза). Как же это случилось, святой отец? Может, воды нагреть и попарить ногу?

КСЁНДЗ. Нет, нет, некогда. То есть, поздно, за-

чем хлопотать, и вам спать пора.

ШАНДОР. Бабушка, можно вас на минутку? (В сторону). Как бы ей объяснить?

КСЁНДЗ (Шандору). Подожди, сынок. С тобой мы уже познакомились, дай с бабушкой поговорить.

БАБУШКА. Да, да.

КСЁНДЗ. Кто в вашем приходе службу служил?

БАБУШКА. Кажется, отец Пишка. Куда же он делся?

КСЁНДЗ. Да, Пишка. Достойный человек. Переведен в другой приход. Вместо него я буду вашим пастырем.

БАБУШКА. О-о-о! Очень приятно. Большая честь для нас.

ШАНДОР (про себя). Противно слушать. И это моя бабушка! (Вслух). Я сбегаю в село за доктором. Может быть, нужна помощь? Назад приеду с доктором на тачанке. (Бежит к дверям).

Ксендз вскакивает, хватает его за руку.

КСЁНДЗ. Куда? Не нужно. Мал ещё по ночам бегать. Нога и без тебя заживёт. Ложись уже спать, не надоедай.

БАБУШКА. Ложись, внучек, ложись спать, а то в школу опоздаешь, проспишь.

ШАНДОР (делает вид, что раздевается, полураздетый ложится под одеяло). Заснёшь тут, когда

свет горит. Бабушка! Что-то мне холодно, укройте меня полушубком. Я весь дрожу!

БАБУШКА. Не выдумывай! В доме тепло, ещё не зима. Всегда так. Как только кто-нибудь чужой приходит, он начинает дурака валять. Твоё дело спать! Извините, святой отец, за беспокойство. Он добрый мальчик, услужить хотел.

КСЁНДЗ. Похвально, похвально. А скажите-ка, честная мать, как на исповеди, не затмилась ли в вашем сердце вера во всевышнего?

БАБУШКА. Господь с вами, святой отец! Откуда такие сомнения? Во что верила, в то и верю твёрдо. За святое дело в огонь и в воду пойду.

КСЁНДЗ (доволен). Достойна высшей похвалы такая вера! Когда ты предстанешь пред судом божиим, я буду свидетелем твоей благочестивой жизни.

ШАНДОР. Противно слушать. (Отворачивается к стене). Бабушка, ложитесь уже спать, не шумите. (Про себя). Пусть только лампу погасят.

БАБУШКА. Чтоб я не слыхала больше ни слова! Понял?

ШАНДОР (тихо). Ничего вы сами не понимаете.

КСЁНДЗ (бабушке). Послушайте, как я очутился в лесу. Приснился мне вчера сон…

БАБУШКА (зачарованно). Иштенем! Сон при-

снился…

КСЁНДЗ. Дивный сон. (Садится). Подняли меня ангелы как будто в царство всевышнего. Не видел господа бога, а лишь услышал сладкую его речь. И сказано было так: иди, слуга мой, завтра ночью в Волчий лес. Около Заячьего Колодца растут три дуба древние. Одно дупло узришь. Найдёшь в нем чудотворную икону. Возьми её и покажи людям. Тогда увидишь, что будет. Поверил я в это знамение, пошёл в лес, когда стемнело.

БАБУШКА. Говорите же скорее, нашли?

КСЁНДЗ. Лукавый не дал. По чашам водил меня, как слепою, и бросил в яму. Падая, повредил ногу. Но я снова пойду.

БАБУШКА. Иштенем! И я с вами, и я бы пошла.

КСЁНДЗ. Э, нет, я должен сам, так сказано. Если хочешь сделать божье дело, беги сейчас же в Эшфернадь. (Наклоняется к бабушке). В костёле живёт глухой звонарь Бенц. Ты грамотная? Напиши ему одно слово «Гирош». Он запряжёт лошадей и ты приведёшь его сюда. Никому об этом не говори, слышишь? Ведь безбожники насмехаются над нашим делом. Мальчик спит? Беги с богом.

Бабушка крестится, надевает кожушок, хочет идти.

ШАНДОР (вскакивает). Постойте, бабушка, куда вы? И я с вами! (Спрыгивает с кровати, одевается). Не ходите без меня. (Бежит к двери).

КСЁНДЗ (хватает его за руку). Что это значит? Не учил тебя отец, так я научу! (Дёргает за ухо). Чего орёшь? У бабушки свои дела. А ты спи, не то я тебя мигом усыплю. (Толкает Шандора на кровать).

БАБУШКА (не оборачиваясь). Я вернусь скоро.

(Выходит).

Ксёндз запирает дверь.

ШАНДОР. Почему вы меня не пускаете?

КСЁНДЗ. Не пускаю? (Льстиво). Ведь тебе в школу рано вставать. Спать, малыш, надо. О тебе беспокоюсь, дитя моё.

ШАНДОР. Сам знаю. Гасите лампу.

КСЁНДЗ. Пускай погорит, а я богу помолюсь. Чего же ты вдруг так рассердился? Я же тебя полюбил, как родного.

ШАНДОР. Куда бабушка пошла?

КСЁНДЗ (про себя). Я тебе объясню, волчонок. (Шандору). По делам, сынок, по делам.

ШАНДОР (плачет). Ещё заблудится, волки съедят. Пустите, я с ней пойду.

КСЁНДЗ. Поговори ещё. Надоело слушать.

Неожиданно Шандор гасит лампу, открывает дверь. Ксёндз еле успевает схватить его. Шандор

отбивается. Ксёндз стонет, тянет мальчика к кровати, нещадно бьет.

КСЁНДЗ. Ещё раз! Ещё раз! Убью, задушу! Я тебя усмирю. Будешь слушаться?

ШАНДОР. Пусти, бандит…

КСЁНДЗ. Что-о-о? (Зажигает лампу). Ты что, с ума спятил? Как разговариваешь со взрослым? Давай лучше мириться. Я тебе денег дам на конфеты. Много денег! На вот, на ещё! (Кладёт на кровать смятые деньги. В сторону). Придёт Бенц, решим, что делать.

ШАНДОР. Заберите свои деньга. (Бросает на пол). Не купите! На нашей земле вы окружены.

КСЁНДЗ. Так вот оно что? Ты всё знаешь. Хитрил, сто чертей и один дьявол. (Насмешливо). Какое нахальство! Со мной, с «Чёрным Вороном», так разговаривать. И кто? Придётся кончать комедию. (Вынимает револьвер, медленно сверху вниз наводит на Шандора).

ШАНДОР (твёрдо). Сложите оружие, и пойдём в район. Не делайте глупостей!

КСЁНДЗ (прячет револьвер, в сторону). Правильно! Лучше придушить без шума. Иди сюда, сын мой! (Расставив руки, идёт на Шандора).

Стук в дверь. Ксёндз резко оборачивается, под-

скакивает к двери.

ГОЛОС БАБУШКИ. Это я, святой отец, откройте.

КСЁНДЗ. Почему так скоро? Ты одна?

ГОЛОС БАБУШКИ. Всё хорошо. Пустите, я озябла.

Ксёндз открывает дверь. Входят лейтенант и двое военных с автоматами.

ВОЕННЫЙ. Руки вверх!

Ксёндз нехотя поднимает руки. Сзади подскакивает Шандор, выхватывает из его кармана револьвер.

ЛЕЙТЕНАНТ. Это ещё не всё, мальчик. (Обыскивает ксендза, забирает две гранаты, ещё один револьвер и нож из рукава). Вот и поймали «Чёрного Ворона»!.. Не раз он выскальзывал из наших рук. (Обращается к ксендзу). Вас ждёт ваш приятель, лётчик с американского самолёта. Только что посадили наши истребители. Он жалуется, что потерял пассажира.

Входит бабушка.

БАБУШКА. Шандор! Живой, внучек мой любимый. (Обнимает, целует). А ты думал, что твоя бабушка… Я сразу сообразила, что это за птица. Эх, ты! Кричишь на весь дом: «Диверсант! Диверсант!» Разве я глухая? Мог всё дело испортить.

ШАНДОР (восторженно). Вот здорово! Вот это

моя бабушка! (ксёндзу). Говорил, сдавайся сразу. Так нет, ещё огрызался!

КСЁНДЗ (бурчит). Бездарно попался, сто чертей и один дьявол. Каких разведчиков обводил вокруг пальца, а тут…

ЛЕЙТЕНАНТ. Сел, как мокрая курица. Иначе и не могло быть. Народ стоит на страже своих завоеваний. (Бабушке и Шандору). Спасибо за помощь, дорогие друзья. А мы уже думали, куда он делся, этот летучий «ксёндз», американский «Чёрный Ворон». Вы действовали, как патриоты республики. До свидания, дорогие друзья. Нам пора.

Выходят.

БАБУШКА. Благослови вас господь… (Опомнилась, Шандору). Не сердись. Это же поговорка и больше ничего. Ложись спать, а то в школу опоздаешь!

ЗАНАВЕС.

Иван Андрианович Багмут
Знак на стене

Иван Багмут

Знак на стене

На Пушкинской улице в доме, где живут рабочие и служащие одного большого завода, управляющий домом жаловался самому директору:

— Что делать? Только побелишь стены, а на другой день уже появляется надпись: «Сенька дурак двадцать первого разряда», а через день на стене уже целая переписка: «Дурак не я, а ты», «Оба вы дураки» и так далее, и тому подобное.

— У нас в доме есть пионерская комната. Поговорите с пионервожатым, — спокойно посоветовал директор.

— А ведь в самом деле! — обрадовался управдом. — Непременно поговорю.

Управдом не откладывал дела в долгий ящик, и на другой день был устроен сбор всех пионеров, живущих в этом доме.

Из ста двадцати шести мальчиков и девочек не нашлось никого, кто бы сказал, что писать на стенах — хорошо. И собрание быстро постановило:

1. Прекратить писать на стенах.

2. Если кто-нибудь заметит кого-нибудь пишущего на стене, немедленно сообщать об этом в свой пионеротряд.

После этого сбора прошла неделя. Стены в подъездах побелили. И вдруг как-то утром, направ-

ляясь в школу, председатель совета пионерской дружины Сергей Короб увидел на панели, рядом с дверями квартиры номер сорок, свежую надпись: «Вита дура тринадцатого разряда».

Сергей был парень горячий. У него даже дух перехватило от возмущения, и если бы он поймал виновника на месте преступления, тому пришлось бы не сладко. Но виновника не было, и Сергею оставалось только подойти к стене и тщательно стереть надпись носовым платком.

В тот же день он созвал совет дружины и сообщил о нарушении постановления.

Перед заседанием Сергей разыскал Виту, которая жила в квартире номер сорок.

— У тебя есть враги? — спросил Сергей у Виты.

— У меня? Враги? — удивилась девочка и добавила: — А почему у меня должны быть враги?

— Кто же тогда написал на стене возле вашей квартиры: «Вита дура тринадцатого разряда»? Друзья?

— Я не знаю… — растерянно сказала девочка. — А может это не обо мне?

Сергей рассказал про беседу с Витой на заседании совета. Совет решил, соблюдая полную тайну, проследить за подъездом номер три, где жила Вита, и поймать преступника.

Сергей сразу же после школы пробежал по всем этажам и с удовлетворением отметил, что надписи нет.

На следующий день Сергей проснулся рано и тотчас решил выглянуть на лестницу. Он отворил дверь, и кровь прилила к его лицу. На том же самом месте, где и вчера, было написано: «Вита дура тринадцатого разряда».

«Негодяй написал ночью», — решил Сергей и поднялся на пятый этаж к своему товарищу Петру Зайченко. Они вдвоём оглядели надпись и, выразив своё возмущение поведением негодяя, взяли тряпку и старательно стёрли написанное.

— Давай поймаем его! — предложил Сергей. — Он пишет ночью, мы теперь это знаем. Не поспим ночь и поймаем!

— Согласен, — поддержал Петро друга. — Только как же мы это сделаем? Папа и мама будут беспокоиться, станут ещё разыскивать нас.

— Гм… в самом деле… — задумался Сергей.

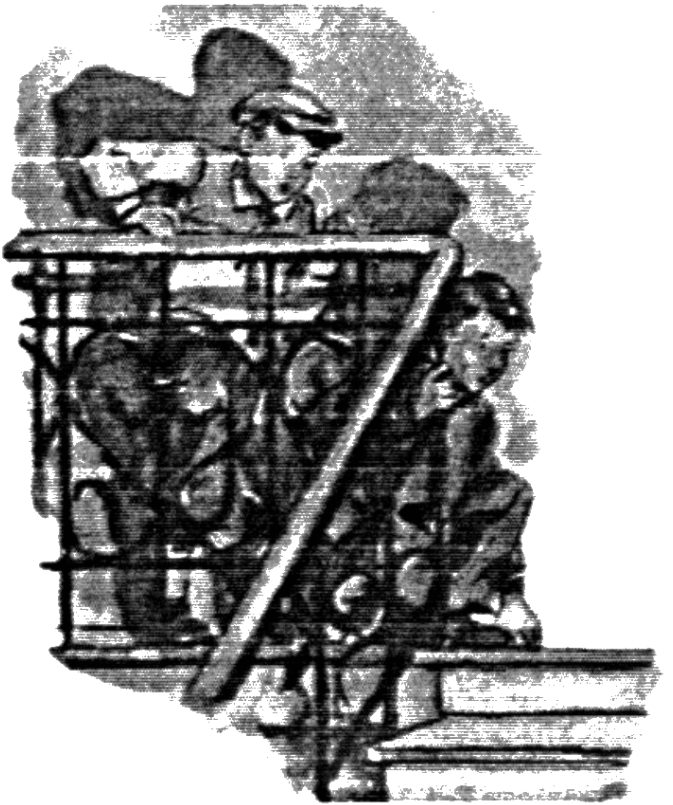
Мальчики несколько минут молчали. Вдруг Сергей оживился:

— Знаешь, как мы сделаем? Я скажу дома, что иду к тебе делать стенную газету и у тебя заночую. А ты скажешь, что идёшь ко мне делать стенную газету и у меня будешь ночевать.

— Здорово! — засмеялся Петро. — Так и скажем!

Вечером мальчики сказали родителям так, как условились, и взобрались на последний, шестой этаж, где уже не было квартир, а только ход на чердак. Отсюда было удобно следить за всеми этажами. Попозже, когда в доме стало тихо, они обежали все этажи и, убедившись, что стены чистые, снова заняли свой наблюдательный пункт.

Хотелось спать, и ребята, поглядев друг на друга, подумали, не пойти ли им домой? Вряд ли негодяй явится сейчас. Очевидно, он делает это утром.

Сергей уж хотел было поделиться своей мыслью с товарищем, как вдруг внизу звякнули ключи и щёлкнул замок. Сергей посмотрел вниз и увидел, что дверь в квартиру номер сорок открыта, а Витын сосед, старый инженер завода Аркадий Леонардович, открывает ящик для писем. Инженер вытащил из ящика газету, потом сделал шаг влево, огляделся и торопливо написал на стене синим мелом: «Вита дура тринадцатого разряда». Потом ещё раз огляделся, запер ящик и исчез у себя в квартире.

Мальчики окаменели от неожиданности и молча смотрели друг на друга.

— Почему он зол на Виту? — прошептал Петро.

Сергей молчал, о чём-то напряжённо думая.

— Зол на Виту? — переспросил он. — А мне кажется, здесь что-то другое…

— Правда? — блеснул глазами Петро. — Теперь я понимаю! Эта надпись условный знак.

Сергей кивнул головой.

Сон как рукой сняло. Ребята, поражённые увиденным, а ещё больше догадкой, возникшей у них обоих, стояли с широко раскрытыми глазами.

— Давай проследим и поймаем того, кто придёт читать эту надпись, — предложил Петро.

— А как ты догадаешься, кто придёт читать? Тем и удобен этот знак, что прочитать его можно совсем незаметно. Человек прошёл по лестнице, но откуда ты узнаешь, что он пришёл сюда только для того, чтобы прочитать надпись?

— Он работает в конструкторском бюро, — указал Петро на квартиру инженера, — может, он сообщает, что завтра передаст чертежи какой-нибудь секретной машины?

— Мерзавец! — с возмущением проговорил Сергей и добавил: — Что же делать?

Мальчики долго думали и наконец решили

пойти и заявить в милицию. Они потихоньку вышли во двор и зашагали пустынными улицами. Через полчаса они сидели в кабинете, и военный в форме майора, вызванный дежурным милиции, внимательно слушал их рассказ.

Когда ребята закончили, майор задал несколько вопросов.

— А не помните ли вы, какие были прежние надписи? Всегда было написано тринадцатый разряд или бывало иначе?

— Нет, — ответил Петро, — разряды разные. Я помню даже двадцать третий разряд.

— А имя только Витыно или бывали и другие имена?

— Раза два я помню читал: «Сенька дурак двадцать первого разряда», — ответил Сергей.

Майор, думая о чём-то своём, кивнул головой, потом оживился и сказал:

— Ну хорошо. Спасибо вам, ребята. Смотрите же не стирайте надпись на стене. И не вздумайте следить за инженером!

Было уже три часа ночи, когда друзья вернулись домой.

Утром отец Сергея хотел позвонить по телефону, но оказалось, что аппарат не работает. На площадке возле квартиры номер сорок монтёры

уже разломали стену и искали повреждение телефонного кабеля. Сергей, отправляясь в школу, не обратил на них внимания и только посмотрел, не стёрта ли надпись на стене. Нет, надпись была цела.

На другой день было воскресенье. Надпись на стене кто-то стёр, и она больше уже не появлялась.

Совет пионерской дружины перестал интересоваться этим вопросом, поскольку постановления никто не нарушал. Но Сергей и Петро с беспокойством замечали, что инженер из сороковой квартиры по-прежнему ходит на завод, а вечером спокойно возвращается домой.

— Значит, он не шпион… — с разочарованием сказал Петро.

— Надпись на стене — это ещё не доказательство шпионства, — ответил Сергей. — Надо сначала доказать, что он совершил преступление, а потом уже арестовывать.

Но через месяц после ночного приключения инженера всё-таки арестовали.

Прошло ещё месяца два, и на сбор пионерской дружины неожиданно пришёл знакомый ребятам майор и передал Сергею и Петру благодарность за помощь в открытии шпионской

банды.

— Шпионы, — сказал майор, — нашли очень удобный способ сообщения — писать про время и место встречи на стенах. Последняя надпись «Вита дура тринадцатого разряда» означала: Вита — воскресенье, тринадцатый разряд — одновременно и тринадцать часов и тринадцатый магазин. Словом, надпись сообщала: «Встреча в воскресенье в магазине номер тринадцать в тринадцать часов». Поскольку инженер в будни был занят, он назначал свиданья в воскресенье. Вот почему больше всего обид доставалось на долю Виты. Видите, ребята, шпионы воспользовались вашей плохой привычкой писать на стенах. Вот как получается: когда мы делаем что-нибудь дурное, это всегда идёт на пользу врагам.

Майор замолчал, а все сидели, затаив дыхание, ожидая, что он расскажет дальше.

— А вы узнали, кто читал надпись? — спросил Сергей.

— Конечно, — ответил майор. — Помните, в вашем подъезде ремонтировали телефон? Так вот, эти телефонисты не только нашли повреждение, но и сфотографировали всех, кто заходил в ваш подъезд и поднимался на четвёртый этаж. Это было в субботу. А в воскресенье в тринадцать

часов мы увидели и сфотографировали того, кому инженер из сороковой квартиры дал папиросу в магазине номер тринадцать… Разрешите на этом закончить и обратиться к вам с призывом: будьте бдительны!

Пионеры поддержали его слова громкими аплодисментами.

Перевод с украинского В. Карасевой.

Сергей Владимирович Михалков
Граница

Сергей Михалков

Граница

В глухую ночь,
В холодный мрак
Посланцем белых банд
Переходил границу враг —

Шпион и диверсант.
Он полз ужом на животе,
Он раздвигал кусты,
Он шел на ощупь в темноте
И обошел посты.
По свежевыпавшей росе
Некошеной травой
Он вышел утром на шоссе
Тропинкой полевой.
И в тот же самый ранний час
Из ближнего села
Учиться в школу, в пятый класс,
Друзей ватага шла.
Шли десять мальчиков гуськом
По утренней росе,
И каждый был учеником
И ворошиловским стрелком,
И жили рядом все.
Они спешили на урок,
Но тут случилось так:
На перекрестке двух дорог
Им повстречался враг.

— Я сбился, кажется, с пути
И не туда свернул!
Никто из наших десяти
И глазом не моргнул.
— Я вам дорогу покажу! —
Сказал тогда один.
Другой сказал:
— Я провожу.
Пойдемте, гражданин.
...Сидит начальник молодой,
Стоит в дверях конвой,
И человек стоит чужой —
Мы знаем, кто такой.
Есть в пограничной полосе
Неписаный закон:
Мы знаем все, мы знаем всех
Кто я, кто ты, кто он.

1937

Содержание

Эти пионеры поймали шпиона 5
Р. Фраерман. Шпион 8
С. Михалков. Шпион 84
И. Батурин. Коричневая пуговка 86
Л. Кассиль. Дядя Коля, мухолов 89
С. Маршак. Пограничник 100
В. Курочкин. Морской черт 101
Е. Долматовский. Пуговка 136
Б. Чалый. Конец черного ворона 139
И. Багмут. Знак на стене 150
С. Михалков. Граница 157

КОРИЧНЕВАЯ ПУГОВКА

Дети всегда с удовольствием «экспроприировали» произведения, для них совсем не предназначенные. Романы Жюля Верна, Уэллса, Беляева давно и прочно перешли в золотой фонд детской литературы. Туда же перекочевали книги Купера, Майна Рида и других авторов, свято веривших, что они творят для взрослой аудитории. Не стал исключением и детективный жанр: многие из нынешних читателей серии в детстве с упоением «глотали» бесконечные приключения инспектора Лосева, сыщика Гурова, Нила Кручинина, переживали за Пронина и Штирлица...

Но не нужно думать, что никто не писал именно для детей. Таких произведений тоже было достаточно и доказательством тому – этот сборник, в котором собрана лишь часть «шпионских» сочинений, адресованных детям. Несмотря на то, что в числе авторов встречались и именитые, талантливые писатели, именно эти рассказы, повести и стихи не смогли пережить испытание временем. Но зато, как нам кажется, с еще большим удовольствием будут прочитаны новым поколением любителей жанра.

ТАРАНС 2015